

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61039 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р юрид. наук, проф. О.Ю. Ильина (*глав. редактор*);
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Туманова;
д-р юрид. наук, доц. Н.А. Антонова;
д-р юрид. наук, проф. Л.Т. Бакулина;
д-р юрид. наук, проф. М.В. Баранова;
д-р юрид. наук, проф. А.Г. Безверхов;
д-р юрид. наук, проф. А.А. Воротников;
д-р юрид. наук, ассоциированный проф. Б.А. Джандарбек;
д-р юрид. наук, проф. И.Г. Дудко;
д-р юрид. наук, проф. М.А. Ефремова;
д-р юрид. наук, проф. А.И. Коробеев;
д-р юрид. наук, проф. В.И. Крусс;
д-р юрид. наук, проф. А.Н. Кузбагаров;
д-р юрид. наук, доц. А.Н. Левушкин;
д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Михеева;
д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Попова;
д-р юрид. наук, проф. В.Д. Потапов

Адрес редакции:

Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222
Тел.: +7 (4822) 70-06-57

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2023

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФЦ77-61039 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: Law

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

Doctor of Law, Professor O.U. Ilina (editor-in-chief);
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova;
Doctor of Law, Professor N.A. Antonova;
Doctor of Law, Professor L.T. Bakulina;
Doctor of Law, Professor M.V. Baranova;
Doctor of Law, Professor A.G. Bezverkhov;
Doctor of Law, Professor A.A. Vorotnikov;
Doctor of Law, Professor B.A. Dzhandarbek;
Doctor of Law, Professor I.G. Dudko;
Doctor of Law, Professor M.A. Efremov;
Doctor of Law, Professor A.I. Korobeev;
Doctor of Law, Professor V.I. Kruss;
Doctor of Law, Professor A.N. Kuzbagarov;
Doctor of Law, Professor A. N. Levushkin;
Doctor of Law, Professor T.N. Mikheeva;
Doctor of Law, Professor Yu.A. Popova;
Doctor of Law, Professor V.D. Potapov

Editorial Office:

Office 222, 22, 2nd Griboyedova st., 170021, Tver, Russia
Tel.: +7 (4822) 70-06-57

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы частного права

<i>Григорьева И.М.</i> Особенности гражданско-правовой ответственности.....	7
<i>Жукова О.В.</i> Некоторые вопросы унификации и дифференциации процессуального законодательства по делам с участием несовершеннолетних.....	15
<i>Иванова М.С.</i> Доверие и добросовестность при разделе общего имущества супругов.....	24
<i>Козлова М.В.</i> Об особенностях абсолютных прав в отношении объектов интеллектуальной собственности.....	33
<i>Попова И.Ю.</i> Правовые особенности географического указания как средства индивидуализации.....	42

Актуальные вопросы публичного права

<i>Антонова Н.А.</i> Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов и гарантии обеспечения ее эффективности.....	51
<i>Дронова Ю.А. Туманова Л.В.</i> Принудительное оказание психиатрической помощи по нормам уголовного права и административного судопроизводства.....	59
<i>Крусс И.А.</i> Нормативно-правовое регулирование цифровой торговой инфраструктуры в Российской Федерации.....	75
<i>Кувырченкова Т.В., Жданов С.П.</i> К вопросу международной оценки безопасности нанотехнологий.....	83
<i>Хохрин С.А.</i> Некоторые особенности криминологической характеристики личности сотрудника уголовно-исполнительной системы, совершившего пенитенциарное преступление.....	92

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

<i>Алешиукина С.А.</i> Юридическая клиника: проблемы и вызовы XXI века.....	104
<i>Жуков Ф.Ф., Козлов С.П.</i> Применение в делах о банкротстве частичной реституции по сделкам с неравноценным встречным исполнением: проблемы, возникающие в правоприменении.....	113

Иванова Е.В.

Проблемные вопросы деятельности уголовно-исполнительных инспекций в рамках контроля за осужденными, освобожденными условно-досрочно от оставшейся неотбытой части наказания.....121

Радченко М.Э.

К проблеме предупреждения совершения повторных преступлений осужденными к принудительным работам.....130

Хохлов С.В.

Способы управления многоквартирным домом: некоторые аспекты правового регулирования.....136

Яковлева Н.Г., Огаркова Н.О.

Практические аспекты выявления и пресечения контрабанды культурных ценностей.....145

Обзоры и анонсы научных мероприятий

Ильина О.Ю.

Обзор мероприятий, посвященных Дню преподавателя высшей школы России.....158

Смирнов С.Н.

Обзор всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Императорское Православное Палестинское Общество и Тверской край: история и современность».....165

Трибуна молодого ученого

Медведева О.А.

К вопросу об ответственности по статье 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации.....170

Фетисов П.И.

Современное состояние преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий.....178

CONTENT

Topical issues of private law

<i>Grigorieva I.</i> Peculiarities of civil liability.....	7
<i>Zhukova O.</i> Some unification issues and differentiation of procedural legislation in cases involving minors.....	15
<i>Ivanova M.</i> Trust and integrity in division of common property of spouses.....	24
<i>Kozlova M.</i> On the peculiarities of absolute rights in respect of intellectual property objects.....	33
<i>Popova I.</i> Legal features of geographical indication as a means of individualization...	42

Topical issues of public law

<i>Antonova N.</i> Guarantees of ensuring its effectiveness.....	51
<i>Dronova Yu., Tumanova L.</i> Forced psychiatric care according to the standards of criminal law and administrative proceedings.....	59
<i>Kruss I.</i> Regulatory and legal regulation of digital trade infrastructure in the Russian Federation.....	75
<i>Kuvirchenkova T., Zhdanov S.</i> On the issue of international assessment of the safety of nanotechnologies.....	83
<i>Khokhrin S.</i> Some features of the criminological characteristics of the personality of the employee who committed a penitentiary crime.....	92

Topical issues of science and law enforcement practice

<i>Aleshukina S.</i> Legal clinic: problems and challenges of the XXI century.....	104
<i>Zhukov F., Kozlov S.</i> Application of partial restitution in bankruptcy cases for transactions with unequal counter-execution: problems arising in law enforcement.....	113
<i>Ivanova E.</i> Problematic issues of the activities of penal enforcement inspections in the framework of monitoring convicts released on parole from the remaining part of the sentence not served.....	121

Radchenko M.

On the problem of preventing repeat convicted crimes to forced work.....130

Khokhlov S.

Ways of a block of flat's management: several legal regulation issues.....136

Yakovleva N., Ogarkova N.

Practical aspects of identifying and suppressing the smuggling of cultural values.....145

Overview and announcements of scientific events

Ilyina O.

Review of events dedicated Day of teachers of higher school of Russia.....158

Smirnov S.

Overview of the all-russian research-to-practice conference (with international participants) "Imperial Orthodox Palestine Society and the Tver region: the past and the present".....165

Tribune of young scientist

Medvedeva O.

On the issue of liability under article 280.3 of the Criminal code of the Russian Federation.....170

Fetisov P.

Current state of crimes committed using information technologies.....178

Актуальные вопросы частного права

УДК 347.51

DOI: 10.26456/vtpravo/2023.4.007

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

И.М. Григорьева

Арбитражный суд г. Москвы, г. Москва

Рассматриваются проблемы, связанные с отсутствием доктринального определения понятия гражданско-правовой ответственности и выделенных единых признаков такой ответственности в трудах российских ученых-цивилистов. На основе проведенного анализа в качестве характерной особенности гражданско-правовой ответственности выделяется ее защитная функция, проявляемая различным образом в разных правоотношениях. В связи с этим предлагается рассматривать гражданско-правовую ответственность как сложное, комплексное явление, обеспечивающее защиту прав и законных интересов участников гражданских правоотношений.

Ключевые слова: *гражданская ответственность, имущественная ответственность, компенсация, вред, возмещение вреда, вина.*

До настоящего времени на доктринальном уровне не выработано общепризнанное определение понятия гражданско-правовой ответственности, при этом для понимания особенностей такой ответственности оказывается недостаточно общих представлений о добросовестности, справедливости и разумности поведения участников гражданского оборота как субъектов гражданского права.

Традиционное рассмотрение гражданско-правовой ответственности как предусмотренных законом последствий, являющихся результатом совершения гражданского правонарушения (деликта), неблагоприятных для нарушителя и направленных на возмещение потерь потерпевшей стороне за счет имущества нарушителя, включая возмещение вреда и возмещение убытков [8, с. 54], не охватывает значительную часть случаев применения рассматриваемой ответственности, представляющей собой сложное правовое явление.

В публикациях выделяются различные варианты определений понятия, признаков, условий наступления и особенностей гражданско-правовой ответственности, в разной степени характеризующие ее проявления как санкции за правонарушение [5, с. 82–84], особый вид юридической ответственности, формы государственного принуждения [5], возложение дополнительных обременений на нарушителя [8, с. 52], принятие мер для восстановления имущественной сферы потерпевших и др. [7].

При этом анализ различных вариантов определения рассматриваемого понятия показывает, что они в разной степени применимы к отдельным случаям проявления гражданско-правовой ответственности, причем во многих случаях значительная часть из них не проявляется в рамках конкретных правоотношений, связанных с восстановлением нарушенных прав или имущественной сферы потерпевшей стороны.

Привлечение нарушителя к гражданско-правовой ответственности может приводить к предъявлению к нему не только определенных имущественных требований, но также требований по совершению определенных действий, например, опровержению не соответствующей действительности информации, запрету определенных действий, прекращению или ограничению определенных прав. Следствием проявления недобросовестной конкуренции при регистрации товарного знака может становиться прекращение правовой охраны зарегистрированного товарного знака, следствием злоупотребления правом – отказ в защите прав и т. д. Такие последствия могут иметь место в различных сочетаниях, причем ни одно из них не будет возникать во всех случаях наступления гражданско-правовой ответственности, т. е. не может рассматриваться в качестве универсального признака, характерного для всех проявлений гражданско-правовой ответственности.

Необходимо признать, что даже имущественный, компенсационный характер гражданско-правовой ответственности, несмотря на его особое значение, проявляется не во всех случаях ее возникновения. Далеко не во всех случаях в рамках гражданско-правовой ответственности удастся решить задачу возмещения причиненного вреда или убытков в полном объеме, в том числе в силу устанавливаемых законодательством ограничений. Такие формы гражданско-правовой ответственности, как запреты и понуждения, также могут быть применены только в отдельных случаях, а вопрос об их имущественном содержании остается дискуссионным [7, с. 134].

В ряде случаев гражданско-правовая ответственность сводится к принуждению должника к исполнению ранее не исполненной обязанности, вследствие чего возникает парадоксальная ситуация, в которой применительно к нарушителю при отсутствии доказанных убытков у потерпевшей от нарушения стороны последствия могут оказываться такими же, как те, которые наступили бы при соблюдении нарушившей стороной принятого на себя обязательства. Кроме того, далеко не во всех случаях «отрицательные последствия для должника (правонарушителя) превышают те выгоды, которые он получил вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения» [13, с. 313]. Такая ситуация вызывала и продолжает вызывать научные дискуссии между известными отечественными учеными-цивиристами.

Так, М.М. Агарков отмечал, что выполнение должником обязательства является обязанностью должника, а в качестве ответственности следует рассматривать только последствия такого неисполнения [1, с. 44], но данный подход как раз и означает признание ответственностью тех действий и затрат, которые нарушитель должен был бы совершить или, соответственно, понести при нормальных условиях, при своевременном и полном выполнении им своих обязательств. Данный подход действительно приводит к парадоксальной ситуации, при которой фактической санкцией за нарушение договора выступает выполнение предусмотренных таким договором обязательств, т. е. то, что нарушитель должен был сделать добровольно и в срок, превращается в основную санкцию за допущенное нарушение, а гражданско-правовая ответственность вследствие этого оказывается приравнена к исполнению нарушителем принятого на себя обязательства. Несмотря на то, что такое толкование само по себе не ведет к исключению возможности привлечения нарушителя к ответственности и не влечет освобождение его от исполнения обязательств, парадоксальность возникающей при этом ситуации не раз привлекала к себе внимание цивилистов.

Для разрешения ситуации, в которой привлечение нарушителя к гражданско-правовой ответственности приводит к тем же последствиям для сторон, которые должны были наступить при отсутствии нарушения, О.С. Иоффе полагал возможным не рассматривать принудительное исполнение как меру гражданско-правовой ответственности [9, с. 14]. Но такое решение не соответствовало бы традиционным подходам для рассматриваемого института, также как отнесение к гражданско-правовой ответственности последствий нарушения условий договоров, устраняемых путем замены товаров, повторного проведения работ и ликвидации недостатков оказанных услуг [3].

В то же время не во всех случаях обоснованной представляется точка зрения, согласно которой гражданско-правовая ответственность в обязательном порядке должна быть связана с правонарушением, представляет собой санкцию за его совершение. Данная точка зрения обычно высказывается в отношении общего понятия юридической ответственности, охватывающего наряду с гражданско-правовой ответственностью также уголовно-правовую, административную, дисциплинарную и материальную ответственность [8, с. 52]. Именно при рассмотрении общего понятия юридической ответственности Н.С. Малеин сделал вывод о том, что ее основанием является правонарушение, без которого ответственность, по его мнению, не наступает [12, с. 130]. Аналогичная позиция выражалась также другими авторами, предполагавшими, что юридическая ответственность невозможна при отсутствии правонарушения [8, с. 52].

Действительно, в тех случаях, когда речь идет об умышленном причинении вреда, нарушении исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, распространение сведений, порочащих честь и достоинство, и иных случаях нарушений можно говорить о наличии гражданско-правового деликта и наступлении гражданско-правовой ответственности в связи с совершением нарушителем действий, приведших к ущемлению прав других лиц.

В тех случаях, когда речь идет о неисполнении договорных обязательств, может возникать двойственная ситуация, например, при отсутствии вины лица, допустившего нарушение договора, в таком нарушении. При этом в соответствии с принятым в современном гражданском праве подходом, если нарушение обязательств произошло при осуществлении предпринимательской деятельности, то допустившее нарушение лицо будет нести гражданско-правовую ответственность независимо от наличия его вины в нарушении принятых ранее обязательств.

Таким образом, в рассматриваемом случае будет иметь место нарушение обязательства, но вряд ли можно будет говорить о лице, допустившем нарушение при отсутствии вины в его совершении, как о «правонарушителе» в том смысле, какой вкладывается в это понятие в уголовном, административном или даже гражданском праве. Неслучайно в российском законодательстве отсутствует определение гражданского правонарушения. Скорее, речь может идти о применении гражданско-правового механизма защиты интересов потерпевшей стороны, которые законодательство полагает возможным в определенных случаях приводить в действие независимо от наличия вины нарушителя и даже при доказанном отсутствии его вины в совершении нарушения (ст. 401, 405, 796, 929, 934, 964, 1070, 1079, 1104 и др. Гражданского кодекса РФ). Еще более сложные варианты гражданско-правовой ответственности могут наступать при привлечении к ней третьих лиц, несущих в силу закона или договора ответственность за вред и убытки, причиняемые теми лицами, за которых они отвечают.

Гражданско-правовую ответственность нельзя рассматривать только как санкцию за совершение гражданско-правового нарушения. Наличие во многих случаях ответственности при отсутствии вины, включая ответственность при причинении вреда источником повышенной опасности, и возможность несения ответственности за третьих лиц делает невозможным рассмотрение всех лиц, которые привлекаются к гражданско-правовой ответственности, как нарушителей законодательных требований, несмотря на то что в значительной части случаев наличие вины может презюмироваться, а вид и степень вины причинителя вреда могут существенным образом повлиять на принимаемые судом решения о размере подлежащих взысканию

компенсаций морального вреда [11] или компенсаций за нарушения исключительных прав на произведения и иные результаты интеллектуальной деятельности [6]. Исследователями отмечается последовательный отход гражданского законодательства от признания вины и наличия правонарушения в качестве обязательных условий наступления гражданско-правовой ответственности [8, с. 55].

Часто речь идет только о законодательном выборе между интересами различных категорий участников гражданских правоотношений. В связи с этим гражданско-правовая ответственность может представлять собой не санкцию, возлагаемую на виновное лицо, а решение о перераспределении имущественных благ, осуществляемое в интересах потерпевшей стороны, в том числе за счет третьих лиц или при отсутствии вины причинителя, если речь идет о владельцах источников повышенной опасности или ответственности, наступающей при осуществлении предпринимательской деятельности.

В особых ситуациях возможно также принятие государством мер, направленных на снижение имущественной ответственности, или оказание помощи потерпевшим участникам гражданско-правовых отношений для устранения последствий чрезвычайных обстоятельств, например, пандемии [2]. В приведенных случаях решение о перераспределении благ, а точнее убытков, принимается в том числе с учетом необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов [2, с. 20]. При этом государство для достижения поставленных целей сохранения и поддержания отдельных отраслей или групп хозяйствующих субъектов может не только осуществить их поддержку за счет федерального бюджета, в том числе освободив от отдельных выплат (арендной платы за федеральное имущество, налогов, отчислений), но и лишить граждан и организации возможности предъявления определенных требований к таким хозяйствующим субъектам, установив, например, мораторий на применение предусмотренных законом или договором финансовых санкций к застройщикам за задержку сдачи объектов.

В отличие от уголовного-правового или административно-правового подходов, в рамках которых требуется определить факт наличия правонарушения, выявить нарушителя, установить факт наличия его вины в совершенном противоправном деянии и на этом основании применить предусмотренные законодательством уголовно-правовые или, соответственно, административно-правовые санкции в целях обеспечения общей и частной превенции, в гражданском праве применяется более сложный, дифференцированный подход. Задачами гражданского права является регулирование имущественных отношений, обеспечение защиты личных неимущественных прав, поддержание баланса между интересами различных участников гражданских правоотношений. Для решения данных задач требуется применение

различных подходов, учитывающих особенности отдельных ситуаций, основанных на комплексном применении принципов гражданского права.

Постепенное развитие цивилистической науки и гражданского законодательства позволило выработать подходы к регулированию сложных общественных отношений, основанные на юридическом равенстве их участников, признании определенных базовых принципов, но при этом с исключением абсолютизации какого-либо одного из них. Например, действие принципа свободы договора может ограничиваться необходимостью защиты слабой стороны возникающих правоотношений; применение принципа полного возмещения убытков может исключаться в отношении определенных субъектов, например авторов произведений по заключаемым ими договорам (ст. 1290 Гражданского кодекса РФ), в отношении определенных видов деятельности или в определенных ситуациях, в которых государство считает необходимым установить такие ограничения.

Так, ограничивая в упомянутом выше случае ответственность авторов суммой реального ущерба, законодатель исходит из невозможности возложения на авторов – физических лиц, творческим трудом которых создаются произведения, полной ответственности за убытки, которые может претерпеть лицо, приобретающее у автора исключительное право по договору отчуждения или получающее лицензию на использование произведения по заключаемому с автором лицензионному договору. Студия, осуществившая съемку фильма, действуя как коммерческое предприятие, вправе рассчитывать на получение коммерческой прибыли от своей предпринимательской деятельности, но неизбежным спутником такой деятельности, направленной на получение прибыли, является несение предпринимательских рисков. Данные риски, во многих случаях непредсказуемые по своей сути и при этом способные привести к причинению студии значительных убытков, не могут быть переложены на авторов произведений – физических лиц в полном объеме.

В связи с этим вряд ли целесообразно рассматривать гражданско-правовую ответственность в целом как инструмент, направленный на «наказание» участников гражданских правоотношений, хотя нельзя отрицать, что при определенных условиях установление такой ответственности и систематическое привлечение к ней могут оказывать определенное воспитательное воздействие на членов общества [10], способствовать, в частности, принятию дополнительных мер для минимизации возможного вреда, более тщательному выбору контрагентов, страхованию ответственности за причинение вреда третьим лицам.

Вместе с тем представляется возможным утверждать, что во всех случаях гражданско-правовая ответственность выполняет защитную

функцию, проявляемую различным образом в различных правоотношениях. В связи с этим возможно рассматривать гражданско-правовую ответственность как сложное, комплексное явление, обеспечивающее защиту прав и законных интересов участников гражданских правоотношений. Нарушение таких прав вызывает необходимость применения устанавливаемых законодательством специальных правовых механизмов, которые в целом характеризуются понятием гражданско-правовой ответственности.

Предлагаемый подход позволяет в определенной мере устранить логические противоречия, приводившие исследователей к выводу о двойственном или неопределенном характере гражданско-правовой ответственности [4, с. 661]. Защита субъективных прав участников гражданских правоотношений может обеспечиваться различным образом, применяемые при этом варианты гражданско-правовой ответственности могут по-разному характеризоваться учеными, но во всех случаях будет сохраняться общая целевая направленность на защиту субъективных прав в рамках возникающих гражданских правоотношений.

Все остальные признаки или особенности гражданско-правовой ответственности, как было отмечено выше, не являются универсальными, присутствующими во всех случаях ее проявления, в отличие от ее защитной функции, предопределяющей особенности ее возникновения и применения. При этом законодатель может принимать решения об усилении или ограничении гражданско-правовой ответственности для отдельных ситуаций с учетом баланса интересов различных категорий участвующих в них лиц, принципов разумности и справедливости.

Список литературы

1. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. 378 с.
2. Барткова О.Г. К вопросу о необходимости специальных мер государственной поддержки и охраны интересов участников гражданско-правовых обязательств в условиях пандемии коронавируса (COVID-2019) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 16–23.
3. Барткова О.Г. О некоторых гражданско-правовых и иных правовых последствиях выполнения работ из материалов, не соответствующих требованиям государственного контракта // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 4 (60). С. 8–14.
4. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1. Общие положения. 3-е изд. М.: Статут, 2011. 847 с.
5. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. 269 с.
6. Гаврилов Э.П. Совершенствование законодательства о компенсации за нарушение исключительного права в связи с Постановлением

Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 года № 28-П // Хозяйство и право. 2017. № 3. С. 18–32.

7. Григорьева И.М. Проблемы определения понятия гражданско-правовой ответственности // Евразийский юридический журнал. 2020. № 10. С. 133–134.

8. Гуцин В.З. Гражданско-правовая ответственность // Современное право. 2014. № 1. С. 52–57.

9. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. 310 с.

10. Карманова Е.В. Воспитательная функция гражданско-правовой ответственности в аспекте юридической ответственности // ВУЗ. XXI век. 2014. № 2 (45). С. 37–49.

11. Козырева Е.В. Степень вины причинителя как критерий определения размера компенсации морального вреда // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2016. № 2. С. 73–76.

12. Малеев Н.С. Правонарушение. Понятие, причины, ответственность. М., 1985. 192 с.

13. Цветков С.Б. К вопросу о соотношении понятий гражданско-правовой ответственности и наказания // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 2. С. 312–315.

Об авторе:

ГРИГОРЬЕВА Ирина Михайловна – кандидат юридических наук, судья Арбитражного суда г. Москвы (115225, г. Москва, ул. Большая Тульская, 17), ORCID: 0000-0002-9229-9198, e-mail: legim1@mail.ru

PECULIARITIES OF CIVIL LIABILITY

I.M. Grigorieva

Moscow Arbitration Court, Moscow

The article considers the problems associated with the lack of doctrinal definition of the concept of civil liability and the lack of identified common features of such liability in the works of Russian legal scholars. On the basis of the conducted analysis as a protection of rights and legitimate interests of participants of civil legal relations. characteristic feature of civil-law liability is highlighted its protective function, manifested in different ways in different legal relations. In this regard, it is proposed to consider civil-law liability as a complex, comprehensive phenomenon that provides

Keywords: *civil liability, property liability, compensation, damages, compensation for damages, guilt.*

About author:

GRIGORIEVA Irina – PhD in Law, judge of the Moscow Arbitration Court (115225, Moscow, B. Tulskaaya st., 17), ORCID: 0000-0002-9229-9198, e-mail: legim1@mail.ru

Григорьева И.М. Особенности гражданско-правовой ответственности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 7–14.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023 г.

Подписана в печать 27.11.2023 г.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УНИФИКАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

О.В. Жукова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования выступают структура и содержание гражданского процессуального законодательства и законодательства об административном судопроизводстве по делам с участием несовершеннолетних. Рассматриваются особенности реализации их права на судебную защиту. Целью работы является анализ предпосылок права на обращение в суд, возможности применения примирительных процедур по делам с участием несовершеннолетних, особенностей пересмотра судебных актов. Обосновывается положение о том, что защита прав и законных интересов ребенка должна осуществляться совместно законными представителями, органом опеки и попечительства, прокурором и судом, поскольку несовершеннолетний самостоятельно не может защитить свои права в суде. Нормы процессуального законодательства должны закреплять единые процессуальные правила рассмотрения дел с участием несовершеннолетних, направленные на обеспечение интересов ребенка, вне зависимости от подсудности дела.

***Ключевые слова:** гражданский процесс, административное судопроизводство, право на судебную защиту, несовершеннолетние.*

Право на судебную защиту, закрепленное в ст. 46 Конституции РФ [1], нуждается в особом правовом регулировании в отношении несовершеннолетних. Процессуальное законодательство содержит общее положение о том, что права и законные интересы несовершеннолетних защищают в суде их законные представители. Далеко не всегда это утверждение соответствует реалиям жизни, нередко сами законные представители нарушают права несовершеннолетних. Кроме того, в Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее – ГПК РФ) [2] и Кодексе административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) [3] предусмотрены различные процессуальные правила рассмотрения дел с участием несовершеннолетних. Поэтому проведем сравнительный анализ норм и остановимся на вопросах унификации и дифференциации процессуального законодательства.

И.А. Приходько, анализируя влияние дифференциации судебных производств на доступность правосудия, приходит к выводу о том, что «устанавливая дифференциацию судебных производств, законодатель предусматривает обусловленные соответствующим производством

особенности в рассмотрении тех или иных дел. Эти особенности в зависимости от вида производства выражаются, в частности, в различных требованиях к форме и содержанию обращения к суду, являющегося основанием для возбуждения судом дела в рамках соответствующего судебного производства, предусмотренного процессуальным законом; в необходимости оплаты соответствующего обращения госпошлиной, в указаниях о ее размере; в перечне прилагаемых в обязательном порядке документов, в сроках для обращения в суд, в распределении бремени доказывания; в процессуальных правах и обязанностях участвующих в деле лиц; в полномочиях суда; в порядке рассмотрения соответствующих дел и вынесения судебного акта, которым завершается разбирательство дела; в порядке и сроках его обжалования [7, с. 472–474].

КАС РФ воспринял основные положения гражданского процесса, но при этом закрепил и достаточно много новых положений. Если ГПК РФ включает в себя общие положения, посвященные исковому производству, не выделяя особенности рассмотрения споров, возникающих из гражданских, семейных, трудовых, жилищных, земельных, экологических и иных правоотношений (ст. 22 ГПК РФ), то структура КАС РФ изначально задумывалась с выделением общей части и особенностей рассмотрения отдельных категорий дел. Конечно, многие нормы КАС РФ «вышли» из гражданского процессуального законодательства: закреплено единство основных подходов и процессуальных правил наряду со спецификой, определенной особенностями публично-правовой природы правоотношений [9, с. 13–17]. Особенная часть КАС РФ делит административное судопроизводство практически на два вида: дела о защите прав и законных интересов в правоотношениях, имеющих публично-правовой характер (ч. 2 ст. 1), и дела, связанные с осуществлением обязательного судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (ч. 3 ст. 1).

Д.М. Чечот, анализируя возможности и пределы судебного контроля, указывал, что сущность правового спора состоит в том, что между гражданином и административным органом существует разногласие относительно применения нормы материального права, определяющей поведение, права и обязанности участников правоотношений [11, с. 368]. Поэтому важно, с одной стороны, чтобы во всех случаях, когда требует специфика материальных правоотношений, были установлены дополнительные процессуальные правила, в том числе при рассмотрении дел с участием несовершеннолетних. С другой стороны, необходимо говорить об унификации процессуального законодательства и устранении необоснованных различий в правовом регулировании схожих процессуальных правоотношений [5, с. 149–165], в том числе процессуального статуса несовершеннолетнего как участника гражданского и административного судопроизводства,

поскольку дифференциация судебных производств может создавать затруднения для получения эффективной защиты прав и законных интересов [7, с. 508]. Как утверждает И.В. Решетникова, «всегда важна обоснованность как для дифференциации, так и для унификации права» [8, с. 32–52].

Представляется, что единство основных подходов и процессуальных правил должно распространяться на принципы судопроизводства. Статья 6 КАС РФ закрепляет систему принципов административного судопроизводства, в том числе принцип состязательности и равноправия сторон административного судопроизводства при активной роли суда. Представляется, что в гражданском процессуальном законодательстве должны быть поименованы все принципы судопроизводства. Кроме того, в ст. 12 ГПК РФ необходимо дополнительно закрепить положение об активной роли суда в защите права и обеспечении дополнительных гарантий «слабой» стороны в процессе, в том числе по делам с участием несовершеннолетних. Поскольку положение о том, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства, предопределяет необходимость во всех правоотношениях признавать приоритет защиты интересов ребенка. Например, активная роль суда требуется в гражданском процессе по делам о взыскании алиментов, о лишении родительских прав или ограничении родительских прав и др.

В юридической литературе высказываются предложения о необходимости дополнения ГПК РФ самостоятельными главами, содержащими нормы, регулирующие особенности рассмотрения отдельных категорий семейных споров. В частности, П.А. Якушев предлагает дополнить ГПК РФ следующими главами: «Производство по делам об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей»; «Производство по делам о лишении родительских прав и о восстановлении в родительских правах»; «Производство по делам об ограничении родительских прав и об отмене ограничения родительских прав»; «Производство по делам о взыскании алиментов» и др. [14, с. 277–293]. Возможно, такие главы должны появиться в гражданском процессуальном законодательстве, но необходимо учитывать тот факт, что дела, возникающие из семейных правоотношений, во многих случаях имеют, скорее, публично-правовую, чем частноправовую природу.

Как утверждает Т.В. Шершень, публичные начала в семейном праве предопределены публичными интересами – интересами государства и общества в выполнении семьей имманентно присущих ей социально значимых функций (репродуктивной, воспитательной, коммуникативной, интеграционной, хозяйственно-экономической, рекреационной) и необходимы прежде всего для обеспечения и защиты прав и интересов «слабых» членов семьи: несовершеннолетних и нетрудоспособных, тех, кто в силу возраста или состояния здоровья

нуждается в дополнительных гарантиях со стороны государства [12, с. 323–329].

Так, например, нельзя не отметить публично-правовой характер дел по рассмотрению заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании Международного договора РФ (гл. 22.2 ГПК РФ). В делах о лишении родительских прав не ребенок хочет прекратить родительские права, а государство применяет эту меру ответственности для обеспечения интересов ребенка [9, с. 13–17]. Поэтому следует обратить внимание и решить вопрос о том, чтобы дела, которые связаны с защитой прав и интересов несовершеннолетних и имеют публично-правовую природу, были закреплены в КАС РФ.

Не менее важным является определение статуса несовершеннолетнего в процессе, если в суд в защиту его интересов обращаются законные представители. В ГПК РФ и КАС РФ остается нерешенным вопрос о защите прав несовершеннолетних, поскольку они не попадают в число лиц, участвующих в деле. Это противоречит общепринятому понятию, что сторонами по делу выступают предполагаемые субъекты спорного материального правоотношения. Происходит трансформация стороны в ее законного представителя, при этом не всегда удается установить, имеет ли место противоречие между интересами ребенка и его законных представителей. Ведь закон требует в случае разногласий между родителями и детьми назначить несовершеннолетнему представителя (ст. 64 СК РФ). И такого представителя должен назначать суд, а не органы опеки и попечительства. Кроме того, целесообразно, чтобы таким представителем стал адвокат. Как, например, это предусмотрено по делам о помещении несовершеннолетнего в центр временного содержания (ч. 3 ст. 285.9 КАС РФ) или при рассмотрении административного искового заявления, связанного с пребыванием несовершеннолетнего в учебном заведении закрытого типа (ч. 6 ст. 285.16 КАС РФ).

Именно установление противоречий интересов законных представителей и несовершеннолетних является предметом рассмотрения при объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным (гл. 32 ГПК РФ). Статья 287 ГПК РФ закрепляет право несовершеннолетнего, достигшего возраста 16 лет, обратиться в суд по месту своего жительства с заявлением об объявлении его полностью дееспособным. Но необходимо отметить, что заявление об эмансипации принимается судом только при отсутствии согласия законных представителей. Поэтому несовершеннолетний должен не только самостоятельно обратиться, но и представлять свои интересы в суде.

КАС РФ установил правило о процессуальной дееспособности несовершеннолетних, отличное от аналогичного правила, закрепленного

в гражданском процессе. Специфика процессуальной дееспособности в отличие от дееспособности в материальном праве состоит в том, что ее содержание имеет две основных составляющих: право лично участвовать в суде и право поручать ведение дела представителю. В гражданском процессуальном законодательстве несовершеннолетний, достигший 14 лет, может в случаях, предусмотренных законом, вести дела лично, но у него нет правомочия передавать дело представителю (ст. 37 ГПК РФ), а в административном судопроизводстве, исходя из буквального текста нормы о процессуальной дееспособности, несовершеннолетний может не только лично вести дела, но и поручать ведение дела представителю (ст. 5 КАС РФ). С одной стороны, это дает возможность несовершеннолетнему воспользоваться услугами представителя, например, в случае противоречий его интересов с законным представителем, а с другой стороны, сможет ли несовершеннолетний воспользоваться данным правом и выбрать себе представителя, поскольку в законе нет никаких гарантий, связанных с оплатой этого представителя. Кроме того, поручить ведение дела представителю можно только на основании соответствующего договора, а сделки помимо мелких бытовых и распоряжения своими личными доходами несовершеннолетние могут совершать только с согласия своих законных представителей (ст. 26 ГК РФ), что, по сути, означает, что вопрос о представителе решает только законный представитель.

В судебной практике возникают проблемы и с определением процессуальных правил, по которым следует рассматривать дела, затрагивающие интересы несовершеннолетних. Например, требование о признании незаконным акта об отобрании ребенка. Поскольку отобрание ребенка осуществляется на основании акта органа государственной власти или местного самоуправления, то оспаривание должно регулироваться правилами гл. 22 КАС РФ, которая закрепляет судебный порядок оспаривания решений, действий (бездействия) органов власти. Но разъяснения, данные в постановлении Пленума Верховного Суда РФ [15] и прямо указывающие на применение в этих случаях правил гражданского судопроизводства, нашли теоретическое обоснование и в научных исследованиях. Следует согласиться с мнением Л.В. Тумановой о том, что подобные ограничения не имеют законодательного закрепления, что приводит к применению одними судами ГПК РФ при рассмотрении дел об оспаривании актов об отобрании детей, а другие суды применяют в аналогичных ситуациях КАС РФ [10, с. 42–50].

Соглашаясь с утверждением о том, что развитие примирительных механизмов урегулирования споров является отражением доступности судебной системы, совершенствования законодательной базы и развития активности сторон в разрешении конфликтов [4, с. 40–42; 5, с. 113–124], необходимо проанализировать особенности применения примирительных процедур по делам с участием несовершеннолетних.

Если ГПК РФ закрепляет положение о том, что суд принимает меры для примирения сторон, руководствуясь при этом интересами сторон и задачами судопроизводства (ст. 153.1), то норма КАС РФ предусматривает, что примирение сторон может касаться только их прав и обязанностей как субъектов спорных публичных правоотношений и возможно в случае допустимости взаимных уступок сторон (ст. 137).

В юридической литературе высказывается мнение о том, что допустимо рассмотрение вопроса о примирении сторон в делах об оспаривании действий (бездействия) и решений публичного субъекта, когда данный субъект может пересмотреть ранее принятое решение в пользу частного лица [12, с. 37–40]. В случае оспаривания действий (бездействия) органа опеки и попечительства возникает вопрос о том, может ли государственный орган пересмотреть ранее принятое решение, исходя из интересов ребенка. Или, например, возможно применить примирительные процедуры по делам о помещении несовершеннолетнего в центр временного содержания. Глава 31.2 КАС РФ не предусматривает такого положения. Вместе с тем, в связи с тем, что производство по административному делу, связанному с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, может быть прекращено в случае принятия судом отказа от административного иска, если это не противоречит закону и отвечает интересам несовершеннолетнего, то можно предположить, что по данной категории дел возможно и примирение сторон.

Содержание норм процессуальных кодексов свидетельствует о том, что законодатель в определенной степени реализовал высказываемые в юридической литературе предложения об унификации пересмотра судебных постановлений. В КАС РФ установлены специальные правила для сроков подачи жалобы, порядка обращения и сроков рассмотрения дела в проверочных инстанциях. Вместе с тем необходимо предусмотреть особенности пересмотра судебных актов в части закрепления дополнительных гарантий при обращении несовершеннолетних в вышестоящие суды, а также сокращенные сроки рассмотрения отдельных категорий дел в интересах несовершеннолетних. Например, по делам о взыскании алиментов, о лишении родительских прав или ограничении родительских прав и др.

В заключение необходимо отметить, что эффективность судебной защиты во многом обусловлена правильным выбором процессуальной формы. Конечно, границы частных и публичных интересов подвижны, и имеет место взаимопроникновение, но основным критерием является наличие публичного интереса [9, с. 13–17]. Данное утверждение имеет особое значение при рассмотрении дел, затрагивающих интересы несовершеннолетних. Конституция РФ, закрепляющая положение о том, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства (ст. 38), предопределяет необходимость во всех правоотношениях

признавать приоритет защиты интересов ребенка. В семейном законодательстве неслучайно большая часть норм носит публично-правовой характер. Государство прежде всего заинтересовано в том, чтобы соблюдались права и законные интересы детей. По отношению к несовершеннолетнему все участники процесса выступают «обязанными» субъектами. С одной стороны, защита прав и законных интересов ребенка должна осуществляться совместно законными представителями, органом опеки и попечительства, прокурором и судом, поскольку несовершеннолетний самостоятельно не может защитить свои права в суде. С другой стороны, нормы процессуального законодательства должны закреплять единые процессуальные правила рассмотрения дел с участием несовершеннолетних, направленные на обеспечение интересов ребенка, вне зависимости от подсудности дела.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // СПС «Консультант Плюс».
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023 г., с изм. от 20.07.2023 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
4. Горшунов Д.Н. Примирение сторон в административном судопроизводстве // Российская юстиция. 2018. № 4. С. 40–42.
5. Дьяконова М.О., Печегина П.Д. Концептуальные основы унификации и дифференциации гражданского процесса // Цивилистический процесс: вчера, сегодня, завтра. В честь профессора И.В. Решетниковой. М.: Издательский дом «Городец», 2023. С. 149–165.
6. Носырева Е.И., Фильченко Д.Г. Основные положения концепции об институте примирения сторон в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2015. № 1. С. 113–124.
7. Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. 672 с.
8. Решетникова И.В. Современное процессуальное право: унификация или дифференциация? // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 32–52.
9. Туманова Л.В. О необходимости расширения сферы административного судопроизводства // Актуальные вопросы развития административного судопроизводства: Сборник материалов научно-практической конференции / под общ. ред. А.Ю. Карташова. Тверь, 2016. С. 13–17.
10. Туманова Л.В. Судебный контроль за решением об отобрании ребенка // Административное судопроизводство: соблюдение и защита прав человека: сб. науч. трудов. Тамбов, 2019. С. 42–50.
11. Чечот Д.М. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. 616 с.

12. Шеменова О.Н. Соглашение о примирении в административном судопроизводстве: принципиальная допустимость и соотношение с мировым соглашением в гражданском процессе // Юрист. 2016. № 10. С. 37–40.

13. Шершень Т.В. Частные и публичные интересы в семейном праве: поиск баланса или гармонизации? // Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2023. С. 323–329.

14. Якушев П.А. Автономность семейных отношений и цивилистический процесс // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 1. С. 277–293.

15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.

Об авторе:

ЖУКОВА Олеся Витальевна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4257-9631, AuthorID: 322563; e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

SOME UNIFICATION ISSUES AND DIFFERENTIATION OF PROCEDURAL LEGISLATION IN CASES INVOLVING MINORS

O.V. Zhukova

Tver State University, Tver

The object of the study is the structure and content of civil procedural legislation and legislation on administrative proceedings in cases involving minors. The features of the implementation of their right to judicial protection are considered. The purpose of the work is to analyze the prerequisites for the right to go to court, the possibility of using conciliation procedures in cases involving minors, and the features of reviewing judicial acts. The position is substantiated that the protection of the rights and legitimate interests of the child should be carried out jointly by legal representatives, the guardianship and trusteeship authority, the prosecutor and the court, since a minor cannot independently protect his rights in court. The norms of procedural legislation should establish uniform procedural rules for the consideration of cases involving minors, aimed at ensuring the interests of the child, regardless of the jurisdiction of the case.

Keywords: *civil process, administrative proceedings, right to judicial protection, minors.*

About author:

ZHUKOVA Olesya – PhD in Law, Associate Professor, Head at the Department of Judicial Power and Law Enforcement of the Tver State University (Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 4257-9631, AuthorID: 322563; e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

Жукова О.В. Некоторые вопросы унификации и дифференциации процессуального законодательства по делам с участием несовершеннолетних // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 15–23.

Статья поступила в редакцию 30.10.2023 г.

Подписана в печать 27.11.2023 г.

ДОВЕРИЕ И ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ ПРИ РАЗДЕЛЕ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ

М.С. Иванова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь;
Московская областная коллегия адвокатов, г. Клин

Автор рассматривает вопрос о понятии принципа доверия в публичном и частном праве. Объектом исследования является применение принципа доверия и добросовестности в семейном праве. Цель работы – обоснование возможности использования принципов доверия и добросовестности при урегулировании споров, связанных с разделом имущества супругов. С помощью общелогических методов теоретического анализа, системного анализа, формально-юридического метода и толкования исследуются вопросы соотношения принципов доверия и добросовестности в спорах, связанных с разделом имущества супругов. Предлагаются критерии определения доверия, приводятся примеры использования принципов для разрешения споров.

Ключевые слова: *супруги, раздел имущества, имущественные отношения супругов, принцип добросовестности, принцип доверия.*

Имущественные споры супругов занимают значительное место в судебной практике. Доступность кредитов, развитие микрофинансирования, новых форм предпринимательства, различных видов участия в хозяйственных обществах создают не только имущественные права, увеличивающие супружеское имущество, но и обязательства, отвечать по которым совместно супруги не всегда готовы. Споря о том, кому какое имущество достанется при разводе, супруги исходят из личных интересов и выгоды, оставляя вопросы справедливости и доброй совести за рамками правовых позиций, предлагаемых суду. В существующем российском правопорядке сложился принцип общности супружеского имущества и принцип раздельности долгов. Не вдаваясь в дискуссии относительно целесообразности исправления такого положения, предлагается рассмотреть возможность изменения подходов к обоснованию разрешения споров о разделе имущества супругов, исходя из принципов доверия и добросовестности.

Лично-доверительный характер семейных правоотношений позволяет ставить вопросы о доверии и добросовестности участников отношений как о правовых категориях. Принципы выполняют функцию основ регулирования. Сущность отношений и применимые к ним принципы позволяют выработать подходы к толкованию правовых норм для их эффективного применения или изменения. Если добросовестность

участников правоотношений как принцип взаимодействия не вызывает сомнений, то с доверием очевидности несколько меньше.

В публичных правоотношениях доверие рассматривается в контексте взаимоотношения граждан с властью, государством и обществом. Определяется как критерий эффективности системы организации публичной власти, законодательного регулирования и управленческих решений. На доверие к закону и государству указывает Конституционный Суд РФ, сформулировав и обозначив критерии этого принципа для правоприменителей. Доверие достигается через ясность нормативного правового регулирования, отсутствие правовой неопределенности, понятности механизма правового регулирования субъектам правоотношений и рассматривается как законные ожидания. Принцип доверия закреплен в ст. 75.1 Конституции Российской Федерации [1], т. е. является конституционным. Одним из условий доверия является благополучие людей и учет их интересов при осуществлении властных функций. Статья 75.1 Конституции Российской Федерации закрепляет, что в России создаются условия для взаимного доверия государства и общества, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. Законодательное регулирование должно отвечать требованиям ясности и непротиворечивости, а механизм его действия должен быть понятен субъектам правоотношений [4].

Законные ожидания представляют собой материально-правовые и процессуально-правовые ожидания субъектов. В отечественном праве они являются частью института защиты прав и интересов участников правоотношений от злоупотреблений со стороны властных органов, которые касаются как самих решений, так и процедуры их принятия. М.А. Кондрашова отмечает, что у заинтересованного лица есть право на консультацию, которое позволяет ему быть заслушанным органом публичной власти при принятии им решения, если оно затрагивает интересы данного лица. То есть решение, принятое органом публичной власти без учета мнения заинтересованного субъекта, нарушает его процедурные ожидания [7, с. 199–200]. Таким образом, законные ожидания создают основу доверия, поскольку направлены на согласие с принимаемыми решениями при соблюдении процессуальных особенностей их принятия, надлежащего информирования о решениях и непротиворечивости существующему порядку, что позволяет обеспечивать баланс частных и публичных интересов. Несмотря на то что законные ожидания больше исследованы применительно к отношениям в сфере публичной власти, полагаем, что они, как имманентная составляющая доверия, характерны и для частных отношений, в том числе семейно-правовых.

В толковых словарях доверие определяется через уверенность в добросовестности, искренности какого-либо субъекта, в правильности чего-либо [8] или как некое состояние, в силу которого человек полагается на чье-либо авторитетное мнение [9].

В психологии доверие рассматривается как способ связи человека с миром через возможность создания отношений. Это навык человека наделять объекты и явления окружающего мира, свои действия и действия других людей свойствами значимости при условии их относительной безопасности. Для описания доверия как особого феномена поведения в психологии опираются на философскую категорию «доброжелательность», которую понимают как готовность человека соблюдать определенные моральные нормы для поддержания взаимодействия с другим человеком. Одним из компонентов доверия является знание как некая предсказуемость поведения другого человека и представление самого субъекта о том, достаточно ли он знает партнера, а также насколько он способен прогнозировать свое поведение в ситуации неопределенности.

Еще одним критерием является надежность, т. е. представление субъекта о том, способен ли другой человек на совершение действий, характеризующихся как взаимопомощь и поддержка, в нестандартной ситуации [6, с. 125, 127, 129].

Несмотря на многообразие подходов к определению доверия, можно выделить общие критерии, совокупность которых позволяет определять наличие доверия в отношениях. Это добровольность участников, взаимодействие между ними с элементами неопределенности, разумные ожидания определенного поведения в ходе этого взаимодействия.

Доверие проявляется во взаимодействии и является основой, составляющей принцип, т. е. основополагающее начало, которое оказывает влияние на правосознание участников. Реализация принципа доверия в правоотношениях, учет и поддержание его на уровне принятия решений при создании, толковании и применении норм права приводит к стабильности и благополучию.

Доверие как некий обмен ожиданиями по поводу определенного поведения можно рассматривать как основу семейных правоотношений. Семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов. Регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию [3]. Семейный кодекс РФ не содержит в своих нормах слова «доверие». Полагаем, что оно презюмируется, поскольку уважение, взаимопомощь, согласие предполагают такое состояние участников правоотношений, которое характеризуется

разумными ожиданиями определенного поведения, и само такое поведение, дающее возможность реализовать ожидания других участников.

Чтобы разобраться в практическом применении теоретических рассуждений, возьмем для примера достаточно типичную ситуацию. Супруги, которые уже в почтенном возрасте, женаты более десяти лет, брак для обоих второй, есть взрослые дети от первых браков. Муж получает повышенную пенсию, например как военнослужащий. На эту пенсию супруги живут, тратят ее на необходимые расходы, что-то остается, хранится на счете, открытом на имя мужа. Между супругами есть договоренность, что свою пенсию жена не тратит, она обособлена от иных денежных средств, хранится на счете, открытом на имя жены. Цель этих накоплений обеспечить достойное дожитие жены на случай смерти мужа. Другого имущества, нажитого в браке, нет, каждый из супругов имеет недвижимость, приобретенную до брака. Муж умирает. Жена к нотариусу не обращается, поскольку считает, что наследовать нечего. А сын супруга от первого брака обращается и просит не только недвижимое имущество, которое принадлежало лично наследодателю, но и $\frac{1}{4}$ пенсии жены, т. к. считает, что в этой пенсии супружеская доля, которая подлежит разделу между ним и вдовой в равных долях.

Исходя из положений ст. 34 Семейного кодекса РФ, пенсия относится к совместному имуществу супругов. То есть взрослый совершеннолетний самостоятельный человек имеет право получить часть пенсионных накоплений чужого для него престарелого человека, потому что они формально входят в состав наследственного имущества по закону.

Согласно ст. 35 Семейного кодекса РФ владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов осуществляются по обоюдному согласию супругов. При совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом супругов предполагается, что он действует с согласия другого супруга.

То есть супруги в данном примере каждый месяц в течение длительного времени по взаимному согласию распоряжались половиной пенсии жены, которая оставалась не потраченной. С согласия мужа жена распоряжалась этой частью общего дохода. Распоряжение состояло в сохранении всей получаемой пенсии на счете. Согласие в данном случае презюмируется, поскольку со счета деньги не снимались, и при жизни требования о разделе пенсии не заявлялись. Отношения между супругами по распоряжению общими денежными средствами носили доверительный характер, т. е. поведение соответствовало договоренностям и ожиданиям участников. Встает вопрос, почему при таких договоренностях супруги не заключили брачный договор, чтобы избежать ситуации с другими наследниками. Насколько доверительные согласованные взаимные действия супругов противостоят требуемой

законом нотариальной форме для закрепления супружеских договоренностей.

Что касается возможности заключения брачного договора, то предполагать причины его отсутствия сродни гаданию на кофейной гуще. Однако не оформленная надлежащим образом воля не свидетельствует о ее отсутствии как таковой. Отсутствие брачного договора не должно влиять на возможности защиты прав пережившего супруга. Правовую позицию можно выстраивать не только через нормы о согласии на распоряжение, но и через принципы доверия и добросовестности. Исходя из принципа доверия, можно утверждать, что распоряжение общей частью пенсии жены и трансформация этой части денег в личное имущество было добровольным, согласованным и ожидаемым поведением супругов. В то время как требования наследника мужа о разделе пенсии жены вряд ли подпадает под принцип доверия, но обосновывать их неправомерность целесообразно через принцип добросовестности.

Согласно п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса РФ [2] (далее – ГК РФ) при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. В силу п. 4 ст. 1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

В п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ» [5] разъяснено, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны.

Следует отметить, что принцип добросовестности в ст. 1, 10 и 307 ГК РФ понимается в объективном смысле. То есть поведение субъекта оценивается с точки зрения честности и этических стандартов. Объективную добросовестность необходимо отличать от субъективной добросовестности. Добросовестность в субъективном смысле – это незнание субъекта о значимых с точки зрения права обстоятельствах, когда лицо не знало и не должно было знать.

Достаточно часто добросовестность понимается как аналог справедливого поведения людей по отношению друг к другу и рассматривается с точки зрения представлений о нравственности. Тем не менее правовое понимание добросовестности отличается от нравственного. Добросовестным можно считать некий образец поведения, характеризующийся честностью, открытостью и уважением интересов другой стороны соответствующего правоотношения. Правовые нормы регламентируют не все правоотношения, которые могут казаться справедливыми или несправедливыми участникам, но

определяют границы поведения, выход за которые влечет ответственность. Добросовестность позволяет дать защиту интересам конкретных субъектов тогда, когда нормы законов или условия сделки не справляются с этой задачей. То есть в законе может устанавливаться более низкое требование к добросовестному поведению, чем то, что считается справедливым с точки зрения этики.

Принцип добросовестности распространяется на всех участников правоотношений. Это предполагает, что все участники правоотношений должны соотносить свое поведение с неким неписанным стандартом доброй совести. При этом добросовестным считается такое поведение, которое разумно и справедливо. Можно предположить, что добросовестность – это некий минимальный уровень справедливости в поведении людей по отношению друг к другу, который защищается и моралью общества, и государством. Право оценивать поведение как добросовестное или недобросовестное предоставлено судам при разрешении споров по конкретным делам. Считая поведение лица сомнительным с точки зрения нравственности, суд может как посчитать, что такое поведение тем не менее соответствует стандарту доброй совести, так и не согласиться с такой оценкой.

Как недобросовестное может быть признано такое поведение людей в отношении друг друга, которое считается несправедливым. Если обратить внимание на смысл, который придается понятию добросовестности, то понятно, что речь идет о требовании такого поведения, которое учитывает интересы ближнего, ограничивает эгоистические начала и обеспечивает баланс интересов участников.

Исходя из толкования принципа добросовестности и его сравнения с принципом доверия можно сделать вывод, что добросовестность определяется через одобряемое, ожидаемое из существующих условий поведение субъекта, которое отвечает ожиданиям других субъектов, т. е. связано с доверием. Доверяя поведению участника, предполагается, что он будет действовать добросовестно, в соответствии некими стандартами поведения, что не нарушит справедливости и баланса интересов.

В примере с возможностью наследования после умершего отца части пенсии его жены притязания наследника, хотя и не запрещены законом, и в буквальном толковании даже предполагаются, являются несправедливыми. Основаны они на недобросовестном поведении, которое нарушает сложившуюся в результате доверия между супругами и при жизни исполняемую ими договоренность. Требования наследника к жене не соответствуют принципу доверия.

В отличие от гражданских правоотношений, в которых принцип доверия, безусловно, имеет место, но связан больше с принципом стабильности и воли, для семейных правоотношений принцип доверия неразрывно связан с моральными и этическими нормами, которые

напрямую не являются и не могут быть предметом правового регулирования, но влияют на толкование норм.

Можно представить себе и другую часто встречающуюся ситуацию, в которой жена, доверяя мужу, не контролирует процесс распоряжения общим доходом, а муж часть средств без ее ведома выводит на свой личный счет или счет аффилированного лица. В этом случае также нарушен принцип доверия, поведение мужа является недобросовестным, его возможный довод о презюмируемой согласии супруги на распоряжение общим доходом не будет соответствовать действительности. И жена имеет право на защиту своих прав, поскольку ожидания определенного поведения, предполагаемого в ситуации с общим имуществом, не оправдались, баланс интересов нарушен.

Третий пример, когда супруг, не ставя в известность жену, взял кредит на совместный отдых, и в этот же период общие средства супругов, также без ведома и согласия жены, вложил в покрытие долгов общества, где является участником с долей 50 %. Совместный отдых был обычным событием, супруги регулярно ездили в отпуск. О том, что на это был взят кредит, супруга не подозревала. При разделе имущества муж просит разделить долг как совместный, поскольку заемные деньги были потрачены на общесемейные нужды. В данном случае имеет место сокрытие информации одним из супругов о реальном финансовом положении. Добросовестность предполагает предоставление другим участникам правоотношений той информации, которая необходима для совершения действий. Принцип доверия предполагает внесения ясности в ситуацию с общим имуществом. То есть ожидание жены определенного поведения от мужа представляет собой не намерение переложить ответственность за совместные средства на супруга, что противоречило бы добросовестному поведению жены, а ожидание своевременного информирования о состоянии семейных финансов.

Приведенные примеры являются частными случаями, на которых наглядно показано применение принципов справедливости и доверия в практической деятельности. Это не обобщение, а рассуждение о возможности подходить к разрешению споров для защиты прав и интересов участников семейных правоотношений, в том числе с позиций принципов правового регулирования, поскольку принципы доверия и добросовестности универсальны для всех отраслей права.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации //официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 07.11.2023).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023 г., с изм. от 16.05.2023 г.) //СПС «КонсультантПлюс».

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

4. Постановление Конституционного суда РФ от 09.11.2022 г. № 48-П «По делу о проверке конституционности абзаца первой части 1 статьи 48 Федерального закона «об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой граждан Ю. А. Плахтеевой, А. Ю. Савушкиной и А. Ю. Яковлевой» // Официальный сайт Конституционного суда РФ. URL: [KSRFDecision643577.pdf](https://ksrfdecision643577.pdf). 15.12.2022 (дата обращения: 07.11.2023).

5. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

6. Канева А.Ю., Коренкова Н.Е. Доверие как социально-психологический феномен // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2020. № 5. С. 124–129.

7. Кондрашова М.А. Соотношение эстоппеля и доктрины законных ожиданий // Вестник гражданского права. 2020. № 3. С. 199–214.

8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и образование: Оникс, 2012. 1375 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=6771> (дата обращения: 07.11.2023).

9. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1893. 499 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://rudictionary.com/brokgause/Doverie-101687.html#gsc.tab=0> (дата обращения: 07.11.2023).

Об авторе:

ИВАНОВА Мария Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), адвокат Клинского филиала Московской областной коллегии адвокатов (141600, Московская обл., г. Клин, ул. Гагарина, д. 2/13), e-mail: moka011009@yandex.ru

TRUST AND INTEGRITY IN DIVISION OF COMMON PROPERTY OF SPOUSES

M.S. Ivanova

Tver State University, Tver;
Moscow Regional Bar Association, Klin

The author considers the question of the concept of the principle of trust in public and private law. The object of the study is the application of the principle of trust and good faith in family law. The purpose of the work is to substantiate the possibility of using the principles of trust and good faith in the settlement of disputes related to the division of marital property. With the help of general logical methods of theoretical analysis, system analysis, formal legal method and interpretation, the issues of the correlation of the principles of trust and

good faith in disputes related to the division of property of spouses are investigated. Criteria for determining trust are proposed, examples of the use of principles for dispute resolution are given.

Keywords: *mediation, mediation agreement, categories of disputes, conclusion of a mediation agreement, family legal dispute, execution of a mediation agreement.*

About author:

IVANOVA Maria – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), the lawyer Klin branch of the Moscow regional bar Association (141600, Moscow region, Klin, Gagarin str., 2/13) e-mail: moka011009@yandex.ru

Иванова М.С. Доверие и добросовестность при разделе общего имущества супругов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 24–32.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023 г.

Подписана в печать 27.11.2023 г.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ АБСОЛЮТНЫХ ПРАВ В ОТНОШЕНИИ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

М.В. Козлова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Рассматриваются особенности исключительного права как абсолютного права, действующего в законодательно определяемых границах, обусловленных понятием «использование» в отношении каждого вида объектов интеллектуальных прав, ограничениями срока и территории его действия, а также с учетом наличия широкого спектра ограничений исключительных прав, устанавливаемых Гражданским кодексом Российской Федерации. Делается вывод о возможности ограничения исключительного права, являющегося абсолютным правом, за счет установления в рамках относительных договорных правоотношений при заключении договора отчуждения исключительного права положений, призванных гарантировать интересы авторов и иных предшествующих правообладателей при последующем переходе исключительного права, в том числе при бездоговорном переходе исключительного права в порядке универсального правопреемства при реорганизации юридических лиц, их ликвидации, а также при обращении взыскания.

***Ключевые слова:** автор, правообладатель, исключительное право, ограничения исключительного права, распоряжение исключительным правом, договор отчуждения исключительного права, реорганизация юридических лиц.*

Начиная со второй половины XIX в. происходил постепенный отказ от проприетарного подхода при решении проблем охраны интеллектуальной собственности, признание ее в качестве самостоятельного института, существенным образом отличающегося от вещного и обязательственного права [10, с. 75].

Анализируя различные варианты описания таких особых прав в современных ему научных источниках, Г.Ф. Шершеневич, несмотря на критику им теории монопольных прав, предложенной Е. Рогеном, отстаивал аналогичный по своей сути подход к характеристике исключительного права в качестве права, сводящегося к возможности совершения определенных действий с «запрещением всем прочим возможности подражания» [11, с. 60–65], т. е. обосновывал исключительность права тем, что совершать определенные действия с объектом правовой охраны может только обладатель такого права, в то время как все иные лица обязаны воздерживаться от совершения действий, рассматриваемых как использование соответствующего объекта исключительных прав.

© Козлова М.В., 2023

Исключительные права традиционно относятся к числу абсолютных прав наряду с правом вещной собственности, однако на протяжении длительного времени при согласии с отнесением исключительных прав к числу абсолютных стремились подчеркнуть отличие материальных объектов права вещной собственности от нематериальных объектов, в отношении которых могут возникать исключительные права. В связи с этим абсолютные права, закрепляемые в отношении материальных объектов (права вещной собственности), должны кардинальным образом отличаться от прав, закрепляемых в отношении нематериальных объектов (прав интеллектуальной собственности, исключительных прав). В результате указанному различию объектов правовой охраны уделялось гораздо большее внимание, чем анализу особенностей исключительного права как особого абсолютного права, в отношении которого могут действовать особые положения, ограничивающие абсолютность закрепляемого права определенными пределами.

В тех случаях, когда речь шла о праве вещной собственности как абсолютном праве, традиционно признавалось наличие единственного субъекта – собственника и заранее неопределенного круга обязанных лиц, которые должны признавать право собственности на определенный материальный объект. При отсутствии договорных отношений все физические и юридические лица равным образом являются обязанными соблюдать права собственника. Ограничения прав собственности и, в частности, полномочий собственника по владению, пользованию и распоряжению принадлежащим ему на праве собственности материальным объектом, должны были обосновываться существенными общественными или государственными интересами, вытекать из специальных положений закона. При этом для права собственности не устанавливались какие-либо временные рамки, поскольку указанное право должно действовать все время существования материального объекта, длительность владения не может повлечь прекращения действия права собственности, наоборот, подтверждая и легитимизируя его в любых спорных ситуациях. Кроме того, ввиду сложившихся на протяжении длительного периода времени подходов право собственности в отношении любого материального объекта, возникшее в одной стране, как правило, безусловно признавалось в других странах мира, поскольку данный подход получил закрепление в законодательных актах всех развитых стран. Прекращение охраны права собственности без согласия собственника и вопреки его волеизъявлению может происходить в особых ситуациях, определенных национальным законодательством каждого государства.

С исключительным правом ситуация оказывается более сложной по многим причинам, среди которых следует выделить прежде всего законодательно определенные границы, в пределах которых действует такое исключительное право, связанные с определением понятия

«использование» в отношении каждого вида объектов интеллектуальных прав. Данное понятие в том смысле, который закладывается в него законодательством в отношении соответствующего вида объектов интеллектуальных прав, как правило, не охватывает все варианты «использования» такого объекта в обычном понимании. Законодательство исходит из необходимости предоставления исключительных прав и защиты их действия в отношении прежде всего тех способов использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, которые могут использоваться для осуществления коммерческой и иной хозяйственной деятельности экономически активных субъектов или представлять угрозу для ее осуществления.

Законодательство не рассматривает, например, копирование находящейся в открытом доступе патентной информации как нарушение прав патентообладателя, наоборот, предусматривает полное раскрытие технического решения в качестве условия предоставления охраны изобретению. При этом любое воспроизведение запатентованного технического решения в каком-либо промышленном изделии будет считаться нарушением прав на изобретение, если оно осуществляется за пределами установленных законодательством ограничений исключительного права на изобретение. Использование произведения физическим лицом исключительно в личных целях в значительной части случаев не будет признаваться нарушением исключительного права на такое произведение ввиду того, что такое использование может рассматриваться как полностью не подпадающее под действие исключительного права (чтение книги, просмотр фильма, идущего по телевидению, и т. д.) либо будет подпадать под многочисленные ограничения исключительных прав (воспроизведение в личных целях и др.).

Дополнительно следует упомянуть об отличиях, связанных с ограничением сроков действия исключительных прав, территориальными ограничениями их действия, наличием широкого спектра ограничений исключительных прав и дополнительных требований к правообладателям, в том числе к принятию ими специальных мер для регистрации определенных видов результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации в качестве условия предоставления им правовой охраны.

Следует также отметить, что сложный, составной характер закрепляемых законодательством интеллектуальных прав, включающих наряду с исключительными правами также непередаваемые и неотчуждаемые личные неимущественные права, а в ряде случаев особые права на получение вознаграждения, делают ситуацию еще менее однозначной.

Не отрицая абсолютность как общее свойство исключительных прав, следует вместе с тем признать наличие особенностей ее проявления в отношении таких прав по сравнению с абсолютными правами, действующими в отношении материальных объектов права вещной собственности, что обусловлено спецификой правовой природы и законодательного регулирования. В отличие от права вещной собственности, в отношении которого все обязанные лица являются «равноудаленными», т. е. при отсутствии договора или иных правовых оснований, не имеющими никаких прав на использование соответствующего материального объекта, являющимися носителями «всеобщей безусловной отрицательной обязанности относительно хозяина вещи» [8, с. 187], абсолютный характер исключительных прав различным образом проявляет себя в разных случаях.

Общий запрет использования объекта исключительных прав без согласия правообладателя дополняется значительными по своему объему ограничениями исключительных прав, предусматриваемыми законодательством (ст. 1229 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)). Вследствие того, что указанные ограничения часто действуют в отношении целых категорий заинтересованных лиц (пользователей), абсолютный характер исключительных прав различным образом проявляет себя в отношении отдельных категорий физических и юридических лиц, использующих произведения, изобретения или иные результаты интеллектуальной деятельности. Так, устанавливая ограничения исключительных прав для физических лиц, библиотек, образовательных учреждений, архивов, слепых и слабовидящих, многих иных категорий пользователей, законодательство тем самым ограничивает сферу действия исключительного права. Особые ограничения и дополнительные правовые возможности, в том числе в отношении получения дополнительного вознаграждения, устанавливаются для авторов результатов интеллектуальной деятельности и их наследников. Изменения, обусловленные развитием цифровой экономики, также оказывают непосредственное и порой неоднозначное влияние на развитие положений, связанных с ограничениями исключительных прав [4] или особенностями их осуществления [5].

Ограничения исключительных прав можно рассматривать как элемент сложных абсолютных правоотношений, не ограничивающих абсолютные права, а только определяющих пределы их действия для отдельных особых случаев. Но тем не менее именно для исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности характерна ситуация, при которой в рамках возникающих абсолютных правоотношений различные группы физических и юридических лиц оказываются различным образом ограничены в возможности использования объектов исключительных прав, т. е. нарушается единообразность требований к

третьим лицам в отношении порядка и условий использования, усложняются отношения по использованию объектов исключительных прав.

В связи с этим отдельными авторами отмечается возможность [7, с. 656–657] или даже целесообразность [1, с. 14] рассмотрения исключительного права не как права запрещать использование нематериального объекта другим лицам, а как предоставляемую законодательством позитивную возможность, позволяющую осуществлять использование нематериального объекта и распоряжение правами на него в установленных законодательством пределах.

Интересно отметить, что до принятия части четвертой ГК РФ и введения в законодательство Российской Федерации возможности отчуждения исключительного права на произведения и объекты смежных прав в полном объеме, можно было говорить о том, что упомянутые выше ограничения абсолютных прав в отношении объектов исключительных прав устанавливаются только законодательством, поскольку во всех иных случаях проблема ограничения предоставляемого права использования и закрепления специальных положений, относящихся к дальнейшей передаче полученных прав на использование, могла решаться в рамках заключаемых договоров.

С появлением в законодательстве возможности полного отчуждения исключительного права (ст. 1234 ГК РФ) и распространением данной возможности на все виды объектов исключительных прав возникла сложная проблема, связанная с нерешенностью на законодательном уровне вопросов о том, какие дополнительные условия правообладатель может включить в договор об отчуждении исключительного права, заключаемый с приобретателем такого права, в какой мере права дальнейшей передачи исключительного права или связанные с ними обременения, в том числе гарантии выплаты вознаграждения или соблюдения особых условий использования, могут быть включены в договор об отчуждении исключительного права, каково будет правовое значение таких условий, в каких случаях и на каком основании устанавливающие их положения договора могут признаваться недействительными.

Судебная практика пошла по пути переквалификации договора отчуждения исключительного права в лицензионный договор при наличии в заключенном договоре условий об ограничении территории, срока или способов использования произведения¹. Однако вопрос о том, возможно ли включение в договор отчуждения исключительных прав дополнительных требований, относящихся, например, к обеспечению

¹ Пункт 37 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [9].

дополнительных гарантий выплаты вознаграждения или ограничениям по дальнейшей передаче приобретаемого исключительного права, остается открытым.

Такие дополнительные ограничения, как представляется, не изменяют правовую природу договора отчуждения исключительного права и могут быть включены в договор в рамках общего принципа свободы договора. Невозможность контроля за юридической судьбой вещи, характерная для случаев перехода права собственности по договору купли-продажи, не имеет отношения к случаям передачи исключительного права по договору отчуждения, тем более что законодателем специально установлен запрет применения к интеллектуальным правам положений Раздела II ГК РФ, относящихся к праву собственности и иным вещным правам (п. 3 ст. 1227 ГК РФ).

Даже в отношении купли-продажи материальных объектов ст. 460 ГК РФ устанавливает, что положения об обязанности продавца передать товар свободным от прав третьих лиц не применяются в тех случаях, когда покупатель согласился принять товар, обремененный правами третьих лиц. При отчуждении исключительного права продолжают действовать ранее заключенные лицензионные договоры, как это предусмотрено п. 7 ст. 1235 ГК РФ, что, как можно заметить, ставит под вопрос необходимость переквалификации договора отчуждения в лицензионный договор при наличии положений, исключающих отдельные способы использования из передаваемого объема прав. Переквалификация договоров в этом случае вызвана, скорее, заботой о применении единообразного подхода к отчуждению исключительного права как его передачи в полном объеме, чем невозможностью иного толкования положений, ограничивающих его передачу в отдельных случаях, например, с толкованием таких ограничений в отношении отдельных способов использования как предоставления обратной лицензии.

Для целей настоящей статьи основное значение имеют иные ограничения, во включении которых в договор могут быть заинтересованы правообладатели, прежде всего связанные с выплатой вознаграждения, согласованием переработок, макетов изделий, соблюдением дополнительных требований при использовании результатов интеллектуальной деятельности и т. д. Так, правообладатель при отчуждении исключительного права может быть заинтересован в закреплении в договоре с приобретателем исключительного права специальных положений, направленных на обеспечение выплаты вознаграждения, включая переход обязанностей по выплате вознаграждения к последующим приобретателям исключительного права или обеспечение субсидиарной ответственности приобретателя и последующих владельцев исключительного права за выплату

вознаграждения автору или иному предшествующему правообладателю, например, в случае реорганизации юридического лица.

Особое значение возможность введения дополнительных требований и ограничений при отчуждении исключительных прав имеет для соблюдения прав и законных интересов авторов произведений, неразрывная связь которых с создаваемыми ими результатами творческой деятельности традиционно признается авторским правом [6, с. 64]. Авторы и их наследники образуют отдельную группу правообладателей [3], причем даже в случае отчуждения исключительного права на произведение в полном объеме, несмотря на утрату контроля за последующим использованием произведения, автор может быть заинтересован в установлении дополнительных условий, в том числе связанных с порядком соблюдения его личных неимущественных прав, порядком согласования вносимых изменений [2], а также в возможности воспрепятствования в отдельных случаях переходу исключительного права к третьим лицам, в том числе в случае ликвидации или реорганизации юридического лица – правообладателя.

Разумеется, установление различного рода дополнительных ограничений, в том числе в части согласования редакций, переводов, выбора кандидатур привлекаемых сценаристов, режиссеров, артистов, наиболее характерно для лицензионных договоров. Однако отчуждение исключительного права на результат интеллектуальной деятельности само по себе не должно лишать автора или иного правообладателя возможности закрепления в договоре с согласия приобретателя исключительного права положений, связанных с реализацией личных неимущественных прав авторов или дополнительными гарантиями выплаты вознаграждения при использовании произведения, в том числе в случае ликвидации или реорганизации правообладателей – юридических лиц.

Признание такой возможности может рассматриваться как дополнительное ограничение абсолютных по своей сути исключительных прав положениями, определенными в договоре, т. е. вытекающими из относительных правоотношений, но при этом распространяющихся на последующих правообладателей исключительных прав вне зависимости от оснований последующего перехода таких прав, в том числе в случаях перехода таких прав на бездоговорной основе, в порядке универсального правопреемства при реорганизации юридических лиц, их ликвидации, а также при обращении взыскания на исключительное право.

Именно следование дополнительных «обременений» в пользу предшествующего правообладателя, установленных в рамках относительных договорных правоотношений, за исключительным правом, в том числе в случаях его перехода без договора, по основаниям, установленным законом, позволяет гарантировать интересы авторов и

иных правообладателей, выраженные ими при согласовании условий договора об отчуждении исключительного права на объект интеллектуальных прав.

Список литературы

1. Близнец И., Леонтьев К. Интеллектуальная собственность и исключительные права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2002. № 6. С. 2–15.
2. Козлова М.В. Влияние «личностного элемента» на реализацию исключительных прав на произведения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 3. С. 63–68.
3. Козлова М.В. Авторы и их наследники как особые категории правообладателей // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2019. № 6. С. 67–71.
4. Козырева Е.В. К вопросу о введении в авторское право России открытой лицензии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 1. С. 51–55.
5. Козырева Е.В. О понятии произведения в авторском праве в условиях цифровой экономики // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1. С. 23–27.
6. Матвеев А.Г. Система авторских прав в России: нормативные и теоретические модели: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: РГАИС, 2016. 460 с.
7. Пиленко А.А. Право изобретателя. М., 2001. 688 с.
8. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М.: Статут, 2002. 800 с.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.
10. Сагдеева Л.В. Исключительное право и право собственности: единство и дифференциация в осуществлении и защите: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2020. 296 с.
11. Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань: Типография Императорского университета, 1891. 321 с.

Об авторе:

КОЗЛОВА Мария Вячеславовна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Цивилист» при кафедре гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск (ул. 50 лет Октября, 94, г. Курск, 305040, Российская Федерация), ORCID: 0000-0001-9413-2191, e-mail: mano173318@mail.ru

ON THE PECULIARITIES OF ABSOLUTE RIGHTS IN RESPECT OF INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS

M.V. Kozlova

Southwest State University, Kursk

The article considers the peculiarities of the exclusive right as an absolute right, operating within the legally defined boundaries, predetermined by the concept of "use" in relation to each type of intellectual rights objects, limitations of the term and territory of its validity, as well as taking into account the presence of a wide range of restrictions on exclusive rights established by the Civil Code of the Russian Federation. The conclusion is made about the possibility of limiting the exclusive right, which is an absolute right, by establishing within the framework of relative contractual legal relations at the conclusion of the contract of alienation of the exclusive right provisions designed to guarantee the interests of authors and other previous right holders in the subsequent transfer of the exclusive right, including the non-contractual transfer of the exclusive right in the order of universal legal succession in the reorganization of legal entities, in their liquidation, as well as in the process of foreclosure of the exclusive right.

Key words: *author, rightholder, exclusive right, limitations of exclusive right, disposal of exclusive right, contract of alienation of exclusive right, reorganization of legal entities.*

About author:

KOZLOVA Mariia – PhD in Law, Senior Researcher of the Scientific and Educational Center «Civilist» at the Department of Civil Law of the Southwest State University, Kursk (50 Let Oktyabrya St., 94, Kursk, 305040, Russian Federation), ORCID: 0000-0001-9413-2191, e-mail: mano173318@mail.ru

Козлова М.В. Об особенностях абсолютных прав в отношении объектов интеллектуальной собственности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 33–41.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023 г.

Подписана в печать 27.11.2023 г.

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО УКАЗАНИЯ КАК СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

И.Ю. Попова

Московская коллегия адвокатов «Традиции адвокатуры», г. Москва

Объектом исследования являются гражданские правоотношения, возникающие в процессе формирования и осуществления такого средства индивидуализации результатов деятельности субъектов гражданского права, как географическое указание. Предметом исследования выступают нормы гражданского права, регламентирующие правовой режим географического указания как объекта гражданских прав. Целью является установление пробелов в регулировании формирования правового режима географического указания и разработка предложений по их устранению. Конкретными задачами выступают: исследование вопросов, связанных с возможным выбором обозначения, которое может быть зарегистрировано в качестве географического указания; выявление особенностей, связанных с проведением процедуры регистрации географического указания. Одним из основных методов исследования является сравнительный, исследование построено на соотношении с другим средством индивидуализации – наименованием места происхождения товара. Результаты исследования могут быть представлены следующими основными выводами. Законодательных требований к обозначению географического указания не установлено и в силу этого обозначение географического указания может быть различного вида и по аналогии нормы п. 1 ст. 1482 ГК РФ выражено словесно, изобразительно, объемно или иным образом, допуская комбинации данных видов. Понимание сущности географического указания, равно как и проведение отличия его от наименования места происхождения товара проистекает не из характеристик товара, а в силу иных правовых критериев, указанных в настоящей статье.

Ключевые слова: географическое указание, наименование места происхождения товара, товарный знак, характеристики товара, известность, особые свойства товара.

Российское гражданское законодательство в гл. 76 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) предлагает закрытый перечень средств индивидуализации как субъектов, так и их товаров (результат работ, услуг), который включает фирменное наименование, коммерческое обозначение, товарный знак (знак обслуживания), наименование места происхождения товара (далее – НМПТ) и географическое указание [1].

Последнее – географическое указание – относительно новое средство индивидуализации, введенное Федеральным законом от

26.07.2019 г. № 230-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 23.1 Федерального закона "О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции"» [2].

Данное средство индивидуализации – новелла только для российского права, международное право уже давно различает НМПТ и географическое указание, предоставляя им правовую охрану.

Еще в 1883 г. в Конвенции по охране промышленной собственности (заключена в Париже 20.03.1883, г. Указом Президиума ВС СССР от 19.09.1968 г. № 3104-VII был ратифицирован Стокгольмский акт от 14.07.1967 г., пересматривающий данный документ, ратифицирован СССР и для СССР вступил в силу 01.07.1965 г.) в подп. 2 ст. 1 в качестве объектов охраны промышленной собственности среди прочего были названы указания происхождения и наименования места происхождения.

Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), заключенное в г. Марракеше 15.04.1994 г. (с изм. от 06.12.2005 г.), посвящает раздел 3 регулированию правовой охраны географического указания. В рамках Всемирной организации интеллектуальной собственности 20.05.2015 г. был принят Женевский акт Лиссабонского соглашения о наименованиях мест происхождения и географических указаниях¹, который формирует право на основании данного Лиссабонского соглашения осуществлять международную регистрацию как наименований места происхождения товаров, так и географических указаний. Именно данный акт создал «катализирующий эффект для нормативного закрепления географического указания» [7, с. 34] в национальном законодательстве.

Российское право содержит нормы, регулирующие географическое указание, также как и НМПТ, в § 3 гл. 76 ч. 4 ГК РФ.

Исходя из дефиниции, представленной в п. 1 ст. 1516 ГК РФ, синонимом словосочетанию «географическое указание» выступает слово «обозначение». Данное слово синонимизируется и с иными правовыми явлениями, в том числе и в интеллектуальной собственности. Обозначением выступает товарный знак, соответственно и знак обслуживания (п. 1 ст. 1477 ГК РФ), обозначение – это также НМПТ (абз. 2 п. 1 ст. 1516 ГК РФ), нормы § 4 гл. 76 ГК РФ содержат положения о

¹ Российская Федерация присоединилась к данному Женевскому акту в силу принятия Федерального закона от 30.12.2021 г. № 450-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Женевскому акту Лиссабонского соглашения о наименованиях мест происхождения и географических указаниях» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.12.2021).

коммерческом обозначении. Однако право не раскрывает значение данного термина.

С этимологической точки зрения это слово содержит два значения: либо действие, глагол, либо знак, метка (и чаще всего именно как буквенная метка).

Нам необходимо второе значение данного слова (поскольку в нормативных актах это слово указано как существительное), где обозначение рассматривается как знак, воспринимаемый зрительно в качестве изображения.

Однако то, что обозначение в настоящее время может быть не только наглядным (на глаз воспринимаемым) явлением, мы найдем в ГК РФ, где приведена классификация товарных знаков как обозначений. Согласно п. 1 ст. 1482 ГК РФ в качестве товарных знаков могут быть словесные, изобразительные, объемные и другие обозначения или их комбинации. Как видим, перечень обозначений для формирования товарного знака не закрыт и вполне допустимо, что в качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы обонятельные, звуковые и другие виды товарных знаков.

Возможно ли рассматривать обозначения в указанных видах так же по отношению к географическому указанию? Ответ на данный вопрос можно дать исходя из системного толкования определений географического указания и НМПТ, поскольку данные средства индивидуализации рассматриваются законодателем вместе (в одном параграфе гл. 76 ГК РФ). Обозначение НМПТ – это всегда словесное обозначение, название (современное или историческое, официальное или неофициальное, полное или сокращенное наименование) географического объекта, в том числе производное, но известное в результате его использования в отношении товара.

В отношении же обозначения географического указания такого распоряжения законодатель не делает. Соответственно, обозначение географического указания может быть различного вида и по аналогии нормы п. 1 ст. 1482 ГК РФ выражено словесно, изобразительно, объемно или иным образом, допуская комбинации данных видов. Ключевое требование к такому обозначению – чтобы оно идентифицировало характеристики товара (в качестве которых законодатель называет качество, репутацию, не закрывая данный перечень) с территорией географического объекта.

Однако такая индивидуализация товара представляется весьма затруднительной, поскольку обозначение товара скорее всего воспринимается потенциальными покупателями зрительно при осмотре товара. Сложно представить, что, к примеру, географическое указание какого-либо товара из Вологды было бы сформировано посредством звукового обозначения – знаменитой песни «Вологда» (если только не допустить возможность комбинированного вида, но с обязательным

элементом письменного изображения. Такая необходимость прослеживается в том числе в названных в ГК РФ способах использования средства индивидуализации - путем размещения на товарах, этикетках, упаковке товаров и пр.).

Таким образом, требований к виду обозначения географического указания не установлено, но исходя из возможностей практического использования этого средства индивидуализации необходимо, чтобы географическое указание воспринималось зрительно.

Как видим, общим среди рассматриваемых средств индивидуализации (НМПТ и географического указания) является привязка в характеристиках товара к географическому месту. Но для наименования места происхождения товара эта привязка преимущественно (или исключительно) определяет специфику товара, вызванную либо природными, географическими особенностями местности, либо сложившимися традициями, ремеслами и т. п., характерными для данного географического пункта.

Для географического указания эта зависимость особенностей товара от географического наименования не столь очевидна. В последнем случае основное в индивидуализации товара в привязке к месту добычи или происхождения товара. И здесь вполне можно согласиться с мнением В.И. Еременко о промежуточном месте географического указания между местом производства товара и НМПТ [5, с. 16].

В чем же различие особых свойств товара (что является ключевым для НМПТ) и качеством, репутацией, прочими характеристиками товара для регистрации географического указания? Разве не качество товаров сформировало соответствующую репутацию для таких товаров, как гжель, астраханский арбуз, вологодское масло, тульский пряник и пр., и создало особенности таких товаров, чья индивидуализация зарегистрирована в качестве НМПТ?

Или, к примеру, минеральная вода, индивидуализация которой регистрируется или в качестве НМПТ, или географического указания¹. Особенности такого товара, а соответственно и качество, и репутация (которые, по сути, являются следствием особых свойств, неразрывным продолжением), будут выражены в химическом составе этой воды, которая определяется особенностями места, где она добывается, почвенных пластов, через которые она проходит и пр.

Кроме того, следует согласиться с О.А. Рузаковой, указывающей на сложности в определении особых свойств некоторых товаров,

¹ К примеру, Горячий ключ-6 зарегистрирован как НМПТ (Номер государственной регистрации: 322, дата государственной регистрации: 11.09.2023), а Малка как географическое указание (Номер государственной регистрации: 319, дата государственной регистрации: 20.07.2023). И то и другое индивидуализируют минеральную воду.

имеющихся благодаря природным условиям места [6, с. 55]. Поэтому воспринимать характеристики товара (особые свойства или качество, репутацию и т. п.) в качестве главного критерия для определения правовой сущности географического указания и в качестве отличительного признака от НМПТ представляется весьма затруднительным.

Основным практическим критерием для выбора НМПТ или географического указания, а соответственно и для понимания правовой сути этих явлений, выступает признак известности.

Именно известность наименования места происхождения товара, которая должна сформироваться задолго до подачи заявления на регистрацию НМПТ, выступает тем свойством, которое формирует данное средство индивидуализации. Название местности ассоциируется у потребителя с этим товаром уже достаточно давно, формирует узнавание определенных свойств такого товара, происходящего в соответствующей местности. Эти свойства сложились настолько давно, насколько прочно и стабильно сформировались особенности товара. При этом данные свойства товара должны и далее оставаться неизменными. В этом случае следовало бы ввести контроль за таким сохранением, соблюдением особых свойств товара и принять соответствующие правовые нормы о порядке осуществления такого контроля.

Следует отметить также отсутствие нормативного регулирования формирования критериев известности. Согласно положениям Приказа Роспатента от 22.07.2020 г. № 101 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации географического указания и (или) предоставлению исключительного права на такое географическое указание и государственной регистрации наименования места происхождения товара и (или) предоставлению исключительного права на такое наименование, а также выдаче свидетельства об исключительном праве на географическое указание, наименование места происхождения товара, его дубликата» (Зарегистрировано в Минюсте России 11.09.2020 г. № 59801) среди прочих документов, подаваемых вместе с заявкой на регистрацию НМПТ, должны быть также представлены документы, подтверждающие известность [4]. Однако, что это должны быть за документы, в актах не раскрывается. Такие нормативные пробелы могут привести к сложностям в регистрации НМПТ.

Для географического же указания критерий известности не является обязательным, и регистрация этого средства индивидуализации допустима и при неизвестности такого указания.

При формировании прав на НМПТ согласно п. 2 ст. 1522.1 ГК РФ заявление о регистрации должно сопровождать заключение соответствующего федерального органа исполнительной власти

(уполномоченный орган) о том, что заявитель производит товар, особые свойства которого исключительно или главным образом определяются характерными для этого географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами в границах данного географического объекта. В то же время не вполне понятно, как воспринимать в данном случае производство товара, какую точку отсчета следует брать за основу определения начала производства: от изготовления вещей, необходимых для производства главной (к примеру, только тех красок, которые допустимо использовать для производства настоящего жостовского подноса) или от иного момента? Неопределенность в праве данных положений может повлиять на конкретизацию всех стадий производства. Согласно Приказу Минэкономразвития России от 03.07.2020 г. № 398 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для осуществления юридически значимых действий по государственной регистрации географического указания и (или) предоставлению исключительного права на такое географическое указание и государственной регистрации наименования места происхождения товара и (или) предоставлению исключительного права на такое наименование, требований к ним, а также Перечня сведений, указываемых в свидетельствах об исключительном праве на географическое указание, на наименование места происхождения товара, и форм таких свидетельств» (Зарегистрировано в Минюсте России 26.08.2020 г. № 59495) заявка на наименование места происхождения товара должна содержать в том числе указание на исходный материал, используемый для его производства [3].

Хотя п. 1 ст. 1516 ГК РФ и указывает на то, что нормативные акты РФ должны устанавливать требования к стадиям и границам производства товара для обозначения которого используется географическое указание или наименование места происхождения товара, равно как и осуществлять контроль за соблюдением установленных требований, однако на настоящий момент однозначных заявленных установлений в законодательстве не содержится. Представляется, что необходимо принять соответствующий нормативно-правовой акт не только во исполнение указаний законодателя, но и для формирования определенного во всех своих требованиях процесса регистрации НМПТ.

В отношении же географического указания таких требований нет. Более того, законодатель указал на необходимость осуществления в пределах географического пункта хотя бы одной из стадий производства соответствующего товара, но такой, которая имеет существенное значение для формирования характеристик товара.

Как видно из положений действующего законодательства, географическое указание, не сильно отличаясь в своей характеристике

товаров от НМПТ, тем не менее гораздо проще в своем формировании. Процедура регистрации географического указания не основана, в отличие от регистрации НМПТ, на доказывании критериев известности и полного цикла производства товара в соответствующем географическом пункте.

Данные обстоятельства являются плюсом для формирования географического указания как уникального правового явления, способствующего «брендингованию» регионов нашей огромной страны и дающего представление у потенциальных потребителей о качестве соответствующего товара и его производителе.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 26.07.2019 г. № 230-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 23.1 Федерального закона "О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции"» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ Минэкономразвития России от 03.07.2020 г. № 398 (ред. от 08.02.2021 г.) «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для осуществления юридически значимых действий по государственной регистрации географического указания и (или) предоставлению исключительного права на такое географическое указание и государственной регистрации наименования места происхождения товара и (или) предоставлению исключительного права на такое наименование, требований к ним, а также Перечня сведений, указываемых в свидетельствах об исключительном праве на географическое указание, на наименование места происхождения товара, и форм таких свидетельств» (Зарегистрировано в Минюсте России 26.08.2020 г. № 59495) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Приказа Роспатента от 22.07.2020 г. № 101 (ред. от 23.12.2020 г.) «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации географического указания и (или) предоставлению исключительного права на такое географическое указание и государственной регистрации наименования места происхождения товара и (или) предоставлению исключительного права на такое наименование, а также выдаче свидетельства об исключительном праве на географическое указание, наименование места происхождения товара, его дубликата» (Зарегистрировано в Минюсте России 11.09.2020 г. № 59801) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Еременко В.И. О правовой охране наименования мест происхождения товаров в России // Законодательство и экономика. 2012. № 2. С. 16–38.
6. Фабричный С.Ю., Рузакова О.А. Новеллы о географических указаниях как объектах интеллектуальных прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 12. С. 53–61.

7. Яковлев В.И. Гражданско-правовой режим географического указания в системе средств индивидуализации товаров, работ и услуг // Юрист. 2023. № 7. С. 33–37.

Об авторе:

ПОПОВА Ирина Юрьевна – кандидат юридических наук, председатель Московской коллегии адвокатов «Традиции адвокатуры» (123317, г. Москва, ул. Литвина-Седого, д. 5 стр. 1, помещ. 11), ORCID 0000-0001-7645-5341, e-mail: popova@finrez.ru

LEGAL FEATURES OF GEOGRAPHICAL INDICATION AS A MEANS OF INDIVIDUALIZATION

I.Yu. Popova

Moscow Collegium of Advocates «Traditions of the Bar», Moscow

The object of the study is civil legal relations arising in the process of formation and implementation of such a means of individualization of the results of the activities of subjects of civil law as a geographical indication. The subject of the study is the norms of civil law regulating the legal regime of geographical indication as an object of civil rights. The aim is to identify gaps in the regulation of the formation of the legal regime of geographical indication and to develop proposals to eliminate them. The specific tasks are: the study of issues related to the possible choice of a designation that can be registered as a geographical indication; the identification of features associated with the registration procedure of a geographical indication. One of the main research methods is comparative, the study is based on the relationship with another means of individualization – the name of the place of origin of the goods. The results of the study can be represented by the following main conclusions. There are no legal requirements for the designation of a geographical indication, and therefore the designation of a geographical indication can be of various types and, by analogy with the norm – paragraph 1 of Article 1482 of the Civil Code of the Russian Federation, expressed verbally, figuratively, volumetrically or otherwise, allowing combinations of these types. Understanding the essence of a geographical indication, as well as distinguishing it from the name of the place of origin of the goods, does not arise from the characteristics of the goods, but by virtue of other legal criteria specified in this article.

Keywords: *geographical indication, name of the place of origin of the goods, trademark, characteristics of the goods, fame, special properties of the goods.*

About author:

POPOVA Irina – PhD in law, Chairman of the Moscow Collegium of Advocates «Traditions of the Bar» (123317, Moscow, str. Litvina-Sedogo, d. 5 p. 1, place. 11), ORCID 0000-0001-7645-5341, e-mail: popova@finrez.ru

Попова И.Ю. Правовые особенности географического указания как средства индивидуализации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 42–50.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023 г.

Подписана в печать 27.11.2023 г.

Актуальные вопросы публичного права

УДК 342.552

DOI: 10.26456/vtpravo/2023.4.051

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ИХ ПРОЕКТОВ И ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Н.А. Антонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Проведение антикоррупционной экспертизы является мерой предупреждения коррупции. Однако правоприменительная практика соответствующего законодательства выявляет ряд проблем. Объектом исследования является правовое регулирование проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов как одной из мер предупреждения коррупционных правонарушений. Поднимаются вопросы организационно-правового обеспечения проведения антикоррупционной экспертизы. Анализируется методика проведения антикоррупционной экспертизы. Предметом исследования являются проблемы правоприменения, возникающие в сфере проведения антикоррупционной экспертизы в современных условиях.

***Ключевые слова:** противодействие коррупции, антикоррупционная экспертиза, нормативный акт.*

Противодействие коррупции в Российской Федерации рассматривается как одна из задач государства, стремящегося создать условия, при которых права и свободы граждан признаются высшей ценностью, а их защита – обязанность государства. В соответствии с Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» искоренение коррупции в рядах государственных служащих является одной из целей обеспечения государственной и общественной безопасности [1].

Правовое обеспечение противодействия коррупции осуществляется по следующим направлениям. Во-первых, это развитие специального антикоррупционного законодательства на федеральном и региональном уровнях. Во-вторых, необходима корректировка действующих законодательных и подзаконных актов с учетом антикоррупционных требований. В-третьих, с целью недопущения коррупционных правонарушений следует упорядочить статус органов государственной и муниципальной власти и их служащих. И, наконец, необходимо развитие системы мониторинга правоприменения и разработка показателей действий законов и иных нормативных правовых актов.

© Антонова Н.А., 2023

В соответствии с Федеральным законом от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Федеральный закон № 273) направлениями противодействия выступают предупреждение коррупционных правонарушений, борьба с коррупцией и минимизация и (или) ликвидация последствий коррупционных правонарушений [3]. При этом предупреждение коррупционных правонарушений согласно названному закону имеет приоритетное значение, и это в законе закреплено на принципиальном уровне.

Согласно ст. 6 Федерального закона № 273 на первом месте в числе мер, направленных на предупреждение коррупционных правонарушений, стоит антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов.

Национальная стратегия противодействия коррупции в числе основных направлений называет совершенствование организационных основ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов и повышение ее результативности.

Говоря об антикоррупционной экспертизе, следует рассматривать данную деятельность в двух значениях. Во-первых, как элемент правотворческого процесса, и, во-вторых, как способ осуществления контроля за деятельностью субъектов правотворчества.

Как элемент правотворческого процесса антикоррупционная экспертиза призвана выверить, сбалансировать правовой акт или проект правового акта с точки зрения интересов различных социальных групп и научных знаний, и не допустить существования в акте положений, создающих в будущем, в процессе их правоприменения ситуаций, в которых возможно совершение коррупционного правонарушения.

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации представляет собой разновидность экспертизы нормативных правовых актов наряду с другими видами: правовой, научной, лингвистической, финансово-экономической, экологической и др. Как правило, давая характеристику антикоррупционной экспертизы, отмечают, что она является неотъемлемой частью правовой экспертизы, проводимой уполномоченными государственными органами, и может быть как обязательной, так и инициированной физическими и юридическими лицами [7, с. 65].

С принятием Федерального закона от 17.07.2009 г. № 172 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее – Федеральный закон № 172) появилась правовая основа проведения антикоррупционной экспертизы как принятых нормативных правовых актов, так и проектов нормативных правовых актов [2]. При этом после принятия названного закона было намерение проверить все ранее принятые нормативные правовые акты на

предмет нахождения там коррупциогенных факторов. Намерение было утопичным изначально и, конечно, не реализовалось. В этой связи специалисты в области антикоррупционной экспертизы говорят о так называемой «накопленной коррупциогенности», т. е. о наличии коррупциогенных факторов, которые к моменту принятия Федерального закона № 172 уже существовали в нормативных правовых актах. Конечно, и ранее проводилась (и сейчас проводится) правовая экспертиза в отношении принимаемых актов, и ранее выявляли дефекты актов, но не говорили о них как о коррупциогенных факторах.

Но речь пойдет о механизме реализации современного акта, определяющего механизм проведения антикоррупционной экспертизы. Целью его принятия является, как было сказано выше, предупреждение коррупционных правонарушений путем создания правовых условий, в которых будет невозможно или очень затруднительно совершить такие правонарушения. Однако реализация предписаний Федерального закона № 172 выявила ряд проблем его правоприменения.

В частности, одна из проблем связана с тем, что Федеральный закон № 172-ФЗ не содержит прямого определения понятия «антикоррупционная экспертиза», а лишь определяет цель ее реализации. Сформулированы здесь две цели – выявление коррупциогенных факторов и их устранение. В связи с этим стоит обратить внимание на то, что правовое регулирование антикоррупционной экспертизы осуществляется и на уровне субъектов Российской Федерации, а иногда и на уровне муниципальных образований. И в этих актах, регулирующих деятельность субъектов по проведению антикоррупционной экспертизы, также не определяется понятие данной деятельности. Более того, зачастую эти акты во многом дублируют лишь положения Федерального закона № 172.

В различных словарях под экспертизой в основном понимается исследование какого-либо вопроса, требующего специальных знаний, с представлением мотивированного заключения [10, с. 787].

Неслучайно автором этой работы приводится определение экспертизы, даваемое в толковом словаре. Здесь стоит обратить внимание на необходимость обладания специальными знаниями. В связи с этим, если отталкиваться от данного признака экспертизы, то независимая антикоррупционная экспертиза не обладает этим необходимым признаком, ибо согласно Федеральному закону № 172 в качестве независимого эксперта может быть аккредитован Министерством юстиции Российской Федерации гражданин РФ, обладающий высшим образованием и имеющий стаж работы не менее 5 лет. Очевидно, что человек, даже имеющий высшее образование, не всегда способен по причине отсутствия профессиональных юридических знаний оценить нормативный правовой акт с точки зрения наличия (отсутствия) в нем коррупциогенных факторов.

Проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов должно основываться на принципах соблюдения законности, профессионализма лиц, осуществляющих экспертизу, независимости экспертов в пределах предоставленных им полномочий, объективности в изложении своей позиции и выводов, ответственности за полноту анализа законопроекта и обоснованности заключения как результата экспертизы. Обратим внимание на один из принципов проведения антикоррупционной экспертизы. Это принцип компетентности, который закреплен в ст. 2 Федерального закона № 172. Получается, что в отношении независимых экспертов данный принцип не действует. Поскольку формально к ним квалификационные (профессиональные) требования не применяются.

Еще одной из проблем, связанных с реализацией деятельности по антикоррупционной экспертизе, является проблема определения объекта такой экспертизы. Исходя из Федерального закона № 172 предметом экспертизы является нормативный правовой акт (или проект такого акта). Однако в Российской Федерации до сих пор отсутствует понятие нормативного правового акта. И на это обстоятельство постоянно обращают внимание юристы [8, 9].

В настоящее время суды при решении вопроса о правовой природе акта обращаются к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» [5]. При этом указанное Постановление также не формулирует понятие нормативного правового акта, а лишь называет его признаки, к которым относит: издание акта в установленном порядке управомоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления, иным органом, уполномоченной организацией или должностным лицом, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений.

Хотя роль нормативного правового акта по отношению к норме гораздо шире, нежели только возможность содержать норму права. Нормативный правовой акт может устанавливать норму права, изменять ее, отменять норму или изменять сферу ее действия. В этой связи, конечно, необходимо принятие на законодательном уровне акта, устанавливающего адекватное определение нормативного правового акта.

Но проблема не только в том, что отсутствует законодательное определение понятия нормативного акта, но и в том, что Федеральный закон № 172 не охватывает в качестве объекта экспертизы такие акты,

как, например, нормативные договоры, также содержащие нормы права и, при наличии в них коррупциогенных факторов, способные создать ситуацию, «удобную» для совершения коррупционного правонарушения. Например, самым распространенным видом нормативного договора является коллективный трудовой договор. Согласно ст. 41 Трудового кодекса в коллективном трудовом договоре закрепляются: формы, системы и размеры оплаты труда; выплата пособий, компенсаций; механизм регулирования оплаты труда с учетом роста цен, уровня инфляции, выполнения показателей, определенных коллективным договором; занятость, переобучение, условия высвобождения работников; рабочее время и время отдыха, включая вопросы предоставления и продолжительности отпусков; улучшение условий и охраны труда работников, в том числе женщин и молодежи и иные, безусловно, важные, положения для работников, затрагивающие их права и обязанности. То есть вполне очевидна важность норм, содержащихся в коллективных трудовых договорах, но почему-то законодатель их не отнес к объектам антикоррупционной экспертизы.

И следует сказать, что отмеченные обе проблемы очень тесно связаны между собой. С одной стороны, нет законодательно закрепленного понятия нормативного правового акта, с другой стороны, отсутствие такого определения влечет проблему обозначения объекта антикоррупционной экспертизы.

Наряду с этим, еще одной проблемой, которая выявлена в ходе реализации Федерального закона № 172, стала проблема, связанная с соблюдением принципа обязательности проведения антикоррупционной экспертизы. Согласно п. 1 ст. 2 названного акта закрепляется принцип обязательного проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов. То есть вновь принимаемый нормативный правовой акт подлежит обязательной антикоррупционной экспертизе. Однако возникает вопрос, а что происходит, если такая экспертиза не была проведена. Федеральный закон ничем не гарантировал реализацию этого принципа, поскольку не устанавливаются последствия, которые могут наступить в случае, когда экспертиза не проведена, не устанавливается ответственность уполномоченных лиц в случае ее непроведения. В судах появились дела об оспаривании нормативных правовых актов по тому основанию, что не проводилась антикоррупционная экспертиза. Однако суды не рассматривают это основание как достаточное для признания акта не действующим.

Говоря об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов, нельзя не обратить внимание на правовое регулирование методики ее проведения. Методика проведения антикоррупционной экспертизы установлена в настоящее время Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее –

Постановление Правительства РФ) [4]. Однако из анализа содержания данного правового акта можно сделать вывод о том, что на самом деле собственно методика проведения экспертизы в этом акте отсутствует. Согласно толковому словарю С.И. Ожегова методика – это установленный способ осуществления деятельности.

Общепризнанным подходом к определению методики является подход, согласно которому под определяемым понятием понимается совокупность приемов практической деятельности, приводящей к определенному результату. Условием существования методики является ее формальная фиксация.

В случае с определением методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов в рассматриваемом Постановлении Правительства РФ установлены лишь виды коррупциогенных факторов. Единственная норма, которая посвящена собственно методике, заключается в том, что «для обеспечения обоснованности, объективности и проверяемости результатов антикоррупционной экспертизы необходимо проводить экспертизу каждой нормы нормативного правового акта или положения проекта нормативного правового акта» [4].

Такое положение вызывает определенные трудности в правоприменительной практике. И это отмечается неоднократно в исследованиях, посвященных данной проблеме. Более того, исследователи отмечают необходимость разработки разных методик. Так, в диссертации М.С. Бахтиной отмечается, что целесообразно было бы разработать отдельную методику для проведения антикоррупционной экспертизы проектов федеральных законов, учитывающую все их особенности [6, 177]. И с этим замечанием нельзя не согласиться. Существующие дефекты правового регулирования антикоррупционной экспертизы как важного средства, направленного на противодействие коррупции, должны быть исключены.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 17.07.2009 г. № 172-ФЗ (ред. от 05.12.2022 г.) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 10.07.2023 г.) «О противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 г. № 96 (ред. от 10.07.2017 г.) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (вместе с «Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», «Методикой проведения

антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Бахтина М.С. Административно-правовые основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2020. 192 с.

7. Ерофеев Г.И. Региональное правовое регулирование антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Академический вестник. 2017. № 2. С. 65–69.

8. Максимов С.В. «Закон о законах» как необходимый инструмент антикоррупционной политики государства // Актуальные проблемы реализации национальной антикоррупционной политики: Вторые Кудрявцевские чтения (10 апреля 2009 г.): сб. науч. тр. / отв. ред. С.В. Максимов. М., 2010. С. 10–19

9. Правовые акты: антикоррупционный анализ [Власов И.С. и др.] / под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2010. 167 с.

10. Современный словарь иностранных слов. М., 1993. 740 с.

Об авторе:

АНТОНОВА Нана Алиевна – доктор юридических наук, заведующая кафедрой конституционного, административного и таможенного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

ANTI-CORRUPTION EXAMINATION OF REGULATIVE LEGAL ACTS AND THEIR PROJECTS AND GUARANTEES OF ENSURING ITS EFFECTIVENESS

N.A. Antonova

Tver State University, Tver

Conducting an anti-corruption examination is a measure to prevent corruption. However, the enforcement practice of the relevant legislation reveals a number of problems. The object of the study is the legal regulation of the anti-corruption examination of normative legal acts and their projects as one of the measures to prevent corruption offenses. Issues of organizational and legal support for conducting anti-corruption examinations are raised. The methodology for conducting anti-corruption examinations is analyzed. The subject of the study is the problems of law enforcement that arise in the field of anti-corruption examination in modern conditions.

Keywords: *anti-corruption, anti-corruption expertise, regulatory act.*

About author:

ANTONOVA Nana Alievna – Doctor of Law, Head of the Department of Constitutional, Administrative and Customs Law of the Faculty of Law of the Tver State University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100), SPIN-code: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

Антонова Н.А. Анतिकоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов и гарантии обеспечения ее эффективности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 51–58.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023 г.

Подписана в печать 27.11.2023 г.

УДК 342.951 : 615.866

DOI: 10.26456/vtpravo/2023.4.059

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ОКАЗАНИЕ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПО НОРМАМ УГОЛОВНОГО ПРАВА И АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Ю.А. Дронова, Л.В. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена проблеме принудительного оказания психиатрической помощи. Актуальность обусловлена сложностью самих психиатрических заболеваний, их достаточной распространенностью, а также такими сопутствующими явлениями, как симуляция и диссимуляция. Принудительное лечение, независимо от того, предшествует этому какое-либо противоправное поведение или нет, затрагивает такие важнейшие права человека и гражданина, как свобода и личная неприкосновенность, что требует законодательного закрепления дополнительных гарантий при решении этих вопросов. Суд, принимая решение о применении лечения помимо воли лица, должен учитывать не только тяжесть заболевания, но и многие сопутствующие факторы, чтобы не допустить использования такого лечения с иными, не врачебными целями. Помещение лица в психиатрический стационар по правилам административного судопроизводства и уголовного права имеет как различия, так и сходства, поэтому сравнительное исследование позволяет определить общие проблемные моменты. Целью исследования является выявление имеющихся проблем в законодательстве и правоприменении. Объектом исследования являются нормы Кодекса административного судопроизводства РФ, Уголовного кодекса РФ и иных законодательных и подзаконных актов, регулирующих оказание медицинской помощи. Основные выводы касаются проблем предотвращения врачебных и, следовательно, судебных ошибок, связанных с осуществлением принудительного лечения, дополнительными гарантиями, обеспечивающими личное участие гражданина и помощь представителя, роли и значения специалиста при рассмотрении таких дел, необходимости совершенствования законодательства.

Ключевые слова: принудительное лечение, симуляция, диссимуляция, судебное разбирательство, медицинская организация, оказывающая психиатрическую помощь, представитель, специалист, виды судопроизводства, принудительные меры медицинского характера, невменяемость, психическое расстройство, не исключающее вменяемости.

Отношение к больным, страдающим различными формами психических расстройств, на протяжении веков было неоднозначным. Одних обвиняли в колдовстве, других рассматривали как святых, одновременно с этим медицина пыталась искать причины этих болезней

и способы лечения. История оказания медицинской помощи лицам, страдающим душевными заболеваниями, для наших современников, вероятно, больше бы напоминала ненаучную фантастику, но этим должны заниматься специалисты. А юридическая сторона проблемы должна обеспечивать регулирование порядка оказания психиатрической помощи и особенно в недобровольном порядке.

Специфика психиатрических болезней состоит, прежде всего, в их многообразии и самых различных проявлениях в зависимости от особенностей больного, вида и формы заболевания. Поэтому возможно установление ошибочного диагноза, и, как признают сами специалисты в области психиатрии, это может быть следствием ошибки при объективной возможности установления правильного диагноза, а также и в связи с разнообразием атипичных проявлений болезни, сложности отграничения психиатрического заболевания от неврозоподобных проявлений личности. А иногда причинами ошибочных диагнозов могут быть своего рода актерские способности лица и его некоторые знания в области психиатрии [10, с. 277–283], что позволяет таким лицам в зависимости от ситуации, в которой они находятся, и определенных ими целей применять симуляцию и диссимуляцию своего психического состояния.

Симуляция и диссимуляция применяются для искажения клинической картины и установления диагноза, который лицо считает благоприятным для себя. При симуляции человек изображает несуществующие у него признаки болезни либо усиливает отдельные признаки, если некоторые отклонения от нормы у него уже есть. Симулируют чаще всего с целью избежать ответственности, но могут быть и другие причины, например уклонение от службы в армии, получение каких-либо льгот, освобождение от работы и обеспечение повышенной заботы от родных и близких, причин может быть множество. В зависимости от цели симуляции и объема информации в области психиатрии применяют различные формы симуляции, которые обычно специалисты подразделяют на два вида: демонстрацию признаков какого-либо психического заболевания или выдумки о перенесенном ранее таком заболевании [11, с. 176–178]. Психиатрия развивается, и методы распознавания симуляции становятся более эффективными, что, как уже отмечалось, не исключает возможные ошибки, причем трудно сказать, какая ошибка опаснее: направить на лечение симулянта или пропустить болезнь, которая может прогрессировать в дальнейшем.

Диссимуляция представляется более опасным явлением, поскольку больной пытается скрыть признаки имеющегося у него заболевания и тем самым избежать таких последствий, как помещение в психоневрологический стационар для лечения, признание его ограниченно дееспособным или недееспособным. Ошибка в определении

наличия болезни и степени ее тяжести может привести к опасным последствиям, поскольку чаще всего прибегают к диссимуляции лица, одержимые бредовыми идеями, реализация которых может закончиться трагедией для других людей. К диссимуляции могут прибегать и лица, склонные к суициду, с тем чтобы иметь возможность реализовать свой замысел [11, с. 178–180]. Поэтому очень важно выявить диссимуляцию и обеспечить необходимое стационарное лечение. В данном случае предметом защиты выступают не только жизнь и здоровье самого гражданина, но и безопасность окружающих, следовательно, присутствует публичный интерес [16, с. 37].

Но помимо симуляции и диссимуляции самого гражданина для правильного определения наличия или отсутствия соответствующего заболевания значение имеют поведение и определенные интересы близкого окружения человека. Об этом прекрасно показано в комедии американского драматурга Джона Патрика «Странная миссис Сэвидж», которая была написана в 1950 г., а в 1960 г. переведена на русский язык и с успехом прошла во всех ведущих театрах страны и в настоящее время появляется на различных театральных сценах.

Основная сюжетная линия комедии – трое весьма уважаемых взрослых людей помещают свою мачеху в психиатрическую лечебницу с единственной целью – отобрать у нее деньги, которые именно ей оставил по наследству ее муж и их отец. Поскольку это комедия, финал у нее позитивный, врач отпускает миссис Сэвидж. Но жизнь суровее пьесы, и автор высветил важную проблему, что психиатрию можно использовать как средство достижения определенных неблагоприятных целей. Можно поместить человека на принудительное лечение, лишит дееспособности, давая ложные показания и объяснения, манипулируя определенными особенностями и странностями характера и поведения человека. Можно пойти и на такой ход, который был выявлен при рассмотрении одного дела почти полвека назад, когда зять высказывал теще угрозы в заведомо фантастической форме, что послужило причиной ошибки суда первой инстанции в решении вопроса о признании ее недееспособной.

Сейчас тяжело даже вспоминать, что был период использования психиатрии как репрессивного средства, а для помещения на принудительное лечение не требовалось судебного решения, как и показано в комедии Джона Патрика. Поэтому действующие нормы уголовного права и административного судопроизводства являются правовыми гарантиями для всех «странных миссис Сэвидж».

Основа этих гарантий была заложена в 1992 г. с принятием Федерального закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (далее – закон о психиатрической помощи) [4]. На основе этого закона позднее в гражданском процессе появилась соответствующая категория дел особого производства, а в 2015 г. дела о

помещении гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь, были отнесены к административному судопроизводству, чем было признано наличие публичного интереса в предмете судебной защиты по этим делам. В настоящее время данная категория дел рассматривается по правилам гл. 30 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) [1]. Нормы КАС РФ содержат необходимые гарантии защиты права на свободу и личную неприкосновенность лица, в отношении которого решается вопрос о принудительной госпитализации, и, как всегда, практика ставит новые проблемные вопросы. В эту главу уже были внесены некоторые изменения, но юристы и специалисты в области психиатрии обнаруживают определенные лакуны, которые нуждаются в разрешении.

Так, остается открытым вопрос, связанный с возможным нарушением 48-часового срока для содержания лица в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь, без судебного решения. Обеспокоенность этим выражает в частности Н.А. Бурашникова, отмечая, что в нормах уголовно-процессуального законодательства этот вопрос решен однозначно: по истечении 48 часов задержанный должен быть освобожден, если в этот срок нет судебного решения. Казалось бы, это правило должно быть и в гл. 30 КАС РФ, но ведь речь идет о тяжелом состоянии здоровья, больному нужно продолжать оказывать медицинскую помощь [5, с. 352–353]. Поэтому получается, что надо уповать только на оперативность медицинских работников, а ведь объем документации, которую надо приложить к административному исковому заявлению в соответствии с ч. 4 ст. 275 КАС РФ, очень большой, да еще надо соблюдать форму и реквизиты самого административного искового заявления (об отношении к этому термину обратимся несколько позднее).

Особый характер защищаемых прав и интересов при оказании психиатрической помощи требует сокращения сроков всех процессуальных действий, и ч. 3 ст. 276 КАС РФ устанавливает правило о незамедлительном принятии к производству административного искового заявления. Но возникает вопрос, что делать, если, стремясь не нарушить срок в 48 часов, медицинская организация не смогла оформить само заявление и все документы в точном соответствии с требованиями ст. 275 КАС РФ, а дело надо возбудить. Применить ст. 130 КАС РФ об оставлении заявления без движения в этом случае нельзя. В ч. 4 ст. 276 КАС РФ содержится до некоторой степени странное правило, что суд «вправе истребовать документы и материалы, необходимые для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения и разрешения административного дела». Вызывает сомнения формулировка «вправе», скорее, обязан, поскольку никакой альтернативы тут быть не может. А если предположить, что это документы и материалы, которые должны

были бы уже при обращении в суд, то возникает вопрос, на основании чего тогда суд выносит определение о продлении срока пребывания гражданина на принудительном лечении. Вновь надежда только на высокий профессионализм тех, кто готовит документы в суд.

В соответствии со ст. 29 закона о психиатрической помощи в недобровольном порядке помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь, возможно при наличии хотя бы одного из трех условий: если тяжесть состояния здоровья свидетельствует о том, что больной представляет опасность для себя и окружающих, либо он не способен сам удовлетворять необходимые жизненные потребности, а также в тех случаях, когда лечение возможно только в условиях стационара. Суд должен получить сведения, подтверждающие эти обстоятельства, но их оценка будет только в ходе судебного заседания.

На практике возникает вопрос, как быть, если гражданин находится в таком состоянии, что не может выразить свою волю. В связи с этим врач-психиатр П.Б. Тафимцев задается вопросом о том, есть ли смысл обращаться в суд в таких случаях? А вот если согласие чисто формальное и больной не понимает его значения, по мнению Тафимцева, надо обязательно обращаться в суд [12, с. 122, 124]. В связи с этим представляется затруднительным выполнение правила п. 2 ч. 4 ст. 275 КАС РФ относительно представления документов, свидетельствующих об отказе гражданина от госпитализации, ведь важно установить подлинную волю и соответствие ее сделанному волеизъявлению, а, учитывая болезненное состояние, это сделать затруднительно.

Представляется, что этот вопрос непосредственно связан с проблемой обеспечения возможности гражданина лично участвовать в судебном заседании. И здесь суд не должен полагаться только на заключение комиссии врачей-психиатров о невозможности гражданина лично участвовать в судебном заседании. Целесообразно при наличии такого заключения всегда назначать рассмотрение дела в психоневрологическом диспансере с тем, чтобы до начала судебного заседания судья мог лично увидеть больного и составить свое представление о возможности его участия в суде. Из правила ч. 4 ст. 277 КАС РФ можно исключить такое основание для личного участия в судебном заседании, как возможность «адекватно воспринимать все происходящее в судебном заседании», поскольку это как раз подтверждает, что больной не способен решать вопрос о своем согласии на лечение, но однозначно нуждается в нем. Основанием должны быть только физическая невозможность участия в суде и возможность причинения вреда его жизни или здоровью. Относительно возможного вреда окружающим можно вспомнить, что суд постоянно сталкивается с такими ситуациями, рассматривая дела о принудительной госпитализации лиц, страдающих заразными формами туберкулеза, или

уголовные дела с участием особо опасных преступников. Просто нужны дополнительные организационные меры, способные обеспечить безопасность. Проблема обеспечения личного участия гражданина в суде сохраняет актуальность на протяжении длительного времени, что обусловлено «фактической и юридической уязвимостью этой группы лиц» [7, с. 140].

Дополнительной важной гарантией обеспечения прав и законных интересов гражданина, в отношении которого решается вопрос о принудительной госпитализации в психоневрологический стационар, является участие представителя. Сопоставление правил ч. 5 и ч. 6 ст. 277 КАС РФ позволяет сделать вывод, что участие представителя по таким делам обязательно, поскольку нет оговорки, что при неявке представителя дело может быть рассмотрено без его участия, как это указано в отношении прокурора, и суд должен назначить адвоката в порядке ч. 4 ст. 54 КАС РФ, если у гражданина нет представителя. Н.А. Бурашникова, рассматривая проблему судебного контроля за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность, предлагает расширить перечень ч. 4 ст. 54 КАС РФ и включить туда все случаи, когда решается вопрос о праве на свободу [6, с. 130], но она не дает оценки тому, что адвокат назначается судом только при отсутствии представителя у гражданина. В этом вопросе не все так однозначно. У большинства граждан России нет договорных отношений на услуги адвокатов до тех пор, пока не возникает необходимость участия в суде. Поэтому трудно предположить, что у лица, помещенного в психоневрологический стационар, окажется договор с адвокатом, предусматривающий все виды юридических услуг. Скорее всего, это будет законный представитель для несовершеннолетнего или представитель, с которым договор заключат родственники больного, и оплату будут производить они, следовательно, адвокат будет руководствоваться их позицией по делу. А вот на чем будет основана эта позиция, большой вопрос, и уместно вновь вспомнить историю миссис Сэвидж и «заботу» о ней ее пасынков. Поэтому для защиты лица, которого уже госпитализировали в психоневрологический стационар, во всех случаях должен назначаться адвокат. Проблему можно будет решать легко, если все-таки появятся государственные юридические бюро, о создании которых сейчас задумалось Министерство юстиции.

Основными вопросами, которые должен решить суд при применении правил гл. 30 КАС РФ, являются «зачем» и «почему» человек оказался в стационаре, оказывающем психоневрологическую помощь. А значит суд, должен установить наличие соответствующего заболевания, оценить возможную симуляцию и диссимуляцию, а также обстоятельства, при которых человек был доставлен в диспансер. Естественно, суду нужна квалифицированная помощь, ведь даже с учетом специализации судей на рассмотрении таких дел они не являются специалистами в области

психиатрии, да и врачи, как было отмечено ранее, могут совершать ошибки. Поэтому целесообразно привлекать к участию в деле специалистов, но при этом помнить о процессуальном статусе специалиста – это не свидетель, у которого может быть фактическая заинтересованность в деле. В соответствии с правилом ч. 2 ст. 33 КАС РФ не может быть специалистом лицо, которое находится в служебной или иной зависимости от лиц, участвующих в деле. Поэтому М.С. Толмачевой следовало уточнить свой тезис о том, что «при рассмотрении административных дел указанной категории допрашиваются в качестве специалистов лечащие врачи или заведующие отделениями медицинской организации» [14 с. 118], указанием на привлечение таких специалистов из других медицинских организаций, ведь психоневрологический стационар, который обратился в суд, выступает административным истцом, либо допрашивать названных лиц в качестве свидетелей. В связи с этим следует еще раз упомянуть о необходимости придания заключениям специалистов статуса доказательства, что уже обосновывалось ранее [15, с. 32].

В практике иногда возникает проблема, когда человек создает угрозу лишь самому себе, как в случаях склонности к суициду. Так, в Тамбове рассматривалось дело, когда несовершеннолетняя попала под влияние группы «Синий кит». Родители были против ее госпитализации, но суд сумел разобраться с помощью специалистов, как психиатров, так и психологов, проведенным лечением жизнь ребенка была сохранена [12, с. 125–126; 14, с.115–116].

Устанавливая необходимость обращения в суд в пределах 48 часов, нормы КАС РФ ничего не указывают о том, что происходит с больным в эти часы. Правила гл. 30 КАС РФ необходимо рассматривать в неразрывной связи с Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее –закон об охране здоровья) [3]. В ч. 9 ст. 20 закона об охране здоровья перечислены основания для медицинского вмешательства без согласия гражданина, а в п. 3 прямо названы лица, страдающие тяжелыми психическими расстройствами. К исследуемой проблеме относятся и п. 1, согласно которому существует угроза жизни, а сам человек не может выразить свою волю, и п. 6, по правилам которого можно оказать паллиативную медицинскую помощь, если гражданин не в состоянии выразить свою волю. Названные правила позволяют оказывать также помощь при алкоголизме и наркомании. Возможен вариант, когда у человека только кратковременное расстройство психики, и проведенное в соответствии с названными правилами лечение в течение 48 часов оказалось достаточным, и не требуется его продления по судебному решению.

Закон ограничивает перечень лиц, которые имеют право обратиться в суд для решения вопроса о принудительном лечении, это является важной гарантией для защиты права гражданина на свободу и личную

неприкосновенность. Обращая внимание на законодательство других государств, где практически не ограничен круг заявителей в суд по таким делам, Н.А. Бурашникова выражает опасение, чтобы расширение числа таких лиц не привело к злоупотреблениям, но осторожно предлагает включить в их число близких родственников и членов семьи [6, с. 117–118]. Бесспорно, психическое заболевание существенно влияет на жизнь всех членов семьи, но это достаточно опасный путь, предостережением от чего вновь можно назвать комедию «Странная миссис Сэвидж». Кроме того, в этом случае надо будет изменить требования к заявлению в суд, ведь основные документы могут быть подготовлены и представлены только соответствующим лечебным учреждением. А вот чаще использовать правило ч. 5 ст. 277 КАС РФ о возможном вызове в суд «иных лиц» суду необходимо, причем это должны быть не только родственники и свойственники, но и сослуживцы, друзья, соседи, которые как свидетели могут даже более объективно охарактеризовать человека.

Практика ставит еще много вопросов, никакая норма не может охватить все и быть абсолютно идеальной, т.к. есть вопросы, которые скорее теоретические, но влияют на особенности рассмотрения дела. Применительно к исследуемой категории дел (и некоторых схожих) уже давно звучали предложения о необходимости выделения в административном судопроизводстве специальных его видов. Предлагался вариант выделения особого производства, но с определенной спецификой [6, с. 93–95]. А.Ю. Тенькаев обосновал необходимость обособления в административном судопроизводстве «охранительного производства как самостоятельного вида судопроизводства по делам, носящим бесспорный либо условно бесспорный (квазиспорный) характер» [13, с. 11]. Можно подбирать различные термины, но применительно к принудительному оказанию психиатрической помощи очевидно одно: не следует именовать такого гражданина административным ответчиком, ведь это всегда подразумевает определенную в широком смысле противоправность и ответственность, а человек, который чаще всего даже не участвует в судебном заседании в связи с тем, что не способен воспринимать происходящее адекватно, вряд ли соответствует такому термину. Поэтому обсуждать проблему видов административного судопроизводства и терминологии необходимо, равно как и специальные нормы соответствующей главы.

По правилам гл. 30 КАС РФ решается вопрос о принудительном лечении, в том числе как способе предотвращения причинения вреда и совершения противоправных действий таким лицом. Но не всегда помощь бывает оказана вовремя, и вступают в действие нормы Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2].

Переходя к анализу института принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ) в УК РФ, в целях обоснования актуальности его исследования приведем статистику относительно частоты применения указанных мер российскими судами. Как свидетельствуют данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за 2022 г. ПММХ применены к 8,4 тыс. невменяемым лицам. Из них рассмотрено областными и равными им судами 65 дел (в 2021 г. – 48), что составило 4,3 % в структуре результатов по окончанным производством делам. Районными судами было рассмотрено 5,9 тыс. таких дел. Если сравнивать с 2021 г., то можно констатировать, что этот показатель вырос на 3,3 %. Удельный вес применения этих мер в общем числе окончанных производством уголовных дел в районных судах составил 1,1 % (в 2021 г. – 1,0 %). Соответствующие показатели в деятельности мировых судей составили 2,2 тыс., или 1,0 % (в 2021 г. – 2,2 тыс. или также 1,0 %) [9].

Таким образом, несмотря на не столь значительные в количественном и долевом выражении показатели, следует отметить, что случаи применения ПММХ отнюдь не единичны как в работе федеральных судов, так и в деятельности мировых судей. Ведь оценивая эти показатели, невозможно не учитывать экстраординарный характер ПММХ как формы уголовно-правового реагирования на совершение общественно опасных деяний, тем более, указанные цифры отражают их применение только к невменяемым. Применение ПММХ к иным категориям лиц отдельно не отражается в судебной статистике. Кроме того, относительно случаев применения ПММХ областными и равными им судами, а также районными судами мы можем наблюдать тенденцию их незначительного прироста.

Следующий важный момент, связанный с институтом ПММХ, – это вопрос об их правовой природе в уголовном праве (безусловно, важно также отметить и межотраслевой характер данного института, однако с учетом названия статьи и обусловленного им содержания указанный аспект не является предметом подробного рассмотрения). Казалось бы, правовая природа ПММХ с очевидностью определяется расположением соответствующей главы (гл. 15) в Разделе VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера». Тем не менее в специальной литературе данный вопрос является предметом дискуссий. Так, в частности в учебном пособии, посвященном ПММХ, Г.В. Назаренко следующим образом определяет их правовую природу: «по своей правовой природе принудительные меры медицинского характера являются уголовно-правовыми мерами безопасности, сущность которых заключается в принудительном лечении лиц, совершивших уголовно-противоправные деяния и представляющих по своему психическому состоянию опасность» [8].

Еще одна точка зрения сводится к тому, что ПММХ «не могут рассматриваться в качестве наказания или иных мер уголовно-правового характера потому, что назначаются не за совершение преступления, а в связи с психическим заболеванием лица, совершившего общественно опасные деяния» [17].

Безусловно, заслуживает внимания позиция, высказанная А.В. Шеслер и А.В. Васеловской: «Полагаем, что единый подход к рассмотрению правовой природы принудительных мер медицинского характера вне зависимости от того, к кому они применяются, является некорректным» [18]. Авторы имеют в виду следующее: в соответствии с ч. 1 ст. 97 УК РФ выделяются две разновидности принудительных мер медицинского характера с точки зрения категорий лиц, к которым они применяются. Первая разновидность – это ПММХ, которые применяются в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, а также лиц, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания. Вторая же разновидность – это ПММХ, применяемые к лицам, совершившим преступления и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. При этом второй категории лиц ПММХ назначаются наряду с наказанием, указанные авторы делают обоснованный вывод о том, что «принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания, включают в себя сущностные признаки уголовной ответственности» [18]. Что касается применения ПММХ к первой категории лиц, то с учетом отсутствия у таких лиц признака вменяемости как одного из конститутивных признаков субъекта преступления, полагаем, данные меры в этом случае не могут рассматриваться в контексте понятия и форм реализации уголовной ответственности.

Изложенное выше свидетельствует о том, что очевидный на первый взгляд вопрос о правовой природе ПММХ с учетом расположения гл. 15, регламентирующей данные меры, в структуре Общей части УК РФ, при ближайшем рассмотрении оказывается отнюдь не столь простым и однозначным. Вместе с тем отмеченная дифференциация ПММХ в зависимости от категории лиц, к которой они применяются, по сути делает невозможным единообразное определение их правовой природы. Поэтому, несмотря на дискуссионность данного вопроса в специальной литературе, представляется, что решение законодателя о помещении института ПММХ в Раздел VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера» следует признать достаточно оптимальным.

Относительно отражения данного вопроса непосредственно в судебной практике, можно констатировать, что применение ПММХ к невменяемым порой сопровождается неправильным указанием на то, что лицо освобождается от уголовной ответственности с применением этих

мер. Проиллюстрируем сказанное конкретным примером. По одному из уголовных дел суд постановил следующее: «Признать доказанным факт совершения Малофеевым Александром Викторовичем общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в состоянии невменяемости, и освободить его, в соответствии со ст. 21 УК РФ, за совершение указанного деяния от уголовной ответственности. Применить к нему, в соответствии с п. «а» ч. 1, ч. 2 ст. 97, ст. 98, п. «а», ч. 1 ст. 99, ст. 100 УК РФ, принудительную меру медицинского характера в виде принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях» [22].

Еще раз необходимо подчеркнуть, что если у лица отсутствует обязательный признак субъекта преступления, а именно вменяемость, то отсутствуют и состав преступления, и основание уголовной ответственности. Вследствие чего формулировка об освобождении лица от уголовной ответственности с применением принудительных мер медицинского характера является некорректной, и потому недопустимой в судебных актах.

Относительно целей применения ПММХ, сформулированных законодателем в ст. 98 УК РФ – излечение лиц или улучшение их психического состояния, а также предупреждение совершения ими новых деяний, предусмотренных Уголовным кодексом – отметим, что их формулировка представляется достаточно точной и универсальной, безотносительно того, к какой категории лиц применяются данные меры. Как подчеркивается в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда, «цели применения принудительных мер медицинского характера отличаются от целей применения наказания» [20]. Очевидно, что карательного содержания ПММХ в себе не несут, по крайней мере с институционально-правовых позиций.

Сделав подобную оговорку, следует взглянуть на данный вопрос и с точки зрения реалий. Следуя канве, заложенной в первой части настоящей публикации, используем для иллюстративности кинематографический пример. Речь пойдет о художественном фильме – драме режиссера Милоша Формана «Полет над гнездом кукушки». Действие фильма разворачивается в 1963 г. Главного героя – преступника Макмёрфи переводят для экспертизы из тюрьмы в психиатрическую клинику, где он сразу сталкивается с жестким распорядком. Установленный режим, вмешательство в личную жизнь пациентов во время сеансов групповой терапии, применение к пациентам электрошоковой терапии вызывают протест у нового пациента. Он не понимает, почему люди, даже будучи не вполне здоровыми, терпят такое обращение со стороны персонала. Финал картины производит шокирующее впечатление на зрителя. За бунтарские настроения и нападение на старшую медсестру Макмёрфи делают лоботомию – психиатрический метод, лишаящий человека способности совершать

какие-либо волевые действия. В целом от просмотра фильма остается стойкое ощущение, что психиатрические стационары не способны вылечить пациентов, а только усугубляют их состояние.

Совершенно очевидно, что прямая аналогия между сюжетом фильма и современной системой медицинских организаций, оказывающих психиатрическую помощь в стационарных условиях в России, неуместна. Но понятно и то, что идеализировать их состояние, как и применяемые методы и средства лечения, тоже не следует. В этой связи актуализируется вопрос о видах ПММХ, а также о порядке их продления, изменения и прекращения. Относительно видов ПММХ (принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях, принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа, специализированного типа или специализированного типа с интенсивным наблюдением) отметим, что их уголовно-правовая регламентация по вполне понятным причинам не носит исчерпывающего характера. Для определения того, какая мера адекватна для применения к конкретному лицу, необходимы как специальные знания в сфере психиатрии (суд определяет вид ПММХ, основываясь на экспертном заключении), так и учет положений иных законов и подзаконных актов, комплексным образом перечисленных в п. 1 уже упоминавшегося Постановления Пленума Верховного Суда РФ [20]. Несмотря на внушительный перечень НПА, которыми необходимо руководствоваться судам, согласно разъяснениям Пленума, они отнюдь не исчерпывающим образом регламентируют применение ПММХ. В специальной литературе это комментируется так: «Возможно, имеющиеся пробелы в законодательстве отчасти объясняются тем, что многие юристы смотрят на исполнение принудительного лечения как на сугубо медицинскую деятельность. Если же какие-то аспекты названной деятельности требуют законодательного регулирования, то это, по мнению сторонников рассматриваемой точки зрения, должно быть действующее медицинское законодательство. Однако, обратившись к нему, можно прийти к выводу, что по рассматриваемому вопросу оно имеет рамочный характер» [19].

Указанное мнение, к сожалению, справедливо и в отношении такого важного момента, связанного с ПММХ, как сроки для принятия решения об их продлении, изменении или прекращении.

Одной из конкретных проблем является определенное несоответствие между нормами Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов в части регламентации указанных сроков. Так, ст. 102 УК РФ устанавливает правило о шести месяцах в качестве первого срока для принятия решения о продлении, изменении или прекращении ПММХ, а впоследствии продление принудительного лечения производится ежегодно. Тогда как ст. 445 Уголовно-процессуального

кодекса РФ устанавливает, что суд прекращает, изменяет или продлевает на следующие шесть месяцев применение к лицу ПММХ. Почему два кодифицированных закона, которые должны работать в связке, не согласованы между собой в данном вопросе, непонятно.

В качестве еще одной проблемы, связанной со сроками применения ПММХ, отметим вопрос о том, каков должен быть срок применения этих мер в случае, если они соединены с исполнением наказания. Законом этот вопрос не урегулирован, но при этом ясно, что срок применения ПММХ не связан напрямую со сроком назначенного наказания или с какой-либо его частью. Представляется, что этот вопрос не может быть решен на этапе назначения наказания. Тем не менее в судебных актах можно встретить примеры, когда суды ограничивают ПММХ определенным сроком. Так, Черемховский городской суд приговорил: «Белобородова А.А. признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. ст. 30 ч. 3, 161 ч. 2 п. «а, г» УК РФ, и назначить ему наказание 02 (два) года лишения свободы. В силу ст. 73 УК РФ назначенное наказание считать условным с испытательным сроком 01 (один) год 06 (шесть) месяцев. В соответствии со ст. 99 ч. 2 УК РФ, ст. 102, ст. 104 ч. 1 УК РФ Белобородову А.А. назначить принудительную меру медицинского характера в виде принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях по месту отбывания наказания на срок не более 6 месяцев со дня вступления приговора в законную силу» [21]. Примечательно, что срок «не более шести месяцев» не только установлен судом, но и определен по принципу «не более» указанного периода времени. Что подразумевал суд, формулируя таким образом приговор, неясно.

Подводя итог проведенному исследованию принудительного оказания психиатрической помощи по нормам уголовного права и административного судопроизводства, отметим, что соответствующие институты в обеих отраслях российского права нуждаются в дальнейшем совершенствовании в той степени, которая будет адекватна как значимости затрагиваемых при их реализации прав личности, так и интересам общества и государства.

Но даже самый совершенный закон (что само по себе маловероятно) не исключает возможности врачебных и судебных ошибок, которые особенно опасны своими последствиями, когда связаны с определением наличия и степени психических расстройств человека и решением вопроса о защите права на свободу и личную неприкосновенность.

Проблемные вопросы, на которые обращено внимание в статье, могут послужить основанием для дальнейших исследований, привлечь внимание законодателя и стать неким предостережением от возможных ошибок в юридической и врачебной деятельности.

Список литературы

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Закон РФ от 02.07.1992 г. № 3185-1 (ред. от 30.12.2021 г.) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Административное судопроизводство в вопросах и ответах: учебное пособие / под общ. ред. А.А. Муравьева. М.: Проспект, 2019. 480 с.
6. Бурашникова Н.А. Судебный контроль за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность в административном судопроизводстве: монография. М.: Проспект, 2021. 223 с.
7. Гражданское процессуальное право: учебник: [в 2 т.] / под ред. П.В. Крашенинникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2022. 348 с.
8. Назаренко Г.В. Принудительные меры медицинского характера: учебное пособие. 2-е изд., М.: Флинта: МПСИ, 2011. 144 с.
9. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2022 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYU_2022_na_sayt_SD.pdf (дата обращения: 15.11.2023).
10. Осколкова С.Н. Судебная психиатрия для будущих юристов. М.: ИД Городец, 2021. 320 с.
11. Судебная психиатрия: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под ред. Б.А. Спасенникова, В.К. Дадабаева, З.О. Георгадзе. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. 255 с.
12. Тафинцев П.Б. Недобровольная госпитализация в психиатрический стационар и недобровольное психиатрическое освидетельствование. Проблемы и пути их решения // Судебный контроль за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность в административном судопроизводстве: сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции 14 декабря 2018 г. / отв. ред. Н.А. Бурашникова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. С. 121–126.
13. Тенькаев А.Ю. Производство по делам неискowego характера в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 28 с.
14. Толмачева М.С. Проблемные вопросы, связанные с рассмотрением судами административных дел о принудительной госпитализации в психиатрический стационар (на примере судебной практики Октябрьского районного суда г. Тамбова) // Судебный контроль за соблюдением права на свободу и личную неприкосновенность в административном судопроизводстве: сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции 14 ноября 2018 г. / отв. ред. Н.А. Бурашникова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. С. 114–120.

15. Туманова Л.В. Статус лиц, содействующих правосудию, как важный фактор в доказывании // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 27–35.

16. Туманова Л.В. Защита публично-правовых интересов в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. 58 с.

17. Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. М.: ЮрИнфоР-МГУ, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000245910> (дата обращения: 15.11.2023).

18. Шеслер А.В., Васеловская А.В. Правовая природа принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания // Вестник Кузбасского института. 2021. № 3 (48). С. 92–102 [Электронный ресурс]. URL: [https://doi.org/10.53993/2078-3914/2021/3\(48\)/92-102](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2021/3(48)/92-102) (дата обращения: 15.11.2023).

19. Шпынова Е.В. Принудительные меры медицинского характера: теоретические и правоприменительные проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnye-mery-meditsinskogo-haraktera-teoreticheskie-i-pravoprimeritelnye-problemy> (дата обращения: 20.11.2023).

20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 г. № 6 (ред. от 03.03.2015 г.) «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113017/?ysclid=lpdyzc5mx174700335 (дата обращения: 20.11.2023).

21. Приговор Черемховского городского суда № 1-15/2020 1-298/2019 от 24.01.2020 г. по делу № 1-15/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gfRA4eO6YOmX/?ysclid=lpj1quotm0132434975> (дата обращения: 20.11.2023).

22. Постановление Сосновоборского районного суда № 1-34/2019 1-6/2020 от 16.01.2020 г. по делу № 1-34/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YxR9Va9vsRrw/?ysclid=lpixa0a99v13357488> (дата обращения: 20.11.2023).

Об авторах:

ДРОНОВА Юлия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6183-4155, e-mail: dron_u75@mail.ru

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8705-4643, AuthorID: 648735; e-mail: gpid@tversu.ru

FORCED PSYCHIATRIC CARE ACCORDING TO THE STANDARDS OF CRIMINAL LAW AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Yu.A. Dronova, L.V. Tumanova

Tver State University, Tver

The article is devoted to the problem of compulsory provision of psychiatric care. The relevance is due to the complexity of psychiatric diseases themselves, their sufficient prevalence, as well as such concomitant phenomena as simulation and dissimulation. Compulsory treatment, regardless of whether it is preceded by any illegal behavior or not, affects the most important human and civil rights such as freedom and personal integrity, which requires legislative enshrinement of additional guarantees in addressing these issues. The court, when deciding on the use of treatment against the will of a person, must take into account not only the severity of the disease, but also many associated factors in order to prevent the use of such treatment for other non-medical purposes. Placing a person in a psychoneurological hospital according to the rules of administrative proceedings and criminal law has both differences and similarities, so a comparative study allows us to identify common problematic issues. The purpose of the study is to identify existing problems in legislation and law enforcement. The object of the study is the norms of the code of administrative proceedings, criminal law and basic laws governing the provision of medical care. The main conclusions concern the problems of preventing medical and, consequently, judicial errors associated with the implementation of compulsory treatment, providing additional guarantees that ensure the personal participation of a citizen and the assistance of a representative, the role and importance of a specialist in considering such cases, and the need to improve legislation.

Keywords: *compulsory treatment, simulation, dissimulation, trial, medical organization providing psychiatric care, representative, specialist, types of legal proceedings, compulsory medical measures, insanity, mental disorder that does not exclude sanity.*

About authors:

DRONOVA Julia – PhD in Law, associate professor of the department of criminal law and procedure of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6183-4155, e-mail: dron_u75@mail.ru

TUMANOVA Lidia – Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of the Legal Sciences, Professor professor of the department of judiciary and Law Enforcement Affairs of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 8705-4643, AuthorID: 648735; e-mail: gpipd@tversu.ru

Дронова Ю.А., Туманова Л.В. Принудительное оказание психиатрической помощи по нормам уголовного права и административного судопроизводства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 59–74.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023 г.

Подписана в печать 27.11.2023 г.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ТОРГОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И.А. Крусс

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена вопросам правового регулирования организации и деятельности цифровой торговой инфраструктуры в России. С учетом всевозрастающей необходимости использования цифровых торговых площадок в статье дается анализ последних изменений законодательства относительно дистанционного формата торговли. В статье освещаются основные нормативно-правовые акты, направленные на развитие цифровой торговли, и поднимаются вопросы совершенствования законодательства. Так, в качестве важного направления совершенствования правового регулирования видится сфера защиты персональных данных участников торговых сделок, а также защита исключительных прав правообладателей.

Ключевые слова: цифровая платформа, агрегатор товаров (услуг), маркетплейс, дистанционный способ продажи.

На сегодняшний день в Российской Федерации видится необходимым осуществление комплекса нормативно-правовых, организационных и технических мероприятий, направленных на развитие электронной торговли, формирование конкурентной деловой практики в этой сфере и создание благоприятных условий для удовлетворения потребительского запроса населения.

На данный момент к отношениям в области цифровой торговой инфраструктуры применяются общеотраслевые нормы, регулирующие основы торговой деятельности, сделки, обязательства, предпринимательскую деятельность, электронные расчеты, информационные системы и технологии, электронные документы.

Для целей настоящего исследования важным является определение правового статуса цифровой платформы, выступающей организатором или посредником торговой деятельности в сети «Интернет».

Общие концептуальные основы для распространения информации в сети «Интернет» задает Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

В данном законе раскрыты понятия, касающиеся функционирования сайтов, под которыми понимается «совокупность программ для ЭВМ и иной информации, которая содержится в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством сети «Интернет» по

специальным доменным именам и (или) по сетевым адресам, что позволяет идентифицировать сайты» [3].

Организатором распространения информации в сети «Интернет» по смыслу ст. 10.1 вышеупомянутого закона является лицо, осуществляющее деятельность по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети «Интернет».

Далее Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» дает определения электронной и электронной специализированной площадок, а также операторов электронной и электронной специализированной площадок. Так, сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на котором проводятся конкурентные способы определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в электронной форме (за исключением закрытых способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в электронной форме), а также закупки товара у единственного поставщика в электронной форме, именуется электронной площадкой [1].

Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» вводит понятие владельца агрегатора информации о товарах (услугах) как «организации независимо от организационно-правовой формы либо индивидуального предпринимателя, которые являются владельцами программы для электронных вычислительных машин и (или) владельцами сайта и (или) страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и которые предоставляют потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем наличных расчетов либо перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов» [4].

Таким образом, правовая природа агрегаторов товаров (услуг) раскрывается с позиций понятия интернет-сайтов (платформ, приложений), в более широком понимании «информационных систем», распространяющих информацию о товарах (услугах), условиях сделок, заключаемых на таких площадках, продавцами, изготовителями, импортерами, исполнителями услуг с покупателями или заказчиками.

В разрезе изучаемого вопроса нельзя обойти вниманием Федеральный закон от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении

инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который раскрывает понятия: инвестиционная платформа, участник инвестиционной платформы, оператор инвестиционной платформы. А также стоит назвать и Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который оперирует понятиями «информационная система», «оператор информационной системы».

Вышеуказанные нормативно-правовые акты показывают, что в общем виде понятия «агрегатор товаров (услуг)», «электронная торговая площадка», «цифровая платформа» укладываются в рамки понятий «программы для электронных вычислительных машин», «сайт» или «страницы сайта в сети "Интернет"».

Специальное законодательство применяется в отношении использования электронных подписей при совершении гражданско-правовых сделок. Отношения в области использования электронных подписей регулируются Федеральным законом от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

Немаловажное значение приобретает совершенствование правового регулирования в области защиты персональных данных участников торговых сделок, пользующихся услугами различных интернет-сайтов и платформ. Важнейшей гарантией соблюдения прав субъекта персональных данных является «обязанность операторов и третьих лиц, получивших доступ к персональным данным, обеспечивать их конфиденциальность (кроме случаев их обезличивания и общедоступных персональных данных), а также право субъекта персональных данных на защиту своих прав и законных интересов, в том числе на возмещение убытков и (или) компенсацию морального вреда в судебном порядке» [2].

Что же представляет из себя область правового регулирования розничной интернет-торговли.

Статьей 497 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) устанавливается дистанционный способ продажи товаров. Указанная норма находится в § 2 гл. 30 ГК РФ, посвященном розничной купле-продаже. Продажа товаров дистанционным способом представляет собой продажу, при которой продавец обязан предложить покупателю услуги по доставке товаров путем их пересылки или перевозки с указанием используемого способа доставки и вида транспорта. Данный способ розничной купли-продажи сопровождается заключением договора на основании ознакомления покупателя с предложенным продавцом описанием товара посредством каталогов, проспектов, буклетов, фотоснимков, средств связи (телевизионной, почтовой, радиосвязи и др.) или иными способами, исключающими возможность

непосредственного ознакомления потребителя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора.

Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» закрепляет положение, устанавливающее обязанность продавца до заключения договора предоставить потребителю информацию об основных потребительских свойствах товара, об адресе (месте нахождения) продавца, о месте изготовления товара, о полном фирменном наименовании (наименовании) продавца (изготовителя), о цене и об условиях приобретения товара, о его доставке, сроке службы, сроке годности и гарантийном сроке, о порядке оплаты товара, а также о сроке, в течение которого действует предложение о заключении договора [4].

Дистанционная торговля осуществляется с помощью особых дистанционных договоров и регулируется ГК РФ, а также отдельной ст. 26.1 Закона РФ «О защите прав потребителей».

В Постановлении Правительства РФ от 31.12.2020 г. № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» содержатся Правила продажи товаров при дистанционном способе продажи товара по договору розничной купли-продажи. Указанными Правилами определяется, что доставленный товар передается потребителю по указанному им адресу, а при отсутствии потребителя – любому лицу, предъявившему информацию о номере заказа либо иное (в том числе электронное) подтверждение заключения договора розничной купли-продажи или оформления заказа, если иное не предусмотрено законодательством или договором розничной купли-продажи.

Согласно п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» «при дистанционных способах продажи товаров (заказа работ, услуг), когда используются средства удаленной связи (в частности, такие как почта, Интернет, телефон), а оплата товара (работ, услуг) осуществляется потребителем посредством электронных или безналичных расчетов, в том числе с использованием банковских карт и (или) иных установленных законом средств платежа, включая электронные средства платежа, факт покупки может быть подтвержден выпиской с банковского счета об авторизации и о совершении транзакции с указанием получателя платежа, итогов дебетовых и кредитовых операций и т. п., а также иными документами,

подтверждающими перевод денежных средств (например, подтверждением об исполнении распоряжения клиента об осуществлении перевода электронных денежных средств, выдаваемым клиенту оператором электронных денежных средств)» [6].

Особенностью договора розничной купли-продажи, заключенного дистанционным способом, является и то, что покупателю предоставляется право отказаться от исполнения договора, однако такое право может быть реализовано при условии возмещения продавцу необходимых расходов, понесенных им в связи с совершением действий по исполнению договора.

Следует обратить внимание еще на один акт, который в меньшей степени анализируется в юридической литературе. Речь идет о Национальном стандарте РФ ГОСТ Р 57489-2017 «Руководство по добросовестной практике продажи товаров дистанционным способом с использованием сети Интернет».

Данный стандарт распространяется на деятельность лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью в сфере дистанционных продаж потребительских товаров покупателям исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [5]. Особая ценность стандарта заключается в том, что он конкретизирует и дополняет отдельные нормы и положения действующего законодательства в части добросовестной практики продажи товаров дистанционным способом с использованием сети «Интернет».

С учетом того, что форматы юридического закрепления сделок дистанционной продажи могут различаться, следует обратиться к правовой природе договорных отношений, возникающих в аспекте исследуемой проблематики.

Возникающие между продавцом и цифровой торговой площадкой отношения регулируются гражданско-правовым договором. ГК РФ регламентирует общие положения о договорах, а также устанавливает особенности регулирования для отдельных видов обязательств.

Как, правило цифровая платформа заключает агентский договор с продавцом, на условиях которого агент совершает определенные юридические действия за счет принципала, но может действовать как от своего имени, так и от имени принципала (ст. 1005 ГК РФ). Если агент действует от своего имени, то к агентскому договору применяются правила о договоре комиссии; если действует от имени принципала, то к такому агентскому договору применяются правила о договоре поручения. По договору комиссии одна сторона (комиссионер) обязуется по поручению другой стороны (комитента) за вознаграждение совершить одну или несколько сделок от своего имени, но за счет комитента (ст. 990

ГК РФ). По исполнению поручения комиссионер обязан представить комитенту отчет и передать ему все полученное по договору комиссии. Комитент, имеющий возражения по отчету, должен сообщить о них комиссионеру в течение тридцати дней со дня получения отчета, если соглашением сторон не установлен иной срок (ст. 999 ГК РФ).

Следует подчеркнуть, что заключаемые договоры между цифровой торговой платформой и продавцом строятся на посреднических началах. Соответственно, владелец агрегатора товаров (услуг) (маркетплейс) как информационный посредник не может изменять содержание договора между продавцом и покупателем, в отношении которого он оказывал услуги. Владелец агрегатора товаров (услуг) (маркетплейс) не несет ответственности по сделкам, заключенным между продавцом и покупателем. В рамках деятельности цифровых торговых площадок возникают и другие договорные отношения, связанные с оказанием услуг по доставке товаров, логистическому обслуживанию, выдаче заказов и т. п.

Регулирование соответствующих отношений осуществляется также на базе гражданского законодательства.

Подытоживая все вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

На сегодняшний день требуется проведение комплекса нормативно-правовых, организационных и технических мероприятий, направленных на развитие цифровой торговой инфраструктуры.

Правовое регулирование цифровой торговой инфраструктуры в Российской Федерации осуществляется на сегодняшний день согласно общеотраслевым нормам в сфере торговой деятельности, сделок, обязательств, предпринимательства, электронных расчетов и платежей, информационных систем и технологий и др.

Регулирование дистанционной продажи в сети «Интернет» не требует на данный момент принятия специального закона об электронной торговле, поскольку соответствующие нормы уже включены в отдельные нормативно-правовые акты РФ, регулирующие такую деятельность.

Проанализированные нормативно-правовые документы показывают, что такие понятия как «агрегатор товаров (услуг)», «электронная торговая площадка», а также «цифровая платформа» укладываются в рамки понятия «сайта» в сети «Интернет».

Опыт деятельности цифровых торговых форматов показывает, что электронные торговые площадки именуются в практической деятельности маркетплейсами. В связи с этим законодательство России могло бы воспринять такое определение в целях унификации терминологии.

Правовое оформление продажи и доставки товаров, приобретаемых на цифровых торговых платформах, путем транспортирования, хранения,

выполнения иных логистических операций осуществляется за счет нормативно-правовых актов, относящихся к системе гражданского законодательства, что не подразумевает возможности регулирования соответствующих отношений на уровне субъектов РФ.

В качестве направления совершенствования правового регулирования видится область защиты персональных данных участников торговых сделок, пользующихся услугами различных интернет-сайтов и торговых платформ.

Также дистанционная торговля осуществляется с помощью особых дистанционных договоров, природа которых может быть раскрыта с помощью уже разработанных положениями гражданского законодательства конструкций. Так, договор, заключаемый между маркетплейсом и продавцом, строится на посреднических началах.

Владелец агрегатора товара (услуги) (маркетплейса) выступает в качестве информационного посредника и не несет ответственности по сделкам, заключенным продавцом. Однако это не освобождает маркетплейс от ответственности за полноту и достоверность распространяемой информации. Анализ законодательства показывает и то, что информационный посредник несет ответственность за нарушение исключительных прав правообладателей, однако полагаем, что в этой сфере законодательство также нуждается в преобразованиях.

Список литературы

1. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «Гарант».
3. Федеральный закон от 27.07.2006 г. 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.
4. Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // РГ. 1992. 7 апреля.
5. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 57489-2017 «Руководство по добросовестной практике продажи товаров дистанционным способом с использованием сети интернет» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 07.06.2017 г. № 500-ст) [Электронный ресурс]. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/71747740/paragraph/1:49> (дата обращения: 10.11.2023).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [Электронный ресурс]. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/70194860/paragraph/95:43> (дата обращения: 10.11.2023).

Об авторе:

КРУСС Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-0261-9582, SPIN-код: 1394-2400, e-mail: Kruss.IA@tversu.ru

REGULATORY AND LEGAL REGULATION OF DIGITAL TRADE INFRASTRUCTURE IN THE RUSSIAN FEDERATION

I.A. Kruss

Tver State University, Tver

The article is devoted to the issues of legal regulation of the organization and operation of digital trade infrastructure in Russia. Taking into account the ever-increasing need to use digital trading platforms, the article analyzes the latest changes in legislation regarding the remote format of trading. The article highlights the main regulatory legal acts aimed at the development of digital commerce and raises issues of improving legislation. Thus, the sphere of protection of personal data of participants in trade transactions, as well as the protection of the exclusive rights of copyright holders, is seen as an important direction for improving legal regulation.

Keywords: *digital platform, aggregator of goods (services), marketplace, remote method of sale.*

About author:

KRUSS Irina – PhD in Law, assistant professor of the department of judiciary and law enforcement of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), ORCID: 0000-0002-0261-9582, SPIN-код: 1394-2400, e-mail: Kruss.IA@tversu.ru

Крусс И.А. Нормативно-правовое регулирование цифровой торговой инфраструктуры в Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 75–82.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023 г.

Подписана в печать 27.11.2023 г.

К ВОПРОСУ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОЦЕНКИ БЕЗОПАСНОСТИ НАНОТЕХНОЛОГИЙ

Т.В. Кувырченкова¹, С.П. Жданов²

¹ ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

² ФГБОУ ВО «Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова», г. Москва

Где-то с начала 2000-х гг. очень бурно развиваются нанотехнологии. Неслучайно нынешнее время принято называть эрой нанотехнологий, или четвертой промышленной революцией. Но новые технологии, имеющие в перспективе, да и сейчас, огромное практическое значение для человечества, можно рассматривать как потенциально опасные для живых организмов и природы. Актуальность исследования заключается в отсутствии комплексного подхода в вопросах оценки безопасности нанотехнологий. Целью работы является выработка конкретных предложений организационного и правового характера, направленных на повышение результативности проведения международной оценки нанобезопасности. Предметом исследования явились международные нормы, внутригосударственное законодательство, деятельность некоторых международных организаций, осуществляющих оценку безопасности новых технологий, научные работы ряда авторов. В статье проводится анализ имеющихся на сегодняшний день механизмов, обеспечивающих проведение международной оценки безопасности нанотехнологий. Методология исследования предполагает использование как общенаучных, так и частнонаучных методов познания. В заключении авторами высказаны некоторые рекомендации организационного и правового характера по повышению эффективности нанобезопасности.

Ключевые слова: *нанотехнологии, международная оценка безопасности, наноиндустрия, технологический уклад, стандартизация нанотехнологий, Организация экономического сотрудничества и развития, Международная организация по стандартизации, Международный центр управления рисками, нанобезопасность.*

Развитие мировой экономики находится на этапе перехода к шестому технологическому укладу, его наступление связывают с 2020 г. Экономическое развитие происходит волнообразно и предполагает смену технологических укладов, причем их длительность поступательно сокращается. Смена технологических укладов сопряжена с научно-техническим прогрессом. Ш.Г. Багамаев определял технологический уклад как комплекс новейших технологий и инноваций, лежащих в основе количественного и качественного скачка в развитии производства [1, с. 159]. Если брать показатели конкретных государств с позиций технологического уклада, то можно выделить следующие группы:

- ядро технологического уклада – США, Китай, Япония, Германия, Англия, Франция;
- страны первого технологического круга – Италия, Канада, Швеция, Финляндия, Нидерланды, Австралия, Южная Корея, Сингапур;
- страны второго технологического круга – Индия, Бразилия;
- постсоциалистические страны Восточной Европы;
- страны СНГ;
- наименее развитые страны [1, с. 159].

Становление шестого технологического уклада также связывают с получением графена в научных лабораториях Манчестерского университета в октябре 2004 г. Теоретически ядром шестого технологического уклада определяют в том числе бурное развитие нанотехнологий, т. е. научно-практических методов манипулирования объектами на уровне менее 100 нанометров, поэтому настоящее время называют эрой нанотехнологий, или четвертой промышленной революцией. Конечно, кроме нанотехнологий для шестого технологического уклада предполагается активное развитие искусственного интеллекта, биотехнологий, робототехники, широкое применение квантовой механики и т. д.

В науке различают два похода к нанотехнологиям: сверху-вниз и снизу-вверх. Первый процесс в своем развитии более прогнозируемый и он характерен для микроэлектроники, а второй непредсказуем во многих случаях и характерен для биотехнологий и развития научных исследований на стыке физики, биологии и химии. Последний процесс представляет собой самосборку молекул и макроструктур с заданными свойствами [9, с. 7].

Э. Дрекслер определял нанотехнологии как технологии дешевого производства устройств и веществ с заранее заданной атомарной структурой. Под нанотехнологиями нужно понимать использование нанодобавок и нанопримесей, т. е. объектов нанотехнологий (далее – НО) в виде специально сконструированных наночастиц (далее – НЦ) – частиц наномасштаба (далее – НМ) с линейным размером менее 1 мкм [2, с. 5].

Нанообъекты использовались достаточно давно, только мастера не знали об этом. Лишь в 1959 г. американский физик и лауреат Нобелевской премии Ричард Фейнман с позиций теоретической физики рассмотрел этот процесс «превращения». Таким образом, появилась возможность создавать новые материалы не путем изменения химического состава, а с помощью изменения размеров и формы составляющих систему частиц. Выдающиеся открытия в области нанотехнологий отмечены Нобелевскими премиями. Так, в 2000 г. ее получил академик Жорес Алферов за создание полупроводниковых гетероструктур.

Нанотехнологии имеют огромное количество полезных применений и долгосрочные положительные эффекты. Сейчас они широко

используются в быту. Это стиральные машины с обеззараживающими белье частицами серебра, OLED-дисплеи, плоские теледисплеи на основе нанотрубок и т. д. Но подлинную революцию связывают с возникновением наномашин, управляющих механосинтезом – составлением молекул из атомов с помощью механического сближения до появления соответствующей химической связи. Для чего необходим наноманипулятор, управляющий наночастицами на расстоянии до 100 нм. Сам наноманипулятор должен управляться компьютером. Это так называемые машины-репликаторы (ассемблеры). В 2017 г. британская группа сообщила о первом молекулярном роботе (молекулярном ассемблере).

Однако без действенного контроля за безопасностью нанотехнологий, применение которых представляет потенциальную угрозу для человека, его здоровья, среды обитания, невозможно и их перспективное развитие.

Система безопасности должна в себя включать условно следующие стадии:

- оценка безопасности при разработке, исследовании в научном учреждении;
- безопасность пилотных разработок;
- оценка безопасности при промышленном применении;
- оценка безопасности при применении в иных сферах (медицина, строительство и т. д.);
- оценка безопасности при возможных экстраординарных ситуациях;
- оценка безопасности при выводе из эксплуатации нанотехнологий;
- оценка безопасности при захоронении отходов.

Кроме того, как указывала ВОЗ, необходимо оценивать уровень воздействия наноматериалов на людей в динамике и охвате различных групп населения: работников, потребителей, детей и других уязвимых групп населения. Необходимы также исследования о долгосрочных последствиях воздействия наночастиц на здоровье человека и окружающую среду.

Некоторые эксперименты предполагают, что наночастицы имеют токсический эффект на стадии эмбрионального развития. Наибольшую ценность представляла бы оценка безопасности каждого отдельного наноматериала с учетом его уникальных свойств [3]. Увеличение количества нанообъектов может превзойти количество вредных химических и биологических соединений, подлежащих мониторингу. Особого внимания требуют исследования нанотехнологий, нанообъектов в военной области. Так, ученые из Технологического университета Джорджии проводят разработки с целью обеспечения солдат армии США надежным источником электричества для питания электроприборов амуниции – прицелов ночного видения, сотовых телефонов и др.

Огромную угрозу представляет выход из-под контроля молекулярных ассемблеров, которые в автономном режиме могут перестроить материалы в новые ассемблеры. Это все может продолжаться до тех пор, пока не иссякнет энергия и материалы. Э. Дрекслер описывал такую возможную ситуацию и предлагал некоторые меры предосторожности [2, с. 6].

Соответственно, требуется четкая и жесткая система контроля за появившимися новыми нанотехнологическими разработками.

Не все государства мира имеют возможность осуществлять исследования в сфере нанотехнологий. Связано это с отставанием в областях экономики, науки и техники. Лидером по числу предприятий, выполняющих разработки и исследования нанотехнологий, являются США, второе место занимает Германия, затем идет Франция. Тем же странам, что активно осваивают нанотехнологии, требуется в дальнейшем увеличить инвестиции для решения вопросов нанобезопасности. Кроме этого, последствия использования нанотехнологий, наноматериалов, наноотходов могут неблагоприятно сказаться на окружающей среде, здоровье населения, и они являются трансграничными. Таким образом, опасность грозит не только странам, активно осваивающим нанотехнологии, но и странам, не имеющим возможность проводить исследования в этой области. Возможен конфликт интересов между развитыми и развивающимися странами. Это противоречие, как указывала ВОЗ, необходимо решать с помощью системы управления нанорисками; отработанных правовых норм, которые на данный момент фрагментарные и имеют отличия типов регулирования. Все это требует координации усилий в рамках международных организаций [3].

Среди организаций, занимающихся вопросами безопасной разработки и применения нанотехнологий, можно выделить Организацию экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) и Международную организацию по стандартизации ISO. Так, например, эксперты ОЭСР считают, что для успешного развития нанотехнологий государству необходимо соответствующее новейшее оборудование и инструментарий, а также обязательно система государственной поддержки (государственные программы). ОЭСР разрабатывает программы тестирования новых технологий, систему оценки воздействия наноматериалов и т. д.

Что касается вопросов стандартизации нанотехнологий, то ими занимается Международная организация по стандартизации ISO. Стандартизация влияет на технологическое развитие, обеспечивает выпуск и применение инновационной и высокотехнологической продукции, способствует повышению уровня безопасности. Так, Международная организация по стандартизации ISO в 2005 г. сформировала Технический комитет ISO/TC 229 «Нанотехнологии». На

официальном сайте этого комитета определено, что включает в себя стандартизация в области нанотехнологий:

1. Понимание и контроль над материей и процессами на наноуровне, где возникновение явлений, зависящих от размера, обычно позволяет найти новые приложения.

2. Использование свойств наноразмерных материалов, которые отличаются от свойств отдельных атомов, молекул и объемного вещества, для создания улучшенных материалов, устройств и систем, использующих эти новые свойства [5].

ISO/TC 229 разрабатывает стандарты: терминологии и номенклатуры; метрологии и приборостроения; методологии тестирования; научно обоснованных практик в области здравоохранения, безопасности и охраны окружающей среды и др. Так, например, им разработан стандарт оценки токсичности и биоассимиляция промышленных нанообъектов в суспензии с использованием одноклеточного организма *Tetrahymena sp.* В документе описан метод оценки, стандарт предназначен для использования всеми центрами, которые работают с нано(эко)токсичностью искусственных нанообъектов и способные культивировать *Tetrahymena sp.* Метод, как указано в документе, применим к нанообъектам, таким как наночастицы, нановолокна определенного размера, нанопластины [5]. Действуют опубликованные стандарты, но также есть перечень стандартов, находящихся в разработке.

Международная стандартизация наноиндустрии позволяет придать выпускаемой на мировой рынок продукции правовой статус. В нашей стране, также с опорой на международные стандарты, осуществляется соответствующая деятельность созданного технического комитета по стандартизации ТК/МТК 441 «Нанотехнологии». На официальном сайте организации за ТК/МТК 441 закреплена область деятельности, связанная с разработкой, изготовлением, оборотом, утилизацией, безопасностью наноматериалов, метрологическим обеспечением наноиндустрии, классификацией и определением терминов в сфере нанотехнологий, применением биологических систем для решения технологических задач в нанодиапазоне [6].

В 2003 г. начал свою деятельность Международный совет по управлению рисками, который уже в 2016 г. стал Международным центром управления рисками (далее – IRGC). Этот независимый некоммерческий фонд находится в Швейцарии, цель его деятельности – улучшение управления возникающими и системными рисками, оказывающими влияние на здоровье человека и окружающую среду, экономику и общество, а также на общую устойчивость. В настоящее время он уделяет значительное внимание вопросам, связанным с новыми

технологиями, пытаясь преодолеть разрыв между наукой, политикой, технологиями и обществом.

IRGC занимается проблемами и нанотехнологий. Как указано на официальном сайте организации, «преобразования, вызванные нанотехнологиями, могут принести большую пользу обществу, включая улучшение медицинской диагностики и лечения, систем очистки воды и отходов и многое другое. Однако, социальные, экономические, политические и этические последствия, а также риски также значительны» [7].

IRGC были разработаны проекты по нанотехнологиям в 2006–2008 гг., в 2019–2022 гг. Партнером центра был NANORIGO (NANOtechnology RiSk GOVERNance), проекта Horizon 2020. Это Европейский проект по управлению рисками в области нанотехнологий.

Ряд вопросов, связанных с разработкой и внедрением нанотехнологий решается в рамках деятельности региональных организаций. Например, в 2019 г. принято Постановление № 49-15 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О рекомендациях “Об этике нанотехнологий”», где содержатся положения о том, что современные научные и технические достижения, в том числе в области нанотехнологий, открывают широкие перспективы социально-экономического и культурного прогресса и в то же время порождают серьезные этические проблемы, которые могут поставить под угрозу осуществление прав и свобод человека и требуют в связи с этим постоянного внимания, изучения и решения посредством общественного обсуждения и государственного регулирования. В этом же документе в качестве одной из мер обеспечения выполнения обязательств по безопасности нанотехнологий предлагается всем структурам, включая международные организации, государственные органы и профессиональные сообщества, действующим в сфере наноисследований или их информационного, социального, юридического и иного сопровождения, анализировать соотношение негативных и позитивных последствий и потенциальные риски применения нанотехнологий на протяжении всего жизненного цикла нанообъекта – от момента его создания и до утилизации [8]. Рекомендуется также проводить этическую экспертизу при использовании нанотехнологий. Кроме этого, перспективным решением проблемы безопасности нанотехнологий является подготовка нового поколения исследователей и инженеров в этой сфере, т. к. нанонаука имеет междисциплинарный характер.

Но несмотря на деятельность межправительственных и неправительственных организаций, решение вопросов безопасности нанотехнологий отстает от их разработок и коммерческого использования, поэтому существует общепризнанный подход, что изначально их рассматривают как потенциально опасные. Не создано и единой системы обеспечения безопасности. Кроме того, наноматериалы

используются уже около 20 лет, но они в полном объеме не изучены. Известно, что наночастицы благодаря размерам могут проникать в живые организмы и взаимодействовать с клетками и тканями, что также является реальной угрозой для этих организмов.

Развитие нанотехнологий относится к перспективным направлениям науки и техники, предполагает расширение возможностей человека в разных областях. Потенциальные угрозы применения таких технологий не означают их запрет. Необходимо создать эффективную систему контроля за их разработкой и применением, начиная, как было указано выше, с оценки безопасности при разработке, исследовании в научном учреждении и заканчивая оценкой безопасности при захоронении отходов. В вопросах нанобезопасности необходим комплексный подход: определять приоритетные задачи, своевременно решать возникающие проблемы, использовать современные методы моделирования рисков. Так, Г.Г. Онищенко предлагает определить основные принципы обеспечения безопасности нанотехнологий. В качестве таковых он выделяет:

- принцип доказанной безопасности;
- обязательное, специальное регламентирование продукции нанотехнологий;
- охрана здоровья и безопасность населения и непосредственных производителей (рабочих);
- охрана окружающей среды;
- ответственность производителей [4, с. 8].

Итак, различными вопросами международной оценки безопасности нанотехнологий занимается ряд международных межправительственных и неправительственных организаций, действующих на территории всего мирового пространства, а также в конкретных регионах. Но не все имеющиеся проблемы в этой сфере до настоящего времени решены. Так, еще в 2007 г. В.Н. Лысцов и Н.В. Мурзин выделяли в качестве одной из опасностей нанотехнологий отсутствие нормативной базы, регулирующей их производство и обращение. Отсутствуют конвенционные определения в сфере наноиндустрии, международные конвенции в области стандартизации нанотехнологий, не существует комплексного подхода в вопросах оценки нанобезопасности, некоторые проблемы организационного характера также требуют разрешения. Таким образом, многие вопросы правового регулирования нанотехнологий не решены и требуют скорейшего разрешения. Это напрямую связано с безопасностью человека, его здоровья, среды обитания. В качестве рекомендаций решения существующих проблем можно предложить следующие: прежде всего восполнить международную нормативную базу, регулирующую вопросы нанобезопасности; разработать единые комплексные подходы к организации такой оценки с учетом особенностей нанообъектов.

Список литературы

1. Багамаев Ш.Г. Соответствие политики развития ГЦС России формированию 6-го технологического уклада в стране // *Russian Economic Bulletin*. 2023. Том 6. № 3. С. 158–164.
2. Лысцов В.Н., Мурзин Н.В. Проблемы безопасности нанотехнологий. М., МИФИ, 2007. 70 с.
3. Нанотехнологии и здоровье населения: научные данные и управление рисками: Отчет о совещании экспертов ВОЗ 10–11 декабря 2012 г., Бонн, Германия [Электронный ресурс]. URL: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0004/242788/e96927r.pdf (дата обращения: 08.11.2023).
4. Онищенко Г.Г. Стратегия безопасности в наноиндустрии // *Здоровье населения и среда обитания*. 2011. № 5 (218). С. 4–8 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16331295_59749886.pdf (дата обращения: 08.11.2023).
5. Официальный сайт Международной организации по стандартизации ISO [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iso.org/committee/381983.html> (дата обращения: 08.11.2023).
6. Официальный сайт Российский институт стандартизации РСТ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gostinfo.ru/pages/Standardization/tk441> (дата обращения: 08.11.2023).
7. Официальный сайт Международный центр управления рисками (IRGC) [Электронный ресурс]. URL: <https://irgc.org/issues/nanotechnology/> (дата обращения: 08.11.2023).
8. Постановление № 49-15 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О рекомендациях “Об этике нанотехнологий”» (Принято в г. Санкт-Петербурге 19.04.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Трофимов Н.А., Пипия Л.К. Нанотехнологии: сферы применения и перспективные направления исследований // *Наука за рубежом*. 2011. № 4 С. 1–28.

Об авторах:

КУВЫРЧЕНКОВА Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6900-5462, AuthorID: 541033, e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru

ЖДАНОВ Сергей Павлович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», (115054, г. Москва, Стремянный переулок, 36), SPIN-код: 5309-4333, AuthorID: 709039, e-mail: zhdanov120009@yandex.ru

ON THE ISSUE OF INTERNATIONAL ASSESSMENT OF THE SAFETY OF NANOTECHNOLOGIES

T.V. Kuvirchenkova¹, S.P. Zhdanov²

¹ Tver State University, Tver

² Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow

Somewhere from the beginning of the 2000s, nanotechnology has been developing very rapidly. It is no coincidence that the current time is usually called the era of nanotechnology or the fourth industrial revolution. But new technologies, which in the future, and even now, are of great practical importance for humanity, can be considered as potentially dangerous for living organisms and nature. The relevance of the study lies in the lack of an integrated approach to assessing the safety of nanotechnologies. The goal of the work is to develop specific proposals, organizational and legal in nature, aimed at increasing the effectiveness of the international assessment of nanosafety. The subject of the study was international standards, domestic legislation, the activities of some international organizations that assess the safety of new technologies, and scientific works of a number of authors. The article analyzes the mechanisms currently available to ensure the international assessment of the safety of nanotechnologies. The research methodology involves the use of both general scientific and specific scientific methods of cognition. In conclusion, the author made some organizational and legal recommendations to improve the efficiency of nanosafety.

Keywords: *nanotechnology, international safety assessment, nanoindustry, technological structure, nanotechnology standardization, Organization for Economic Cooperation and Development, International Organization for Standardization, International Risk Management Center, nanosafety.*

About authors:

KUVIRCHENKOVA Tatyana – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Customs Law of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6900-5462, AuthorID: 541033, e-mail: kuvirchenkova @rambler.ru

ZHDANOV Sergey – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov (115054, Moscow, Stremyanny Lane, 36), SPIN-code: 5309-4333, AuthorID: 709039, e-mail: zhdanov120009@yandex.ru

Кувырченкова Т.В., Жданов С.П. К вопросу международной оценки безопасности нанотехнологий // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 83–91.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023 г.

Подписана в печать 27.11.2023 г.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, СОВЕРШИВШЕГО ПЕНИТЕНЦИАРНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

С.А. Хохрин

ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва;
ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет (ЮГУ)»,
г. Ханты-Мансийск

Статья посвящена отдельным видам криминологической характеристики личности пенитенциарного преступника – сотрудника уголовно-исполнительной системы, в частности уровню образования, трудовой занятости, возрасту и т. д. Выводы получены в результате анализа судебной практики по фактам совершенных преступлений сотрудников в период прохождения службы в пенитенциарных учреждениях. Дополнительно рассмотрены некоторые виды характеристик сотрудников – пенитенциарных преступников в зависимости от отдельных видов преступлений.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, исправительные учреждения, сотрудники УИС, факторы преступности, личность преступника, режим содержания.

Прошедшее в России реформирование уголовно-исполнительной системы и проведенная оптимизация личного состава пенитенциарной системы привели к увеличению нагрузки на сотрудников, оттоку кадрового потенциала и, как следствие, высокой текучести кадров. Зафиксировать наличие проблем с организацией кадровой работы позволяют официальные статистические данные о том, что за последние десять лет происходит положительная динамика совершаемых сотрудниками преступлений в период выполнения служебных обязанностей, которая движется в противофазе состоянию преступности в стране¹.

Криминологические показатели преступности позволяют утверждать, что организованная работа с личным составом пенитенциарных учреждений не позволяет в полной мере пресечь факты

¹ На основании формы статистической отчетности ФСИН-7 «Сведения о состоянии законности среди сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» количество преступлений, совершенных сотрудниками в период 2011–2021 гг., увеличилось на 17,8 % (в 2011 г. – 336, в 2012 г. – 475, 2013 г. – 456, 2014 г. – 357, 2015 г. – 377, 2016 г. – 374, 2017 г. – 381, 2018 г. – 363, 2019 г. – 398, 2020 г. – 396, 2021 г. – 386) // Автоматизир. информ. система «Статистика ТО УИС» (дата обращения: 11.12.2022).

совершения преступлений со стороны сотрудников, поэтому необходимо выработать меры, направленные на предупреждение и пресечение. Мы согласны с мнением профессора А.П. Некрасова, который высказал свою солидарность с другими авторами о том, что «успешное предупреждение преступлений возможно лишь в том случае, если внимание будет сконцентрировано на личности преступника» [12, с. 43–49].

В юридической литературе изучению личности преступника посвящено большое количество работ. Применительно к нашему вопросу наиболее интересным является позиция авторов учебника по пенитенциарной криминологии, где под рассматриваемым понятием указывается «разновидность (отдельный тип) личности вообще, которая представляет собой человека, наделенного сознанием, речью, способностью к деятельности и выполнению разнообразных социальных ролей, вместе с тем совершившего преступление» [14, с. 567]. В этом понятии авторы соотносят личность пенитенциарного преступника не с кем иным, как с осужденным. Данная позиция является спорной и расходится с мнением том, что пенитенциарным преступником может быть и сотрудник.

Анализируя работы по исследованию личности пенитенциарного преступника, условно их можно разделить на две группы: в первой описываются физические признаки преступника, социальное положение [10, с. 15]; вторая группа рассматривает личность с позиции психологического отношения личности к совершаемому преступлению [4, с. 76; 5, с. 50–51; 11]. Мы предпочитаем объединить обе точки зрения и считаем, что определяющую роль в совершении преступления играет личность и социальная среда.

Концентрированная преступная среда оказывает деформирующее влияние на личность сотрудника исправительного учреждения (далее – ИУ), сотрудник выполняет обязанности в постоянном стрессе – агрессия со стороны осужденных и постоянная необходимость сдерживать себя в отношении с осужденными [6, с. 91]. К стрессовым ситуациям работы в учреждении относят постоянное общение со спецконтингентом, дезорганизирующие действия осужденных, постоянное ожидание провокационных действий со стороны осужденных и руководства. При этом риск не столько физический, сколько психологический. Сотрудник может адаптироваться в ИУ до трех лет, а полностью разобраться во всех тонкостях не ранее чем через пять лет. Сама по себе повседневная служба сотрудников охарактеризована жесткими условиями труда: ненормированный рабочий день, низкий процент укомплектованности подразделений, постоянные проверки и контроль службы руководства, дополнительная нагрузка на сотрудника при проведении режимных мероприятий. Как отмечалось в юридической литературе, «кто бы что ни говорил, но в тюремной жизни нет никакой романтики – только жестокость, страдания, грязь, и к ним вольно или невольно

вырабатывается привычка» [13, с. 104–108].

Возрастает роль социально-психологической адаптации сотрудников к окружающей обстановке в условиях концентрированной криминогенной среды. По степени социально-психологической адаптации лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях, мы можем условно разделить на три группы:

1. Адаптированные сотрудники (к ним можно отнести лиц среднего и старшего начальствующего состава, имеющих значительный стаж службы (более 15 лет). Немаловажным является тот факт, чтобы сотрудник отработал этот срок только в одном учреждении. Сотрудники поддерживают социальные связи, имеют твердое негативное отношение к криминальной субкультуре, наделены властно-распорядительными функциями.

2. Условно адаптированные сотрудники. Сюда можно включить лиц среднего и старшего начальствующего состава, инспекторского состава, а также выполняющих обязанности в караулах и дежурных сменах. В данную категорию также попадают сотрудники, имеющие звания среднего начальствующего состава, ранее занимавшие должности младшего начальствующего состава, и сотрудники младшего начальствующего состава, имеющие значительный стаж службы (более 5 лет).

3. Слабо адаптированные сотрудники. Это выпускники образовательных организаций ФСИН России; сотрудники, назначенные на должности младшего начальствующего состава с минимальным сроком службы (до 3 лет); сотрудники, перешедшие из других ведомств.

Четкое разграничение адаптаций невозможно, процесс происходит неравномерно и различен для каждой личности в зависимости от человека и окружающей среды. Формирование примерных групп адаптивности позволяет проработать комплекс мер, направленных на предупреждение ряда преступлений, совершаемых на территории исправительных учреждений.

Сама по себе структура личности пенитенциарного преступника охарактеризована рядом элементов, сюда относят пол, возраст, уровень образования, семейное положение, поддержание социальных связей, социально-культурологические и трудовые отношения, выполнение общегражданских обязанностей.

Социально-демографические данные являются одним из основополагающих элементов изучения личности преступника в криминологии. Заслуживает внимание мнение Д.А. Шестакова о том, что наличие значимых отличий от населения может свидетельствовать о предрасположенности к совершению преступлений отдельных социальных групп [17, с. 136]. В противоположность этому мнению в юридической литературе указывается, что социально-демографические свойства личности некриминогенны. Они оказывают влияние на

формирование личности и социальную роль личности [9, с. 125].

Одним из основных социально-демографических свойств личности принято выделять возраст преступника. Изучение возраста позволяет отслеживать процесс изменений личности в социальной среде. В рамках формирования мнения по личности преступника – сотрудника, совершившего преступление в период прохождения службы, нами было проанализировано 621 приговоров в отношении осужденных сотрудников УИС в период 2012–2022 гг.¹

Полученные результаты показали, что чаще всего преступления в период несения службы в исправительных учреждениях совершаются лицами от 26 до 30 лет (31,6 %), далее идет группа 31–35-летних (23,3 %), третья группа до 36–40-летних (19,7 %), на четвертом месте лица до 25 лет (9,9 %), на последнем месте группа лиц 46 и старше (6,4 %). Отсюда можно сделать вывод, что более половины всех преступлений совершены лицами до 35 лет (рис. 1).

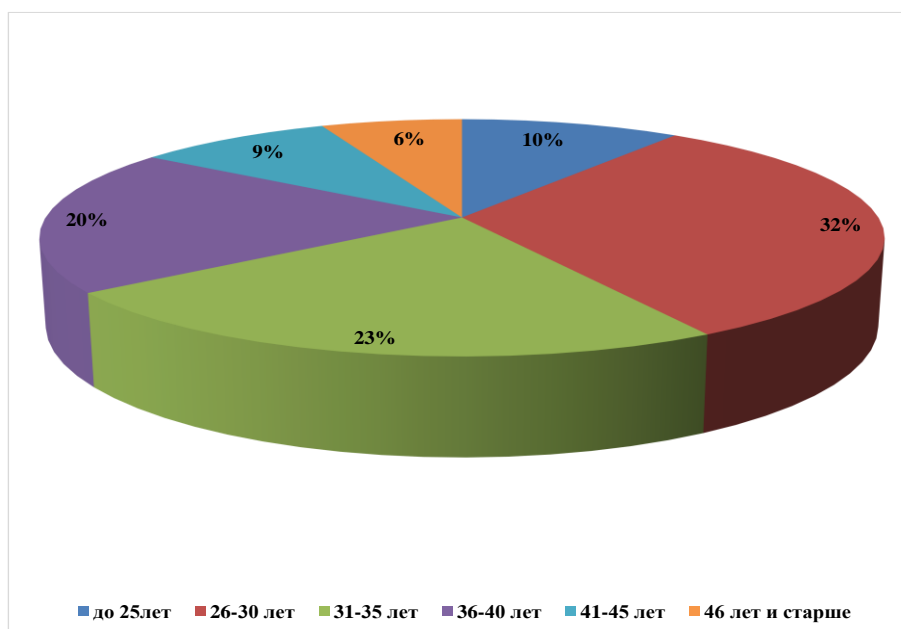

Рис. 1. Обобщенные данные возраста сотрудников, совершивших преступление в период несения службы

Необходимо также уделить внимание отдельным видам пенитенциарных преступлений, совершаемых сотрудниками:

1) преступления, связанные с превышением или злоупотреблением должностных полномочий (ст. 285, 286 Уголовного кодекса РФ (далее –

¹ Анализ приговоров проводился в отношении сотрудников исправительных учреждений, следственных изоляторов, аппаратов управлений территориальных органов ФСИН России, совершивших преступление в период прохождения службы в уголовно-исполнительной системе в 46 субъектах Российской Федерации.

УК РФ)) [1], в большей степени совершаются лицами среднего возраста 31–35-летними (45,7 %), а в меньшей степени лицами до 25 лет (2,8 %);

2) преступления, связанные с незаконными операциями с наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами (ст. 228 УК РФ), характеризуются самым большим количеством лиц молодого возраста 26–30 лет (48,3 %), а люди старшего возраста не замечены в совершении этих преступлений;

3) преступления, связанные с управлением транспортными средствами, в результате которых пострадали иные граждане (ст. 264 УК РФ), категория лиц возраста 26–30 лет (57,1 %). Дополнительно отметим, что данная категория субъектов совершает максимальное количество иных составов преступлений – 29,6 %;

4) преступления, связанные с получением взятки (ст. 290 УК РФ), чаще всего совершают лица более старшего возраста 31–35 лет (28,8 %), 36–40 лет (15,2 %) и лица от 46 лет и старше (15,2 %) (рис. 2).

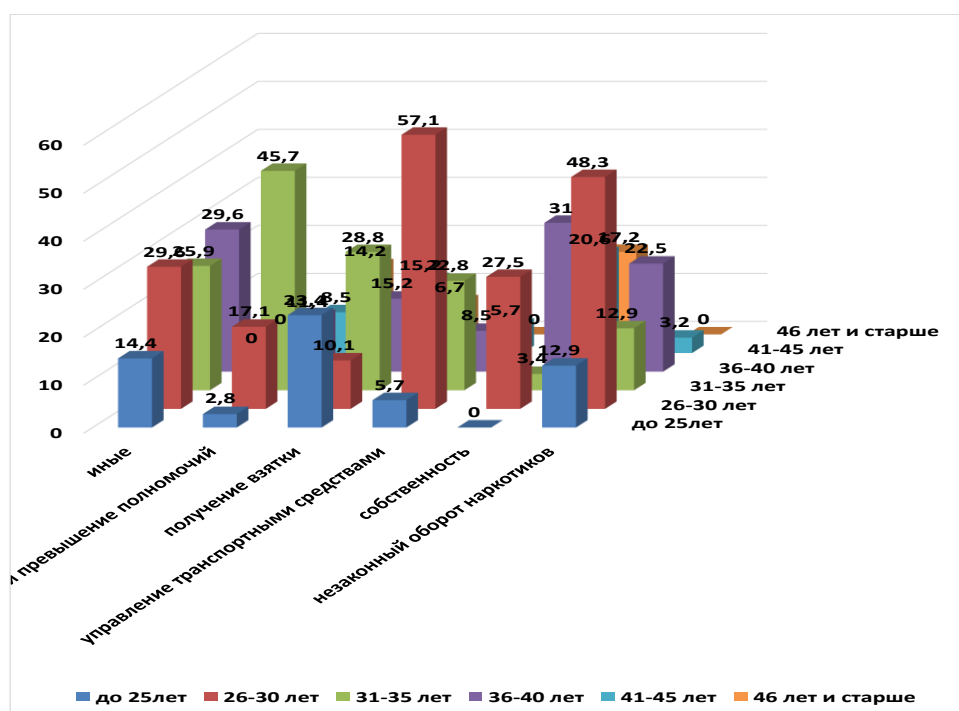

Рис. 2. Распределение возраста соучастников, по отдельным видам преступлений

Рассматривая социально-демографические данные пенитенциарных преступников, необходимо уделить внимание образованию. В юридической литературе наличие образования отмечается как антикриминогенный фактор [16, с. 155–160], который впоследствии способствует ресоциализации и социальной адаптации осужденного [15,

с. 129–132]. Образовательный уровень, по мнению Я. Ивасенко, способствует нейтрализации отрицательных черт характера и искоренению криминального поведения [7, с. 10]. Образовательный уровень как фактор нравственного становления личности отмечал в своих работах Н.Н. Кондрашков [8, с. 45].

Отметим, что образовательный уровень сотрудников, совершивших пенитенциарное преступление, на порядок выше, чем образовательный уровень осужденных. Как показывает анализ приговоров по фактам преступных деяний, в период выполнения служебных задач в исправительных учреждениях преступления совершаются лицами: имеющими полное среднее образование (22,3 %), имеющими среднее профессиональное образование (16,6 %), имеющими высшее образование (64,7 %) (рис. 3).

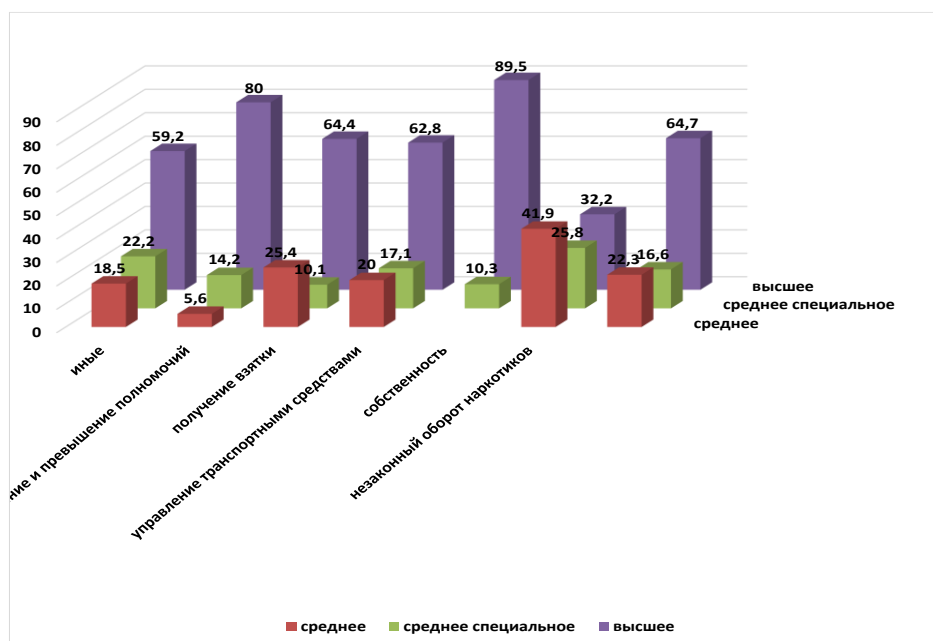

Рис. 3. Уровень образования сотрудников в зависимости от вида совершаемого преступления

Необходимо отметить, что в процессе анализа эмпирического материала было выявлено, что 30,4 % сотрудников с высшим образованием, совершивших пенитенциарное преступление, занимают должности младшего начальствующего состава. Это подтверждается и соотношением личного состава по должностям, например: сотрудники, занимающие должности младшего начальствующего состава (МНС) – 31,5 %, занимающие должности среднего начальствующего состава (СНС) – 32,9 %, занимающие должности старшего начальствующего состава (СтНС) – 35,4 % (рис. 4).

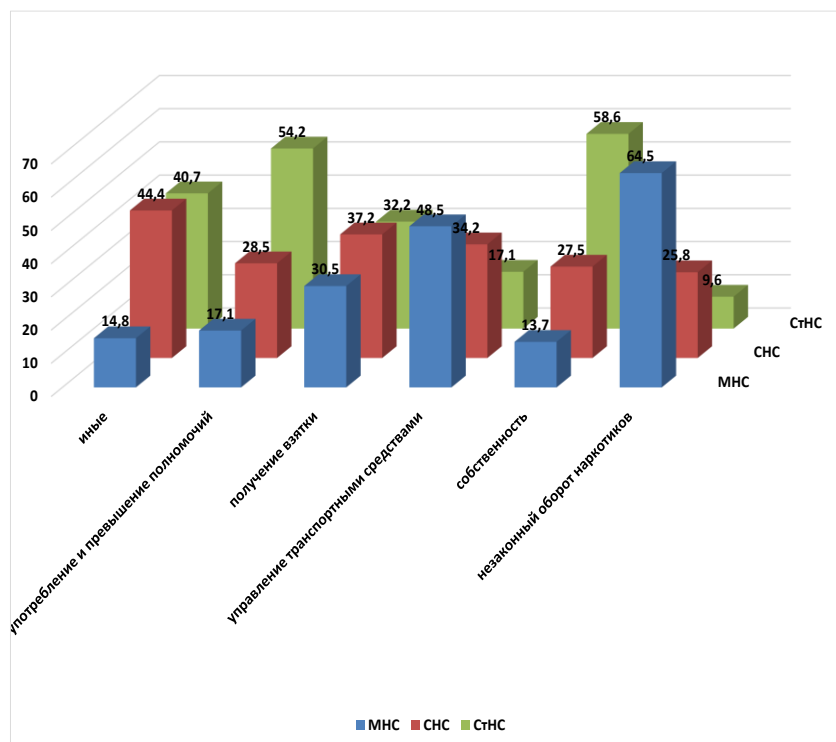

Рис. 4. Соотношение личного состава в зависимости от занимаемой должности и совершаемого преступления

Как видно, цифры практически равные. Следовательно, можно сделать вывод, что наличие диплома о высшем образовании не позволяет свидетельствовать о наличии реальных знаний и уровне воспитания. Высокий образовательный уровень не оберегает от деформации мировоззрения, не позволяет сформировать правопослушные взгляды и убеждения.

Следующим признаком является социальное положение и род занятий. Применительно к лицам (сотрудникам), совершившим пенитенциарное преступление, наиболее целесообразно рассмотреть выслугу лет. Сотрудники учреждений выполняют свои обязанности в соответствии с Федеральным законом от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"» (с изменениями и дополнениями), поэтому вызывают интерес сроки службы сотрудников [2]. Так, наибольшее количество преступлений совершается сотрудниками с выслугой от 5 до 10 лет – 30,1 %, на втором месте лица, имеющую выслугу от 10 до 15 лет – 19,2 %, на третьем месте лица с выслугой от 1 года до 3 лет – 14,7 %, на четвертом месте лица с выслугой от 15 до 20 лет – 13,3 %, в пятую группу целесообразно объединить лиц с выслугой до 1 года – 4,1 %, с выслугой от 3 до 5 лет – 9,3 % и с выслугой более 20 лет – 8,7 % (рис. 5).

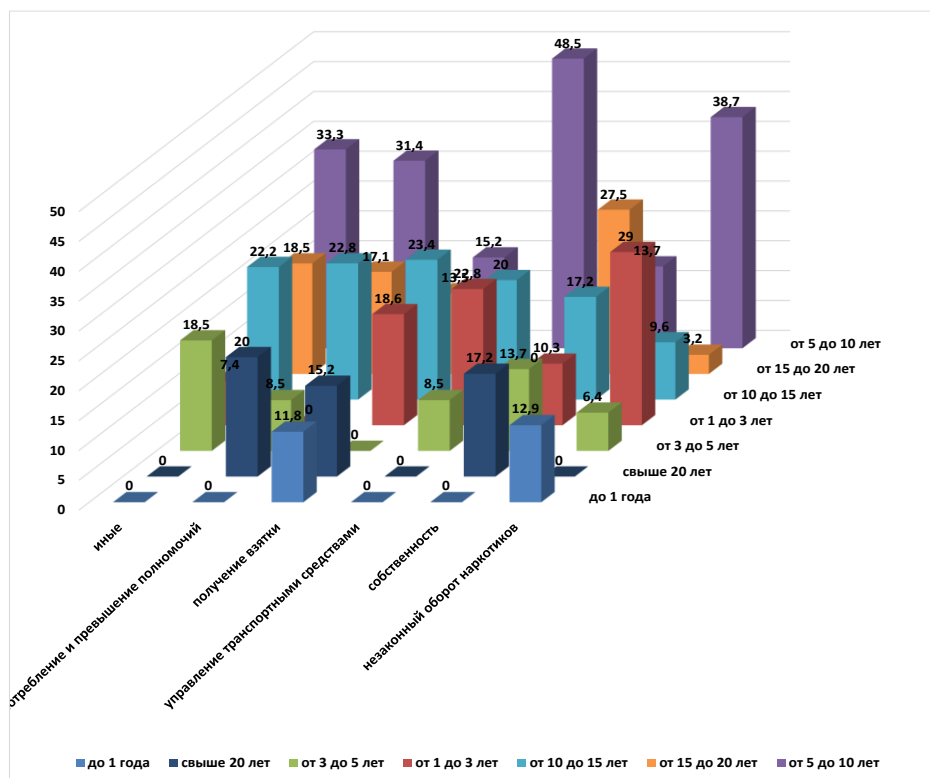

Рис. 5. Стаж работы в УИС сотрудников, совершивших преступление

Дополнительно к выслуге необходимо отметить одну важную деталь: при изучении уголовных дел в отношении сотрудников было выяснено, что основная масса преступлений совершается лицами, которые в должности находятся не более 3 лет – 57,7 %, от 3 до 5 лет – 22,7 %, от 5 до 10 – 16,8 %, более 10 лет – 6,8 %. Эти данные позволяют сделать вывод о неэффективной работе института наставничества сотрудников в пенитенциарных учреждениях (рис. 6).

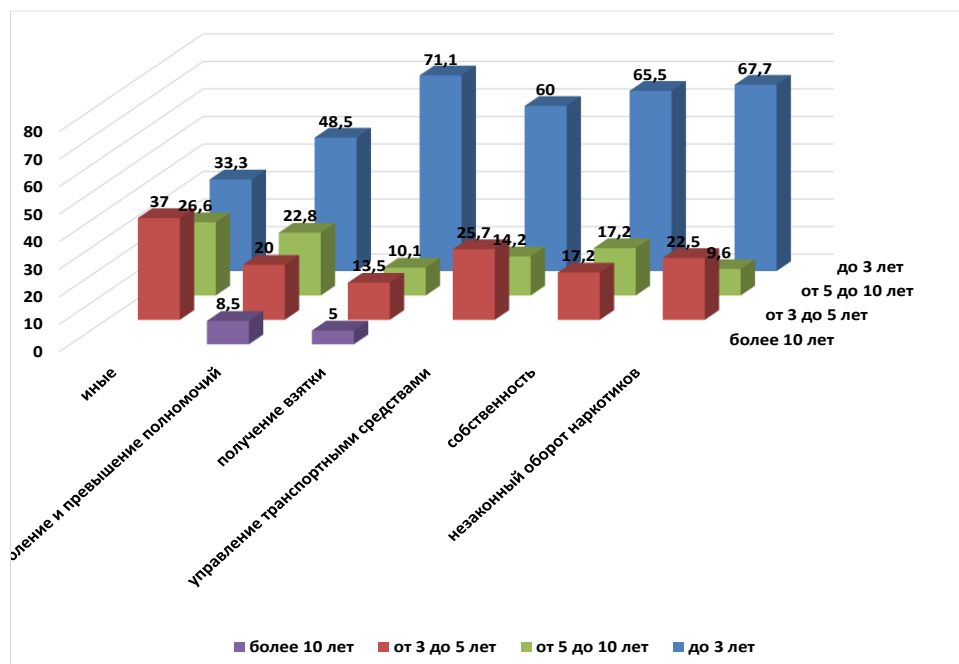

Рис. 6. Сроки нахождения в должности

Наставничество в уголовно-исполнительной системе регламентировано приказом ФСИН России от 28.12.2010 г. № 555 «Об организации воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы», устанавливается, в том числе в отношении «перемещенных по службе сотрудниками УИС на вышестоящую должность либо равнозначную в другую службу в случае выполнения ими функциональных обязанностей, требующих дополнительного обучения профессиональным знаниям и навыкам практической работы» [3].

Наставничество по приказу устанавливается от полугода до года и, как следствие, неэффективно. К сожалению, в последние годы указанный вид работы находится в неудовлетворительном состоянии, и данному вопросу не уделяется должного внимания. В рамках предупреждения пенитенциарной преступности остро встает вопрос о повышении уровня работы с молодыми сотрудниками в учреждениях ФСИН России.

Последний социально-демографический признак, на котором мы хотели бы остановить внимание, это семейное положение. Семейное положение сотрудников отличается от положения осужденных, совершивших пенитенциарное преступление. Доля женатых сотрудников несколько выше, чем доля осужденных, и составляет 66,7 %. Вместе с тем количество сотрудников, имеющих детей, ниже, чем аналогичные показатели у осужденных, и составляет 63,5 %. Отсюда можно сделать вывод о том, что сотрудники в меньшей степени поддерживают отношения с бывшими женами и детьми. Необходимо отметить высокий показатель наличия семьи у лиц, совершивших

преступления, связанные со злоупотреблением и превышением полномочий (77,1 %), посягательством на собственность (86,2 %). Минимальный показатель наличия семьи связан с преступлениями при управлении транспортными средствами (34,3 %).

Обобщение полученных результатов позволяет сделать вывод: среди сотрудников отмечается наибольшая криминализация лиц молодого возраста (26–30 лет). Социально-демографическая характеристика данной категории характеризуется высоким уровнем образования (более 60 % имеют высшее образование) и поддержанием высокого уровня социальных связей. Отмечается значительный срок прохождения службы – от пяти до десяти лет, при этом срок нахождения в должности менее трех лет, что свидетельствует о неудовлетворительной работе наставничества.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ (ред. от 10.07.2023 г.) «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ ФСИН России от 28.12.2010 № 555 «Об организации воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы» [Электронный ресурс]. URL: <https://ukrfkod.ru/zakonodatelstvo/prikaz-fsin-rf-ot-28122010-n-555/> (дата обращения: 21.09.2022).
4. Алексеев А.И. Криминология: Курс лекций. М.: Щит-М, 1998. 336 с.
5. Белозерова И.И. Личность преступника и ее криминалистический аспект // Следователь. 1998. № 4. С. 50–51.
6. Булденко К.А., Лемешко П.М. Улучшение нравственно-психологического климата в органах милиции - важнейшее средство повышения эффективности их деятельности // Проблемы совершенствования организации и деятельности советской милиции в условиях формирования правового государства (Сб. науч. тр.). Минск, 1991.
7. Ивасенко Я.С. Общее и профессиональное образование, профессиональное обучение как средства исправления осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2014. 276 с.
8. Кондрашков Н.Н. Количественные методы в криминологии. М.: Юрид. лит., 1971. 184 с.
9. Криминология: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [науч. ред. Н.Ф. Кузнецова, В.В. Лунеев]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. 640 с.
10. Криминология: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Антонян Ю. М. и др.]; под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. 734 с.
11. Криминология: Учебник для вузов / под общ. ред. д.ю.н., проф. А.И.

Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. 339 с.

12. Некрасов А.П. Криминологическая характеристика личности осужденного, совершившего преступление в учреждении пенитенциарной системы // Вестник Самарского юридического института. 2013. № 3 (11). С. 43–49.

13. Паршков А.В., Щелкушкина Е.А. Совершенствование воспитательной работы с переменным составом образовательных организаций ФСИН России // Прикладная юридическая психология. 2016. № 4. С. 103–108.

14. Пенитенциарная криминология: учебник /под ред. Ю.М. Антоняна, А.Я Гришко, А.П. Фильченко. Рязань: Академия ФСИН России, 2009.

15. Профессиональное образование осужденных как фактор их ресоциализации: монография / В.Н. Казанцев [и др.]. Рязань: Акад. ФСИН России, 2010. 132 с.

16. Сайгушев А.А. Основы христианской морали и религиозного образования как фактор профилактики преступности несовершеннолетних преступников и правонарушителей в XVIII–XIX веках // История становления и развития правоохранительной системы России: сб. материалов науч. семин. (Псков, 5 июня 2009 г.). Псков, 2009.

17. Шестаков Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии: избранное. СПб.: Юридический центр Пресс, 2015. 432 с.

Об авторе:

ХОХРИН Сергей Александрович – кандидат юридических наук, доцент; старший научный сотрудник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы Центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, (125130, Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1); доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса юридического института ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет» (628012, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16), SPIN-код: 9921-0814, AuthorID: 730661, ORCID: 0000-0002-0900-1195, e-mail: hohrinsa@yandex.ru

SOME FEATURES OF THE CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF THE EMPLOYEE WHO COMMITTED A PENITENTIARY CRIME

S.A. Khokhrin

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow;
Yugra State University (UGU), Khanty-Mansiysk

The article is devoted to certain types of criminological characteristics of the personality of a penitentiary criminal employee, in particular, the level of education, employment, age, etc. The conclusions are obtained as a result of the analysis of judicial practice on the facts of crimes committed by employees during their service in penitentiary institutions. Additionally, some types of

characteristics of employees of penitentiary criminals are considered, depending on certain types of crimes.

Keywords: *penitentiary crime, correctional facilities, employees, crime factors, personality of the offender, detention regime.*

About author:

КНОКХРИН Sergey – PhD in Law, assistant professor; Senior Researcher of the Department for Studying the Problems of Management and Reforming the Penitentiary System of the Center for Studying the Problems of Management and Organization of the Execution of Punishments in the Penitentiary System of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (125130, Moscow, Narvskaya st., 15a, building 1); Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Law Institute of the Ugra State University (628012, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Chekhov St., 16), SPIN-code: 9921-0814, AuthorID: 730661, ORCID: 0000-0002-0900-1195, e-mail: hohrinsa@yandex.ru

Хохрин С.А. Некоторые особенности криминологической характеристики личности сотрудника уголовно-исполнительной системы, совершившего пенитенциарное преступление // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 92–103.

Статья поступила в редакцию 15.03.2023 г.

Подписана в печать 27.11.2023 г.

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

УДК 342.7

DOI: 10.26456/vtpravo/2023.4.104

ЮРИДИЧЕСКАЯ КЛИНИКА: ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

С.А. Алешукина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена вопросам организации и деятельности юридической клиники как участника негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи. Возникшие на стыке веков юридические клиники прочно вошли в практику образовательного процесса высших учебных заведений юридического профиля задолго до своей правовой регламентации на уровне законодательного акта. С учетом современных тенденций усиления контроля и мониторинга деятельности юридических клиник со стороны Министерства юстиции РФ и его территориальных органов в статье дается критический анализ последних изменений законодательства о бесплатной юридической помощи. В статье освещаются основные проблемы, с которыми сталкиваются юридические клиники на этапе формирования и текущей деятельности, в том числе низкая заинтересованность представителей профессорско-преподавательского состава, искусственное ограничение контингента обучающихся, задействованных в консультировании граждан, а также последствия цифровизации общества. Вместе с тем делается вывод о необходимости более широкого внедрения клинического образования как наиболее успешной технологии по формированию практических навыков студентов.

Ключевые слова: юридическая клиника, профессиональные навыки, бесплатная юридическая помощь, клиническое образование.

Юридическую клинику высшего учебного заведения (далее – вуза) как социально-правовое явление нельзя рассматривать как нечто ранее неизвестное или исключительно национальное. Опыт создания общественных приемных для практического обучения студентов был известен еще в дореволюционный период. Первая юридическая клиника была создана в 40-х гг. XIX в. в Казанском университете под руководством профессора Д.И. Мейера. В клинику являлись частные лица за советами, которые давал профессор в присутствии студентов [6]. Но широкое распространение юридические клиники в России получили лишь в 90-х гг. XX в., а сам термин «юридическая клиника» возник в США [9]. Не имея ни достаточной законодательной базы, ни материального обеспечения, юридические клиники начали свое становление именно с практической области применения как передовая

образовательная технология. Клиники достаточно быстро завоевали популярность среди образовательных организаций, их преподавателей и студентов, вследствие чего стали формироваться на юридических факультетах ведущих вузов страны и получать финансирование за счет собственных средств вузов, грантовой помощи и добровольных пожертвований. Зарекомендовавшись как элемент гражданского общества и профессиональной среды, юридические клиники прочно вошли в практику образовательных методов обучения будущих юристов. Юридические клиники стали первоначальной площадкой апробации всех интерактивных методик, применяемых сегодня в образовательной деятельности, и определили свое будущее место в образовательных стандартах подготовки юристов. Таким образом, основное функциональное назначение юридической клиники – это расширение содержания и повышение качественного уровня образования юристов [7].

Второй аспект деятельности юридических клиник, отражающий их социальное назначение, заключается в правовом консультировании граждан на безвозмездной основе. Данная составляющая в большей степени учтена законодателем, в следствие чего с принятием Федерального закона от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (далее – закон о БЮП) юридическим клиникам вузов придан официальный статус участников негосударственной системы бесплатной юридической помощи [1].

С учетом дуалистической функции данного юридического образования, можно сказать, что юридическая клиника представляет собой специальное подразделение в вузах, деятельность которого направлена на консультирование уязвимых категорий граждан. Правовую защиту их законных интересов оказывают обучающиеся юридических специальностей высших учебных заведений под руководством преподавателей, имеющих большой стаж работы как в сфере образования, так и в области юриспруденции [4], что обеспечивает обоюдный учет интересов обучающихся в формировании у них практических навыков и интересов граждан в оказании бесплатной юридической помощи.

Согласно официальным данным, на сегодняшний день в нашей стране действуют 318 юридических клиник. В 2020 г. количество случаев БЮП, оказанной юридическими клиниками образовательных учреждений высшего профессионального образования, составило 365 324 [3]. Несмотря на более чем 30-летний период своей деятельности и лояльное отношение законодателя к данному институту и в призма образовательной технологии, и в контексте участника бесплатной юридической помощи, юридические клиники сегодня столкнулись с новыми проблемами и вызовами. О каких же проблемам и вызовах идет речь?

1. Зарегламентированность и жесткий контроль, введенный последними изменениями закона о БЮП. С 26.12.2022 г. вступила в силу ст. 23.1 вышеназванного закона, обязавшая образовательные организации высшего образования, создавшие юридическую клинику, в течение десяти дней со дня ее создания направлять в территориальный орган уполномоченного федерального органа исполнительной власти (Минюст России) уведомление, содержащие подробные сведения о клинике: дата создания, полное наименование и адрес места нахождения юридической клиники, контактные данные, сведения об образовательной организации, при которой создана юридическая клиника, сведения о видах юридической помощи и категориях граждан, имеющих право на ее получение, адрес помещения, в котором будет осуществляться прием. Кроме того, корреспондирующие обязанности по ведению соответствующего списка юридических клиник и размещения его в информационно-телекоммуникационной сети Интернет возложены и на координирующие эту деятельность органы власти. Данное нововведение скорее отрицательно, нежели положительно. Излишнее желание «всех посчитать», обеспечить сторонний мониторинг деятельности клиник не обосновано объективной необходимостью и подменяет природу данного института. Юридические клиники как часть образовательной системы, как часть студенческой самореализации всегда отличались индивидуальностью, свободой деятельности, отсутствием формализма. Стремление же привести всех участников БЮП к единым формам взаимодействия и отчетности лишит их самобытности [2]. Такой внешний контроль может быть допустим в отношении адвокатов, подлежащих включению в реестр адвокатов, осуществляющих бесплатное консультирование граждан, поскольку они, в свою очередь, могут потребовать оплаты труда в порядке, предусмотренном законодательством. Такой внешний контроль может быть целесообразен в отношении других институтов гражданского общества, имеющих статус юридических лиц, особенно в контексте обеспечения прозрачности финансирования и исключения иностранного влияния. Но юридическая клиника, не имеющая статуса юридического лица, как образовательная технология, ставится на один уровень контроля с иными участниками системы бесплатной юридической помощи, не имея ни аналогичной сферы реализации, ни материальных возможностей. Юридические клиники, ориентированные на малоимущих и социально незащищенных граждан, осуществляют прием граждан в тех помещениях, где имеется спрос: библиотеках, МФЦ, общественных приемных. Обозначенные помещения принадлежат чаще всего органам власти или подведомственным им учреждениям, что потребует заключения договора безвозмездного пользования (ссуды) или иного закрепления права пребывания по адресу, указанному в

соответствующем уведомлении. Кроме того, закон не предусматривает порядок актуализации данной информации.

Наличие конкретного перечня вопросов, по которым будет оказываться помощь, и категории граждан, имеющих право на БЮП, повлечет уменьшение количества обращающихся граждан. Как правило, юридические клиники не спрашивают справок о доходах или иного подтверждения статуса малоимущих граждан. И такая свобода усмотрения, отсутствие формализма, простота обращения способствуют доверительному отношению граждан к юридическим клиникам. Формализация и бюрократизация деятельности юридических клиник поставит на первое место форму, а не содержание работы.

2. Лишение вариативности правового статуса юридических клиник. До обозначенных изменений закона о БЮП юридические клиники могли создаваться в качестве юридического лица, если такое право предоставлено образовательному учреждению высшего профессионального образования его учредителем, или структурного подразделения образовательного учреждения высшего профессионального образования. Сегодня же единственным вариантом существования юридической клиники выступает статус структурного подразделения образовательной организации высшего образования или научной организации. Вместе с тем потенциальная возможность наличия статуса юридического лица обеспечивала юридические клиники гарантиями имущественной самостоятельности, а также правом на получение мер социальной поддержки через участие в грантовой деятельности.

3. Ограничение обучающегося контингента для привлечения в работу юридической клиники. По новым нормам закона о БЮП в оказании бесплатной юридической помощи юридическими клиниками участвуют студенты, отучившиеся не менее половины срока получения образования, установленного соответствующим федеральным государственным образовательным стандартом, и не имеющие академической задолженности. Данное ограничение выступает гарантией защиты граждан, которым оказывается бесплатная юридическая помощь. Однако данная гарантия излишняя, а ограничение учебного контингента существенно скажется на качестве образования и равенстве доступа студентов к образовательным технологиям. Если говорить о клиническом юридическом образовании, а не просто о студенческой бесплатной помощи, то все же целесообразнее привлекать к работе в клинике всех студентов без исключения. Очевидно, что уровень знаний и заинтересованности в работе в юридической клинике у студентов разный, однако опыт работы в ней одинаково полезен для всех [9]. А качество и необходимый уровень предоставляемой гражданам юридической помощи обеспечивается участием преподавателей, имеющих высшее юридическое образование, ответственных за обучение

студентов и деятельность юридических клиник в вузах. Руководитель клиники и преподаватели, задействованные в деятельности студентов, уже на стадии интервьюирования могут оценить сложность дела и определить «надлежащих» студентов для каждого случая обращения. Кроме того, практика деятельности большинства клиник предполагает визирование дипломированным специалистом всех консультаций и проектов правовых документов, выходящих из юридической клиники.

4. Слабая заинтересованность представителей профессорско-преподавательского состава в участии в деятельности юридических клиник. Как правило, аппарат клиники (руководитель, делопроизводитель и т.п.) находится в гражданско-правовых отношениях с вузом или имеет соответствующую стимулирующую надбавку к заработной плате. Труд преподавателей, которые непосредственно присутствуют на консультациях, консультируют и проверяют подготавливаемые студентами проекты юридических документов, не имеет имущественного воплощения. Вследствие чего, с целью усиления мотивации профессорско-преподавательского состава и более широкого их вовлечения в деятельность юридических клиник необходимо предусмотреть возможность учета затраченного времени в рамках «других видов деятельности» (наравне с научной и учебно-методической деятельностью) во второй половине дня преподавателя при выполнении соответствующих индивидуальных учебных поручений.

5. Портфолио и имиджевое позиционирование. Современный студент находится в системе жесткой конкуренции еще до стадии выхода на профессиональный рынок. Приученные со школьной скамьи создавать личные портфолио, получая разного рода баллы за участие в добровольческих кампаниях, современные студенты-юристы требуют подтверждения их «работы» в юридической клинике. Если занятия студентов в юридической клинике охватываются дисциплиной в рамках учебного плана, то ее окончание предполагает выставление зачета и соответствующего отражения в дипломе. Если же студенты принимают участие в деятельности юридической клиники на добровольных началах, то представляется необходимым этот факт фиксировать с помощью документов, имеющих правовое значение, а не сертификатов и грамот или иной полиграфической продукции. Как следствие, необходимо наделить юридические клиники правом выдать документы о повышении квалификации или предусмотреть механизм выдачи соответствующих документов образовательным учреждением, структурным подразделением которого являются юридические клиники.

6. Цифровизация правовых и социальных услуг. Современный этап развития государства и общества характеризуется цифровизацией практически всех сфер жизнедеятельности, особенно сферы социальных и правовых услуг. ЕИС «Госуслуги», МФЦ и личные кабинеты граждан на разного рода сайтах органов власти (ФНС России, Социальный фонд

России) презюмируют определенный уровень компьютерной грамотности граждан и их технической оснащенности. Однако данные характеристики актуальны для центра России и мегаполисов, а чем ближе к периферии, тем чаще граждане сталкиваются с проблемами реализации их прав в связи с переходом в онлайн-сферу. Особенно это актуально для контингента юридических клиник – категорий малоимущих и социально незащищенных граждан, особое положение в числе которых занимают инвалиды и пенсионеры, неготовые физически и ментально к процессу цифровизации. Как следствие, государство, позиционирующее себя не только как правовое, современное, но и социальное, должно предусмотреть возможность реализации гражданами своих прав в удобной и доступной для них форме. Примерами современных барьеров может выступать онлайн-запись к врачам в государственных бюджетных учреждениях здравоохранения, постановка на учет в качестве безработного только через ЕИС «Работа России», возможность получения решений судов в период пандемии Covid-19 только в электронной форме на электронную почту участника спора и др. Проблема принудительного насаждения цифровых технологий, с которой сталкиваются граждане, обращающиеся в юридические клиники, сказывается и на образовательном процессе студентов. Студенты приходят в юридическую клинику для формирования практических юридических навыков, возможности воочию увидеть процессуальные документы, в прямом смысле проложить дорогу в органы власти, с которыми планируют связать свою профессиональную деятельность. А на поверку оказывается, что определенные документы (выписки из ЕГРН, трудовые книжки, СНИЛСы и т. п.) студенты не видят, поскольку они имеют исключительно цифровой формат, а в органы власти доступ закрыт, поскольку соответствующие услуги оказываются посредством МФЦ при личном обращении заявителя. Как следствие, клиника не всегда может обеспечить устранение разрыва теоретических знаний и практических навыков их реализации.

7. Изъятие уголовно-правовой сферы из деятельности юридических клиник ВУЗов. Часть вузов не имеет профиля специализации и готовит специалистов по специальности «Юриспруденция» в целом. Далее студенты сами определяют сферу своих профессиональных интересов. Однако в независимости от предпочтений студентов, их планы реализоваться в уголовно-правой сфере, возможность получения практических навыков в юридических клиниках ограничена гражданско-правовой сферой. Интересна в этом контексте практика юридических клиник специализированных вузов, готовящих следователей, криминалистов и других узких специалистов. Например, юридическая клиника Уфимского юридического института МВД России [8], юридическая клиника Самарского юридического института ФСИИ России [5] и клиники других профилирующих вузов, курсанты которых

планируют связать свою жизнь с уголовной сферой, но консультируют граждан в рамках работы юридической клиники по всем вопросам, кроме тех, которые связаны с их будущей профессией. Юридическая клиника Тверского государственного университета также до 2011 г. имела проект «адвокат по переписке», в рамках которого вела переписку с лицами, находящимися в местах лишения свободы, и организовывала выездные консультации в учреждения пенитенциарной системы. Однако введенный законом прямой запрет для юридических клиник заниматься делами уголовно-правовой сферы явно вреден. Положение о том, что человек, подвергшийся уголовному преследованию, имеет право на квалифицированную юридическую помощь, которая может оказываться исключительно дипломированным специалистом, не нарушается деятельностью клиник. Кроме того, сегодня некоторые общественные отношения не могут в полной мере быть урегулированы нормами одной отрасли права. Например, факт злостного уклонения от уплаты алиментов находится на стыке семейного и уголовного права, факт необоснованного отказа в приеме на работу – на стыке трудового и уголовного права, мошеннические схемы кредитных учреждений, страховых организаций и других участников финансового рынка – на стыке гражданского и уголовного права. Вследствие чего представляется необходимым и возможным разрешить юридическим клиникам оказывать бесплатную юридическую помощь по вопросам в уголовно-правовой сфере.

8. Недобросовестная конкуренция. Тенденцией современного общества является переход любой общественно-полезной деятельности в форму услуг, будь то образование, здравоохранение или право. А для сферы услуг характерны законы рынка, спроса и предложения, конкуренции, в том числе недобросовестной конкуренции. Юридические клиники, являясь участником системы бесплатной юридической помощи, вынуждены конкурировать с органами власти, адвокатами, нотариусами и другими участниками данной системы. Безусловно граждане в большей степени доверяют профессиональным участникам, и эта конкуренция идет на пользу бенефициарам бесплатной юридической помощи. Но современный рынок юридических услуг наводнен недобросовестными юридическими фирмами, которые под видом бесплатного консультирования граждан навязывают им дорогостоящие, а подчас и ненужные юридические услуги, в том числе оформляя кредиты и займы для оплаты за оказанные услуги. Как следствие, гражданам, несведущим в вопросах оказания бесплатной юридической помощи, случаях ее предоставления и категориях граждан, имеющих право на ее получение, тяжело определить недобросовестных участников. Вследствие чего представляется необходимым на законодательном уровне запретить использование словосочетания

«бесплатная юридическая помощь» для юридических фирм в рекламных целях своей деятельности.

Таким образом, деятельность юридических клиник осуществляется в условиях своего двойного назначения: как успешной образовательной технологии, востребованной студентами и юридическим сообществом, и как социально-ориентированной юридической практики, связанной с правовым консультированием нуждающихся. Проблемы, с которыми сталкиваются современные юридические клиники, лежат и в сфере организации образовательного процесса, и в сфере низкого уровня социальной защищенности населения, его правовой безграмотности. Вместе с тем клиническое образование в России должно стать одним из элементов формирования гражданского общества и способом формирования необходимых профессиональных компетенций будущих юристов.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 28.06.2022 г.) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.
2. Алешукина С.А. К вопросу об оказании бесплатной юридической помощи юридическими клиниками (на примере юридической клиники юридического факультета Тверского государственного университета) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 200–208.
3. Атагимова Э.И. Роль юридических клиник в системе оказания бесплатной юридической помощи Российской Федерации: история и современность // Мониторинг правоприменения. 2021. № 3 (40). С. 11–17.
4. Бардин Л.Н. Правовые основы поддержки негосударственной системы бесплатной юридической помощи // Юрист. 2014. № 9. С. 25–28.
5. Владимирова О.А. Формы работы юридических клиник в образовательных учреждениях ФСИН (на примере юридической клиники Самарского юридического института ФСИН России) // Профессиональное юридическое образование и наука. 2022. № 4(8). С. 17–19.
6. Дадаян Е.В. Юридическая клиника вуза как институт повышения качества юридического образования // Проблемы современной аграрной науки: материалы международной заочной научной конференции, Красноярск, 15 октября 2014 года / отв. за выпуск: Г.И. Цугленок, Ж.Н. Шмелева. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2015. С. 255–258.
7. Колотыгина Н.Б. Юридическая клиника как составная часть высшего юридического образования // Актуальные проблемы модернизации высшей школы: Материалы Международной научно-методической конференции, Новосибирск, 06–07 февраля 2014 года / Сибирский государственный университет путей сообщения, НТИ – филиал МГУДТ. Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2014. С. 344–347
8. Лысенко Е.С. О роли юридических клиник в системе бесплатной юридической помощи (на примере юридической клиники УЮИ МВД России)

// Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2013. № 3 (61). С. 56–59.

9. Поляков Д.Н. Юридическая клиника как составляющая образовательной программы Омской юридической академии // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Омск, 28 апреля 2017 года. Омск: Омская юридическая академия, 2018. С. 39–45

Об авторе:

АЛЕШУКИНА Светлана Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-8518-7294, SPIN-код: 1998-4330, e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru

LEGAL CLINIC: PROBLEMS AND CHALLENGES OF THE XXI CENTURY

S.A. Aleshukina

Tver State University, Tver

The article is devoted to the organization and activities of the legal clinic as a participant in the non-state system of providing free legal assistance. Legal clinics that emerged at the turn of the century have firmly entered the practice of the educational process of higher educational institutions of a legal profile long before their legal regulation at the level of a legislative act. Taking into account current trends in strengthening control and monitoring of the activities of legal clinics by the Ministry of Justice of the Russian Federation and its territorial bodies, the article provides a critical analysis of recent changes in the legislation on free legal aid. The article highlights the main problems faced by legal clinics at the stage of formation and current activities, including the low interest of representatives of the teaching staff, the artificial limitation of the contingent of students involved in advising citizens, as well as the consequences of the digitalization of society. At the same time, it is concluded that there is a need for a wider introduction of clinical education as the most successful technology for the formation of students' practical skills.

Keywords: *legal clinic, professional skills, free legal aid, clinical education.*

About author:

ALESHUKINA Svetlana – PhD in Law, assistant professor of the department of judiciary and law enforcement of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), ORCID: 0000-0002-8518-7294, SPIN-code: 1998-4330, e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru

Алешукина С.А. Юридическая клиника: проблемы и вызовы XXI века // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 104–112.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023 г.

Подписана в печать 27.11.2023 г.

ПРИМЕНЕНИЕ В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ ЧАСТИЧНОЙ РЕСТИТУЦИИ ПО СДЕЛКАМ С НЕРАВНОЦЕННЫМ ВСТРЕЧНЫМ ИСПОЛНЕНИЕМ: ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ

Ф.Ф. Жуков¹, С.П. Козлов²

¹ ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

² Московская коллегия адвокатов «Яковлев и партнеры», г. Тверь

Актуальность темы исследования связана с тем, что при продолжающемся росте количества оспариваемых сделок в делах о банкротстве, на законодательном уровне не урегулирован вопрос о применении частичной реституции по сделкам с неравноценным встречным исполнением. Объект исследования: соблюдение баланса интересов кредитора, должника и иных его кредиторов при возврате реститулируемого имущества. Цель исследования – найти указанный баланс. Цель исследования предопределяет следующие задачи: проанализировать положения законодательства, абстрактные разъяснения высших судов и правоприменительную практику. Методы, использованные авторами: диалектический, анализа, синтеза, сравнения судебной практики. По результатам исследования сделан вывод о наличии в законе и судебной практике дисбаланса между правами и законными интересами должника и его контрагента в условиях применения частичной реституции по сделке с неравноценным встречным исполнением.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), оспаривание сделок, частичная реституция, конкурсная масса.

По статистике за 2022 г. доля удовлетворенных требований кредиторов всех очередей составляет лишь 6,8 % от всех требований, включенных в реестр требований кредиторов (далее – РТК). Аналогичный процент составляет доля удовлетворенных требований отдельно для кредиторов третьей и четвертой очередей по текущим платежам [14].

Приведенные данные показывают, что кредиторы получают от должника незначительную часть того, на что они вправе рассчитывать. Это позволяет нам констатировать, что установленный законодателем механизм наполнения конкурсной массы недостаточно эффективен и неспособен обеспечить реализацию прав кредиторов, особенно «дальних» очередей.

Указанная ситуация заставляет обратить взор на иные способы пополнения конкурсной массы: оспаривание сделок, привлечение контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности.

Авторы настоящей статьи не могли остаться в стороне от указанной проблемы и предлагают на обсуждение вопрос о применении частичной реституции по сделкам с неравноценным встречным исполнением, признанным недействительными в рамках дел о банкротстве, что может в свою очередь улучшить статистику удовлетворенных требований кредиторов.

В деле о банкротстве сделки должника могут быть признаны недействительными по общим основаниям § 2 гл. 9 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а также по специальным основаниям, указанным в Федеральном законе от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) [1, 2]. В качестве специального основания недействительности п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве определяет ситуацию, когда одна из сторон получает по сделке неравноценное встречное исполнение.

Для подобного рода сделок Законом о банкротстве предусмотрены следующие последствия недействительности: все, что было передано должником по сделке, подлежит возврату в конкурсную массу. В случае невозможности возврата имущества в натуре приобретатель возмещает стоимость данного имущества (ст. 61.6 Закона о банкротстве).

Однако судебная практика применения положений ст. 61.6 Закона о банкротстве неоднозначна и придерживается двух подходов.

В первом случае, прямо следуя букве закона, суды применяют последствия недействительности в виде полной реституции по недействительной сделке [9, 10]. Существенных затруднений применение полной реституции у правоприменителей не вызывает.

Во втором случае суды используют механизм реституции частично. Например, в рамках обособленного спора о признании недействительным договора аренды нежилых помещений, судами установлено, что арендные платежи для должника были выше рыночных на 30 %, в связи с чем договор аренды признан недействительным, а в качестве последствий недействительности арендодателя обязали вернуть в конкурсную массу должника денежную сумму, составляющую разницу между начисленными арендными платежами и действительной стоимостью аренды имущества [11].

По спору о признании недействительным договора купли-продажи доли в уставном капитале суды, признавая сделку недействительной, также взыскали с приобретателя разницу между договорной и действительной стоимостью доли, установленной в ходе рыночной оценки [12].

По делам о признании недействительным соглашения об уплате алиментов в рамках дел о банкротстве Верховный Суд Российской Федерации указал, что если сумма алиментов явно превышает разумно достаточные потребности ребенка в материальном содержании, то соглашение может быть признано недействительным в части такого

превышения, но в любом случае с сохранением в силе соглашения в той сумме, которая была бы взыскана при установлении алиментов в судебном порядке [7].

С учетом приведенных примеров из судебной практики, можно сформулировать следующие проблемные вопросы, на которые должны ответить доктрина и законодатель:

1. Всегда ли подлежит взысканию только разница между действительной стоимостью некоего блага и стоимостью его отчуждения?

2. Что делать контрагенту должника, если вернуть имущество в натуре в конкурсную массу невозможно?

3. Как установить размер компенсации в таком случае?

4. Какие нормы права подлежат применению?

5. Можно ли между недействительностью части сделки и недействительностью части договора поставить знак равенства?

Указанные вопросы поднимались в юридической науке и ранее, однако в настоящее время не нашли своего отражения ни в законе, ни в постановлениях высших судебных инстанций [3, 4].

Актуальная редакция ст. 61.6 Закона о банкротстве говорит о том, что приобретатель по сделке с неравноценным встречным исполнением, вернув полученное по сделке в конкурсную массу должника, получает право требования к должнику как кредитор третьей очереди.

Иными словами, в случае применения полной реституции приобретатель по недействительной сделке, лишившись полученного от должника имущества и передав его в конкурсную массу, может рассчитывать на получение незначительной части от того, что им передано должнику, или вообще ничего не получить.

Еще больше ситуация усложняется для контрагента тогда, когда вернуть имущество в натуре в конкурсную массу невозможно и с него взыскивается его действительная стоимость. Например, в ситуации, когда кредитор по недействительной сделке приобрел у должника актив на 50 % ниже его рыночной стоимости и впоследствии осуществил его отчуждение третьему лицу, то по логике ст. 61.6 Закона о банкротстве такой кредитор должен возратить в конкурсную массу должника все 100 % от стоимости актива, хотя ранее им уже оплачена должнику половина от действительной стоимости.

Представляется, что данный подход не соответствует критериям разумности и справедливости и вносит существенный дисбаланс в отношения должника и кредитора.

Как отмечено выше, преодолевая обозначенную проблему, суды в ряде случаев применяют частичную реституцию путем взыскания с приобретателя разницы между договорной и действительной стоимостью имущества (права).

Нормативно-правовое обоснование применения частичной реституции судами, как правило, не приводится, но есть и исключения.

В деле № А75-17807/2018 Арбитражный суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, признавая недействительным трудовой договор в части установления размера должностного оклада, сослался на ст. 180 ГК РФ [13]. Законность принятого решения подтверждена Верховным Судом тоже со ссылкой на ст. 180 ГК РФ [8]. Во избежание полемики о правовой природе трудового договора и применении к нему субсидиарно норм ГК мы, приводя данный кейс в качестве примера, исходим из сложившейся в судебной практике господствующей идеи о том, что трудовой договор в контексте банкротного судопроизводства является такой же частно-правовой сделкой, что и, например, договор поставки или подряда, и, соответственно, требуют одинакового инструментария для оспаривания указанных сделок и применения последствий их недействительности.

Между тем в соответствии со ст. 180 ГК РФ недействительность части сделки не влечет недействительности прочих ее частей, если можно предположить, что сделка была бы совершена и без включения недействительной ее части.

В этой связи возникает вопрос: является ли отдельное условие договора (о цене вещи, размере заработной или арендной платы и т. п.) частью сделки или часть сделки является совокупностью нескольких соглашений (договоров).

Напомним, что если под сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (ст. 153 ГК РФ), то договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей (ст. 420 ГК РФ).

Очевидно, что действие не тождественно соглашению, и первое по своему понятию шире, чем второе.

Значит, недействительность части сделки – это недействительность соглашения (договора в целом) либо действий сторон, но не отдельных условий договора, поскольку в таком случае сторонам будет навязан договор с иными, с высокой долей вероятности невыгодными, условиями, что нельзя признать правильным.

Указанный вывод согласуется с подходом, изложенным в п. 100 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно которому, признавая сделку недействительной в части, суд в решении приводит мотивы, исходя из которых им был сделан вывод о том, что сделка была бы совершена сторонами и без включения ее недействительной части. При этом в силу п. 1 и 4 ст. 421 ГК РФ признание судом

недействительной части сделки не должно привести к тому, что сторонам будет навязан договор, который они не намеревались заключать. Например, если судом будет установлено, что стороны не намеревались заключить обычный договор аренды, в случае противоречия закону условий о выкупе арендованного имущества в договоре аренды с выкупом недействительным признается весь договор в целом [6].

Продолжая эту логику, можно довольно уверенно высказать суждение о том, что использование судами положений ст. 180 ГК РФ при применении частичной реституции по недействительной сделке является некорректным.

Стоит обратить внимание на абз. 5 п. 29.5 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”, согласно которому, если недействительная сделка была исполнена обеими сторонами, то в случае, когда должник обязан в порядке реституции уплатить контрагенту деньги, а контрагент – вернуть должнику вещь, необходимо иметь в виду, что в связи со встречным характером обязательств сторон (ст. 328 ГК РФ) в таком случае применяются правила ст. 359 ГК РФ об удержании, а потому на основании ст. 360 ГК РФ требование контрагента включается в реестр как обеспеченное залогом и удовлетворяется в порядке ст. 138 Закона о банкротстве [5].

Однако данное правило применимо по сделкам, признанным недействительными по общим основаниям, а не в силу п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

Иные правовые механизмы применения частичной реституции законом не предусмотрены.

Так, с учетом складывающейся судебной практики по применению механизма частичной реституции, представляется, что действующее правовое регулирование нуждается в изменении в целях учета интересов всех участников правоотношений: детей в части уплаты должником алиментов на их содержание; работников – в части заработной платы; контрагентов, исполнивших перед должником обязанность по оплате цены договора, пусть и не на рыночных условиях.

С учетом указанного выше и основываясь на нашем опыте участия в делах о банкротстве, мы предлагаем на обсуждение следующую концепцию.

Необходимо законодательно закрепить следующие последствия недействительности сделок, признанных таковыми в процедуре банкротства вне зависимости от специальных или общих оснований:

1. Если должник обязан в порядке реституции уплатить контрагенту деньги, а контрагент вернуть должнику вещь, то требование контрагента включается в реестр как обеспеченное залогом и удовлетворяется в порядке ст. 138 Закона о банкротстве. При этом можно установить для

такого кредитора пониженный процент, который он получит от продажи имущества, по сравнению с ординарными случаями реализации заложенного имущества.

2. Если вещь выбыла из владения контрагента, то контрагент обязан возместить должнику разницу между действительной стоимостью вещи и тем, что было уплачено по недействительной сделке.

3. Если должник обязан в порядке реституции вернуть контрагенту вещь, а контрагент уплатить должнику деньги, то должник не передает контрагенту вещь до того, как контрагент заплатит должнику денежную сумму, а если выплата не будет произведена в срок, определенный судом, рассматривающим дело о банкротстве, должник вправе реализовать указанную вещь по правилам реализации предмета залога, и вырученные от реализации этой вещи денежные средства за вычетом причитающейся должнику суммы перечисляются полностью контрагенту. При этом, если контрагент не заинтересован в возврате вещи, то он вправе заплатить должнику разницу между действительной стоимостью вещи и тем, что им получено от должника. Если вещь выбыла из владения должника, то контрагент в любом случае обязан возместить должнику разницу между действительной стоимостью вещи и тем, что им получено от должника.

4. Если должником по недействительной сделке получено от контрагента право (право аренды, право пользования результатом интеллектуальной деятельности и т. п.) по цене значительно выше рыночной, то контрагент обязан возместить должнику разницу между действительной стоимостью права и тем, что им получено от должника.

5. Если контрагентом по недействительной сделке получено от должника право (право аренды, право пользования результатом интеллектуальной деятельности и т. п.) по цене значительно ниже рыночной, то контрагент обязан заплатить должнику разницу между действительной стоимостью права и тем, что им получено от должника.

6. По сделкам, предусматривающим уплату должником алиментов, заработной платы, оплату выполненных работ или услуг, вторая сторона сделки обязана вернуть должнику сумму, превышающую разумный для конкретной ситуации размер алиментов, заработной платы, рыночной стоимости работ или услуг.

Законодательное закрепление указанных последствий недействительности сделок с неравноценным встречным исполнением позволит легализовать механизм частичной реституции, де-факто применяемый в судебной практике. Предлагаемые нововведения позволят устранить выявленный дисбаланс между правами и законными интересами должника и его контрагента в условиях применения частичной реституции по сделке с неравноценным встречным исполнением.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // РГ. 1994. № 238-239.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 04.08.2023 г.) «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
3. Егоров А.В. Реституция по недействительным сделкам при банкротстве // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2010. № 12. С. 10– 27.
4. Чернов Г.А. Частичная недействительность сделок должника как российская альтернатива обязательственному оспариванию // Арбитражные споры. 2022. № 2. С. 190–196.
5. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 г. № 63 (ред. от 30.07.2013 г.) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)"» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.10.2017 г. № 310-ЭС17-9405(1,2) по делу № А09-2730/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от № 304-ЭС22-15654 от 16.09.2022 г. по делу № А75-17807/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.03.2021 г. по делу № А41-79022/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.11.2021 г. по делу № А40-80043/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.05.2023 г. по делу № А41-85602/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.10.2021 г. по делу № А56-121221/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 13.12.2021 г. по делу № А75-17807/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Банкротства в России: итоги 2022 года. Статистический релиз Федресурса [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/d569ceb1-1f1a-44dd-bec2-e11c8eb5ddac?attempt=1> (дата обращения: 25.09.2023).

Об авторах.

ЖУКОВ Федор Федорович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), адвокат, SPIN-код: 6959-2925, e-mail: Zhukov.FF@tversu.ru.

КОЗЛОВ Станислав Павлович – юрист Тверского филиала Московской коллегии адвокатов «Яковлев и партнеры» (101000, г. Москва, Большой

**APPLICATION OF PARTIAL RESTITUTION IN BANKRUPTCY
CASES FOR TRANSACTIONS WITH UNEQUAL COUNTER-
EXECUTION: PROBLEMS ARISING IN LAW ENFORCEMENT**

F.F. Zhukov¹, S.P. Kozlov²

¹ Tver State University, Tver

² Moscow Bar Association «Yakovlev and Partners», Tver

The relevance of the research topic is related to the fact that with the continuing increase in the number of disputed transactions in bankruptcy cases, the issue of applying partial restitution for transactions with unequal counter-execution has not been settled at the legislative level. The object of the study: maintaining a balance of interests of the creditor, the debtor and his other creditors when returning the restorative property. The purpose of the study is to find this balance. The purpose of the study determines the following tasks: to analyze the provisions of legislation, abstract explanations of higher courts and law enforcement practice. Methods used by the authors: dialectical, analysis, synthesis, comparison of judicial practice. According to the results of the study, it was concluded that there is an imbalance in the law and judicial practice between the rights and legitimate interests of the debtor and his counterparty in the conditions of partial restitution in a transaction with unequal counter-execution.

Keywords: *insolvency (bankruptcy), contesting transactions, partial restitution, bankruptcy estate.*

About authors:

ZHUKOV Fedor – PhD in Law, assistant professor at the department of civil law at Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), attorney, SPIN-code: 6959-2925, e-mail: Zhukov.FF@tversu.ru

KOZLOV Stanislav – lawyer of the Tver branch of the Moscow Bar Association «Yakovlev and Partners» (101000, Moscow, Bolshoy Kazenny lane, 2), e-mail: s.kozlov@matec.ru

Жуков Ф.Ф., Козлов С.П. Применение в делах о банкротстве частичной реституции по сделкам с неравноценным встречным исполнением: проблемы, возникающие в правоприменении // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 113–120.

Статья поступила в редакцию 18.10.2023 г.

Подписана в печать 27.11.2023 г.

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ
В РАМКАХ КОНТРОЛЯ ЗА ОСУЖДЕННЫМИ,
ОСВОБОЖДЕННЫМИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНО
ОТ ОСТАВШЕЙСЯ НЕОТБЫТОЙ
ЧАСТИ НАКАЗАНИЯ**

Е.В. Иванова

ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ФСИН России», г. Псков

Рассматриваются проблемные вопросы, возникающие при исполнении условно-досрочного освобождения сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций. Автором представлены некоторые предложения по улучшению данного направления деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Одним из используемых методов исследования является сравнительный, на его основе показаны различные подходы к определению условно-досрочного освобождения. В связи с тем, что информация в должном объеме отсутствует, автором приведены некоторые положения, которых следует придерживаться при контроле за данной категорией учета. На основе практических ситуаций приведены примеры реализации предложений по совершенствованию деятельности сотрудников уголовно-исполнительной инспекции, которые возможно использовать в практической деятельности.

Ключевые слова: *условно-досрочное освобождение, осужденный, контролирующий орган, служба судебных приставов, суд.*

В 2021 г. сотрудникам уголовно-исполнительных инспекций переданы полномочия по исполнению постановлений (определений) суда в отношении осужденных, освободившихся условно-досрочно от оставшейся неотбытой части наказания. Материалы личных дел осужденных были переданы из органов внутренних дел России в уголовно-исполнительные инспекции по актам передачи личных дел, зарегистрированы в соответствующем журнале учета, внесены в Государственную информационную систему «Программный комплекс "Автоматизированная картотека учета спецконтингента УИИ"» (ГИС ПК «АКУС УИИ»), приняты к исполнению.

Осужденные проверены по месту жительства, вызваны в уголовно-исполнительную инспекцию, где им повторно был разъяснен порядок и условия отбывания наказания, составлена анкета, отобрана подписка, вручена памятка, заведен регистрационный лист, выданы направления в соответствующие службы для исполнения обязанностей: трудоустроиться; обратиться к врачу-наркологу и при необходимости пройти курс лечения от алкоголизма; возместить вред, причиненный

преступлением (в центр занятости населения, к врачу-наркологу по месту жительства, в органы судебных приставов).

Лицам, на которых по постановлению суда не была возложена обязанность являться на регистрацию, установлена явка по вызову, направлены представления в суд для решения вопроса о разъяснении сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора суда в порядке ст. 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

В отношении осужденных, обязанных возместить вред, причиненный преступлением по приговору суда, на которых постановлением суда об условно-досрочном освобождении данная обязанность не возложена, контроль со стороны уголовно-исполнительной инспекции за возмещением вреда, причиненного преступлением, производился только в рамках профилактической работы с осужденным.

Аналогичная проблема на практике возникла и с обязанностью являться на регистрацию, т. к. с юридической точки зрения данная обязанность подлежит контролю в рамках исполнения постановления (определения) суда в случае, если она возложена судом на осужденного и прописана в постановлении об условно-досрочном освобождении.

В результате возник ряд вопросов, связанных с контролем за данной категорией осужденных, обоснованием позиции уголовно-исполнительной инспекции в суде и с предпринимаемыми ею мерами, в том числе в рамках профилактики повторной преступности среди осужденных.

К примеру, если осужденный не явился на регистрацию, сотрудник обязан в отношении него вынести предупреждение об отмене условно-досрочного освобождения, а при повторном нарушении – направить материал в суд для решения вопроса об отмене условно-досрочного освобождения. В свою очередь, если осужденный не явился по вызову, сотрудник вправе только взять от него объяснение и провести необходимую профилактическую и воспитательную работу, подвергнуть его приводу.

В случае злостного уклонения осужденного от исполнения обязанностей, возложенных по постановлению (определению) суда, а также совершения правонарушения, посягающего на общественный порядок, за которое на него было наложено административное взыскание, в отношении указанного осуждённого выносится предупреждение об отмене условно-досрочного освобождения, в суд по месту жительства направляется представление об отмене условно-досрочного освобождения.

Как указывает М.Э. Радченко, «в практической деятельности сотрудник уголовно-исполнительной инспекции зачастую сталкивается с проблемами при направлении материала в суд, к примеру, в рамках

исполнения обязанности по возмещению вреда, причиненного преступлением» [7, с. 143]. В особенности, если осужденный не обращается в органы судебных приставов, в т. ч. по направлению, выданному уголовно-исполнительной инспекцией.

В соответствии с требованием суда, для того чтобы направляемый материал соответствовал требованиям законности и обоснованности в отношении осужденных, имеющих обязанность возместить вред, причиненный преступлением, необходимо запрашивать сведения из суда, которым был вынесен приговор, о дате и месте направления исполнительного листа в отношении конкретного осужденного. В связи с этим было бы целесообразно проработать вопрос о направлении судами копии исполнительного листа в адрес контролирующего органа вместе с приговором суда и распоряжением о его исполнении.

Однако следует учитывать и тот факт, что зачастую материал об условно-досрочном освобождении от оставшейся неотбытой части наказания направляют исправительные учреждения. При этом страдает качество направленного материала. Поэтому сотрудникам уголовно-исполнительной инспекции приходится запрашивать копию приговора суда, распоряжения о его исполнении, а иногда и постановление суда, заверенные подписью и печатью самостоятельно.

При исполнении постановлений (определений) суда необходимо дополнительно проводить сверку осужденных с органами судебных приставов по данной категории учета, производить мониторинг сведений об исполнительных производствах лиц путем заполнения форм на сайте данных органов в разделе «Банк исполнительных производств», активизировать работу самих приставов-исполнителей в данном направлении в форме проведения бесед, мероприятий, а также посещений по месту работы и жительства.

В рамках возмещения вреда, причиненного преступлением, сотрудники уголовно-исполнительной инспекции имеют возможность входить на сайт органов судебных приставов посредством интернет-ресурса в раздел «Банк исполнительных производств», распечатывать квитанции, вручать их осужденным под роспись для исполнения, брать у них объяснения о сроках исполнения платежей.

Органам судебных приставов, в свою очередь, необходимо обеспечивать корректное и своевременное внесение данных в картотеку, указывать прямой телефон пристава-исполнителя для обратной связи и стабильного контроля за возмещением вреда, причиненного преступлением, взаимодействовать внутри службы с региональными подразделениями в рамках обмена информацией и передачи исполнительного производства.

В связи с отсутствием у осужденных специальных знаний законодательства, а также своих прав и обязанностей в рамках возмещения вреда, причиненного преступлением, необходимо

разработать соответствующую памятку, которую следует вручать при разъяснении порядка, а также проверять соответствие между внесенными в счет возмещения ущерба суммами и сведениями, предоставляемыми службой судебных приставов.

Безусловно, важную роль в деятельности уголовно-исполнительной инспекции играет ГИС ПК «АКУС УИИ». Наполняемость данной базы многочисленными сведениями позволяет своевременно оперировать необходимой информацией, формировать списки, осуществлять контроль за исполнением осужденными обязанностей посредством формирования соответствующих запросов.

Первое время сведения об условно-досрочном освобождении вносились в базу не посредством заполнения вкладки «Приговор», а через вкладку «Мера пресечения», что на практике создает неудобство в ходе внесения данных при постановке лиц на учет и непосредственно при регистрации. Данный подход не обеспечивал заполнение таких необходимых вкладок, как «Посещения», «Явки на регистрацию», «Беседы», «Нарушения», «Обязанности». Кроме того, при внесении данных через вкладку «Мера пресечения» сведения о судимости не отображались при формировании списков, ежеквартально направляемых по службам. В настоящее время данная проблема решена.

Необходимо также указать на отсутствие учетной карточки и необходимости ее наличия по всем видам учетов, что обеспечит контроль за исполнением обязанностей, среди которых обязанность являться на регистрацию, создаст возможность иметь под рукой минимальный набор необходимых данных об осужденном, позволит выстроить должный контроль в отношении подучетного лица, сведет к минимуму проблемы с предоставлением и восстановлением архивных сведений в случае такой необходимости. Кроме того, учетные карточки удобно брать на различные мероприятия, где требуется краткая характеристика осужденного: на комиссии по профилактике совершения преступлений и повторных правонарушений и на судебное заседание.

Как правило, категорию учета осужденных, освободившихся условно-досрочно, образуют лица, осужденные по ст. 105, 111 Уголовного кодекса РФ, с наказанием до 9 лет лишения свободы. Зачастую преступление совершается в состоянии алкогольного опьянения в отношении близких людей (сожителей, родственников, соседей). В основном это лица мужского пола средних лет, не имеющие основного места работы либо осуществляющие трудовую деятельность без оформления трудовых отношений.

По своей психологии осужденные, которые освобождены из мест лишения свободы (ИК общего, строгого, особого режима), закрыты, их буквально приходится «вытягивать» на контакт. Они немногословны, в основном исполнительны, стараются не привлекать к себе лишнего внимания, подозрительны, эмоции у них подавлены. По мнению автора,

данная категория осужденных требует усиленной работы, в том числе психологической. В связи с данными обстоятельствами психологам уголовно-исполнительных инспекций совместно с психологами исправительных учреждений необходимо провести анализ данной категории подучетных лиц, составить методические рекомендации по выстраиванию работы с данными осужденными, в том числе работы коррекционного характера и «профилактики совершения повторных преступлений», исследованием которой также занимается М.Э. Радченко [6, с. 114].

Данная категория лиц остро реагирует на внешние изменения в обстановке: смену инспектора, изменение порядка в работе, вызов для участия в мероприятиях. На мой взгляд, было бы эффективно в рамках повышения квалификации сотрудников уголовно-исполнительной системы организовать обучение психоанализу и психотерапии для оказания адресной помощи осужденным и их семьям на местах.

Сотрудникам уголовно-исполнительной инспекции необходимо продолжать постоянно контролировать осужденных по месту жительства и работы, проводить профилактику употребления алкогольных напитков, привлекать их для участия в мероприятиях в целях адаптации, способствовать оформлению трудовых и семейных отношений, взаимодействовать с осужденными в рамках восстановления документов, консультировать граждан в решении бытовых вопросов.

Следует индивидуально строить работу с каждым осужденным, ставить позитивные установки, переключать осужденных с негативного узкого мышления на позитивное и широкое. Помогать им в поиске себя и своего места в жизни. Способствовать им в принятии себя и сложной жизненной ситуации, которая с ними произошла. Искать способы освобождения от накопившейся негативной и агрессивной внутренней энергии. Необходимо чутко и внимательно относиться к проблемам, которые беспокоят подопечного в данный период времени, постоянно находиться на связи с ним и его окружением.

Безусловно, условно-досрочное освобождение мало регламентировано, однако при построении работы должным образом, с учетом индивидуальных особенностей как осужденных, так и решений судов в отношении конкретных лиц возможно добиться некоторых результатов и заложить основы в сведения, имеющие практическое значение для сотрудников уголовно-исполнительной инспекции.

Стоит отметить, что участковые уполномоченные полиции также не должны оставаться в стороне и взаимодействовать с уголовно-исполнительными инспекциями. В числе прочего данное взаимодействие проявляется в выявлении случаев привлечения осужденных к административной ответственности, направлении ходатайств, розыске осужденных, установлении административного надзора, а также установлении административного надзора формально в отношении лиц,

отбывающих назначенное наказание либо снятых с учета уголовно-исполнительной инспекции в установленном законом порядке.

Кроме того, эффективной формой контроля остается индивидуальная и совместная проверка осужденных по месту проживания, информирование служб путем направления сообщений о постановке на учет и снятии с учета осужденных, ежеквартальное направление списков подучетных лиц, в том числе для проверки на предмет привлечения к уголовной и административной ответственности.

Хотелось бы отметить, что проверка данной категории лиц должна осуществляться хотя бы двумя сотрудниками в связи с характером преступных деяний и личности осужденных, в том числе для обеспечения безопасности сотрудников уголовно-исполнительной инспекции.

Условно-досрочное освобождение не предусматривает каких-либо изменений в решении суда в связи с нарушением осужденным порядка и условий отбывания наказания, представление вносится сразу на отмену условно-досрочного освобождения и исполнения наказания, назначенного по приговору суда, а равно направление осужденного в то режимное учреждение, из которого он был освобожден.

В отношении некоторых осужденных возложена обязанность являться на регистрацию в отделение внутренних дел, в связи с чем необходимо направлять представление в суд по основаниям, указанным в ст. 397 УПК РФ для решения вопроса о разьяснении сомнений и неясностей, связанных с исполнением решения суда.

Необходимо сказать про основное направление деятельности уголовно-исполнительных инспекций, а именно – проведение первоначальных розыскных мероприятий в отношении осужденных. Важно уточнить сведения о том, содержится ли осужденный в исправительном учреждении посредством получения информации в отделе специального учета территориального органа Федеральной службы исполнения наказаний в начале и по окончании первоначальных розыскных мероприятий.

В случае отмены условно-досрочного освобождения по представлению уголовно-исполнительной инспекции на основании результатов первоначальных розыскных мероприятий, предоставленных суду для исследования, при поступлении в уголовно-исполнительную инспекцию постановления суда необходимо направить его копию вместе с результатами первоначальных розыскных мероприятий в отдел розыска территориального органа Федеральной службы исполнения наказаний для обеспечения розыска осужденного и его своевременного направления в исправительное учреждение в рамках исполнения постановления суда.

Следует отметить, что самое важное в личном деле после документов, подтверждающих разьяснение порядка, качественно

заполненные анкетные данные, с указанием полного круга лиц (членов семьи, родителей, близких родственников, знакомых и друзей) с адресами и телефонами для связи.

Условно-досрочное освобождение способствует непродолжительному содержанию осужденных в режимных исправительных учреждениях закрытого типа, предоставляя некоторым осужденным шанс на адаптацию, т. к. уголовно-исполнительная инспекция представляет собой орган, осуществляющий контроль за осужденными к альтернативным видам наказания, не связанным с лишением свободы.

На взгляд автора, важно производить непрерывную работу с данной категорией осужденных на всем пути к исправлению, начиная от исправительного учреждения и заканчивая уголовно-исполнительной инспекцией.

С другой стороны, некоторые осужденные могут состоять на учете в уголовно-исполнительной инспекции, затем в связи с нарушением порядка и условий отбывания наказания попасть в места лишения свободы и в установленный законом срок, по решению суда снова встать на учет уголовно-исполнительной инспекции как условно-досрочно освобожденный от оставшейся неотбытой части наказания. Автор считает такую практику ошибочной, т. к. указанные осужденные имеют случаи злостного уклонения от отбывания наказания.

Очень важно, чтобы в самом исправительном учреждении осуществлялась реальная, а не формальная работа с осужденным по решению социальных вопросов, восстановлению документов, получению сначала начального, потом специального образования, ну и, конечно же, воспитательная и психологическая работа, т. к. находясь длительное время на одной территории рядом с осужденным, можно сделать больше работы и сделать ее качественно.

Возможно и проработать вопрос с центром занятости населения в рамках повышения квалификации осужденных и подготовки для них рабочих мест, на которых они будут трудиться после освобождения.

Список литературы

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 31.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ (ред. от 28.04.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Указ Президента РФ от 02.03.2021 г. № 119 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314» // СПС «Гарант».

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 г. № 51 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 года № 8 ”О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания” и от 20 декабря 2011 г. № 21 ”О практике применения судами законодательства об исполнении приговора”» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Радченко М.Э. Проблемные вопросы при исполнении наказания в виде занимать определённые должности и заниматься определённой деятельностью // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 112–116.

7. Радченко М.Э., Матвеев Д.Н. Исполнение наказаний и мер уголовно-правового характера уголовно-исполнительными инспекциями без изоляции от общества в современных условиях // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. № 4. С. 139–144.

Об авторе:

ИВАНОВА Екатерина Владимировна – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Псковского филиала ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний» (196602, г. С.-Петербург, г. Пушкин, ул. Саперная, д. 34, лит. А), SPIN-код: 2159-2807, e-mail: vinogradowa.katia2012@yandex.ru

**PROBLEMATIC ISSUES OF THE ACTIVITIES OF PENAL
ENFORCEMENT INSPECTIONS IN THE FRAMEWORK
OF MONITORING CONVICTS RELEASED
ON PAROLE FROM THE REMAINING PART
OF THE SENTENCE NOT SERVED**

E.V. Ivanova

Federal Penitentiary Service of Russia University, Pskov

This article discusses the problematic issues that arise during the execution of parole by the staff of penal enforcement inspections. The author presents some suggestions for improving this area of activity of criminal enforcement inspections. Due to the fact that there is no information in due volume, the author provides some provisions that should be followed when monitoring this category of accounting. On the example of practical situations, examples of the implementation of proposals to improve the activities of employees of the penal enforcement inspectorate are given.

Keywords: *parole, convicted person, supervisory authority, bailiff service, court.*

About author:

IVANOVA Ekaterina – Senior lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines of the St. Petersburg University of FPS of Russia, Pskov (196602, St. Petersburg, Pushkin, Sapernaya str., 34, lit. A), SPIN code: 2159-2807, SPIN code: 2159-2807, e-mail: vinogradowa.katia2012@yandex.ru

Иванова Е.В. Проблемные вопросы деятельности уголовно-исполнительных инспекций в рамках контроля за осужденными, освобожденными условно-досрочно от оставшейся неотбытой части наказания // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 121–129

Статья поступила в редакцию 04.09.2023 г.

Подписана в печать 27.11.2023 г.

К ПРОБЛЕМЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СОВЕРШЕНИЯ ПОВТОРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОСУЖДЕННЫМИ К ПРИНУДИТЕЛЬНЫМ РАБОТАМ

М.Э. Радченко

Университет ФСИН России, г. Псков

Рассматриваются проблемные вопросы, возникающие при исполнении уголовного наказания в виде принудительных работ. Автором представлены некоторые предложения по улучшению деятельности исправительных центров при исполнении изучаемого наказания. Также рассмотрены статистические данные увеличения количества исправительных центров на территории Российской Федерации по сравнению с 2017–2021 гг. Изученные проблемные аспекты функционирования исправительных центров показали, что существует множество пробелов в их работе. Поэтому в ходе изучения данной тематики были предложены следующие улучшения: расширить штат с учетом внесения необходимых для полноценного функционирования исправительного центра должностей (в том числе таких специалистов, как оперуполномоченный сотрудник и психолог); при рассмотрении материалов на смягчение наказания в виде принудительных работ тщательнее анализировать личность осужденного, по возможности привлекать к работе психологов, которые смогут выстроить психологический портрет осужденного.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, исправительные центры, принудительные работы, повторные преступления, осужденный.*

Сегодня уголовная политика России направлена на гуманизацию уголовных наказаний и ответственности за совершенные преступления. В результате чего стремительно набирают обороты принудительные работы, которые закреплены в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) и Федеральном законе от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1, 2]. Однако в силу различных обстоятельств принудительные работы стали назначаться и исполняться только с 2017 г.

Появление такой альтернативы лишению свободы, как принудительные работы, бесспорно, говорит о гуманистических идеях отечественного законодателя. Невозможно не согласиться с мнением Ф.В. Грушина и Э.В. Лядова, которые считают, «что применение уголовного наказания в виде принудительных работ ... позволит более гибко реализовать уголовно-исполнительную политику государства; предоставит лицам, преступившим закон, возможность не только

претерпевать негативные последствия от совершенного деяния, но и своим трудом принести пользу государству» [4, с. 5].

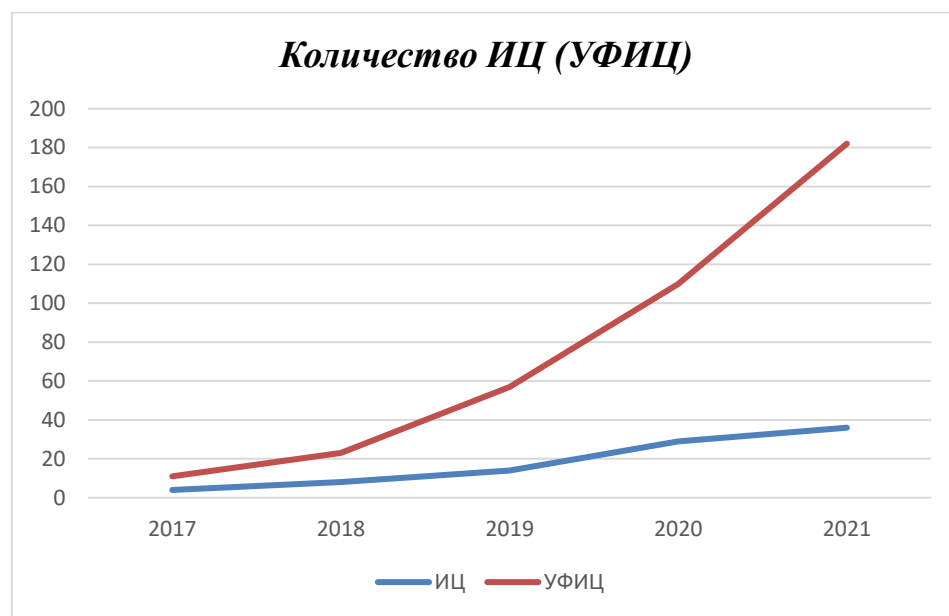
В 2022 г. продолжалась работа по организации исполнения наказания в виде принудительных работ, созданию и вводу в эксплуатацию новых и расширению действующих исправительных центров (далее – ИЦ) и их участков, изолированных участков исправительных учреждений, функционирующих как исправительные центры (далее – УФИЦ).

Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 г. № 1138-р, данная работа определена одним из основных направлений совершенствования и развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации [3].

Планом мероприятий по реализации положений Концепции предусмотрено создание мест для размещения осужденных к принудительным работам в зависимости от размера регионов (в том числе в Арктической зоне): в 2021 г. – до 15 тыс. мест, в 2024 г. – до 60 тыс. мест, в 2030 г. – в полном объеме.

Необходимость создания исправительных центров была вызвана целым рядом факторов. К числу таковых относятся: высокая степень криминализации осужденных и их среды; сосредоточение в исправительном центре наиболее социально неблагополучной, неприспособленной части населения; сложности трудовой адаптации осужденных в местах лишения свободы и адаптации после освобождения. Исходя из изложенного, вполне логично принятие решения об установлении нового вида наказаний для правонарушителей, причинивших вред средней тяжести как другим гражданам, так и государству.

Так, в 76 территориальных органах Федеральной службы исполнения наказаний России (далее – ФСИН России) за период с 2017 по 2021 гг. создано 36 ИЦ и 146 УФИЦ с общей возможностью размещения 15 282 человек. Данные приведены в диаграмме ниже.

Количество исправительных центров за 2017–2021 гг.

Итак, изучая диаграмму, можно сделать вывод о том, что за последние 5 лет число ИЦ и УФИЦ значительно выросло.

В связи с таким ростом численности осужденных к принудительным работам Президентом Российской Федерации В.В. Путиным была поддержана инициатива Минюста России по увеличению количества мест для размещения и трудоустройства спецконтингента к рассматриваемому виду наказания до 100 тыс. к концу 2024 г.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за I полугодие 2021 г. к принудительным работам приговорены 527 осужденных, за I полугодие 2022 г. 4 669 осужденных, что значительно больше в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года [6].

Однако вместе с увеличением количества исправительных центров и числа осужденных к принудительным работам возросло количество проблемных вопросов, возникающих при исполнении данного вида уголовного наказания.

Не стоит забывать, что основной целью уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации является предотвращение новых преступлений. Уровень рецидивной преступности высокий ввиду большого количества нарушений, допускаемых со стороны осужденных, в отношении которых неотбытая часть наказания заменена более мягким видом. Кроме этого, небольшая штатная численность сотрудников исправительного центра тоже влияет на рост рецидивной преступности.

Как отмечено выше, одной из важнейших проблем является повторное совершение преступлений лицами, уже состоящими на учете

в уголовно-исполнительной системе. Проведенный анализ показывает, что более 80 % повторных преступлений совершается осужденными к принудительным работам, недавно освобожденными из мест лишения свободы, в период разрешенного выхода за пределы ИЦ (УФИЦ) либо в период приезда из колонии в исправительный центр. Основными причинами совершения рецидивных преступлений являются: предрасположенность осужденных к противоправной деятельности, нежелание исправления ввиду укоренившихся антиобщественных взглядов и привычек, склонность к деструктивному поведению.

Так, например, осужденный А. после окончания рабочего времени открыто похитил сумку у гражданина Е. В отношении осужденного возбуждено уголовное дело за совершенное преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 161 УК РФ. В конкретном случае можно утверждать, что сотрудник исправительного центра выполнил свои служебные обязанности в части трудоустройства. Осужденный, в свою очередь, воспользовавшись правом отбывать наказание «на свободе», не оправдал доверия представителей власти [5].

В другом случае осужденный П., содержащийся в помещении для нарушителей, находился в состоянии наркотического опьянения. В дальнейшем в ходе обыска изъят шприц, наполненный наркотическим веществом. Можно сделать вывод, что осужденный уже допускал нарушения, вследствие чего был направлен в помещение для нарушителей, однако должных выводов не сделал. Напротив, продолжал нарушать закон и совершил повторное преступление [5].

Приведенные факты совершения общественно опасных деяний свидетельствуют о недостаточном контроле со стороны администрации учреждения. Стоит отметить, что кроме послаблений администрации исправительного центра негативное значение имеют и личностные качества осужденного. Речь идет о его отношении к отбыванию наказания: осужденного освободили из мест лишения свободы, поверили в его исправление, трудоустроили, но в конечном итоге после окончания рабочего времени он все равно совершает преступление.

Необходимо отметить, что численность сотрудников составляет 15 % от лимита наполняемости учреждения, т. е. на 300 осужденных предусмотрен штат сотрудников из 45 человек. На наш взгляд, этого недостаточно, поскольку из указанного количества с учетом больничных и отпусков (в том числе и декретных) фактически на рабочих местах остается гораздо меньше работников. Такое положение, безусловно, отражается на качестве процесса исполнения наказания, поскольку общее число задач, возложенных на коллектив, не уменьшается.

Кроме общей нехватки кадров имеет место серьезная проблема в отсутствии специалистов, занятых отдельными направлениями. Например, оперуполномоченный, который работал бы над вопросом выявления и предотвращения готовящихся преступлений. Так же

необходимо привлечь к работе психологов, которые могут не только качественно осуществить профилактическую работу по недопущению рецидивных преступлений с учетом психологических особенностей каждого осужденного, но и мотивировать, направить их на общественно полезный труд. Одновременно при постановке на учет для дальнейшего отбывания принудительных работ требуется выявить лиц, склонных к противоправным действиям. Однако в штате исправительных центров такие должности не предусмотрены.

Исходя из вышеизложенного, предлагаем внести несколько предложений в штатное расписание исправительного центра. Думается, что для улучшения функционирования исправительных центров нужно:

1. Расширить штат с учетом внесения необходимых для полноценного функционирования исправительного центра должностей, в том числе таких специалистов, как оперуполномоченный сотрудник и психолог.

2. При рассмотрении материалов на смягчение наказания в виде принудительных работ тщательнее анализировать личность осужденного, привлекать к работе психологов, которые смогут выстроить психологический портрет осужденного.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р (ред. от 27.05.2023 г.) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Лядов Э.В., Грушин Ф.В. Уголовное наказание в виде принудительных работ: правовое регулирование назначения и исполнения / под ред. Э.В. Лядова: учебное пособие. Рязань: ИП Коняхин А.В. (BookJet), 2021. 138 с.

5. Обзор «Об итогах деятельности исправительных центров в 2021 году» (исх-03-11934 от 26.02.2022 г.) // ФСИН России.

6. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 6 месяцев 2021 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/userimages/k4-svod_vse_sudy-1-2021, 2022.xls (дата обращения: 01.09.2023).

Об авторе:

РАДЧЕНКО Марине Эдуардовна – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, без изоляции осужденных от общества Псковского филиала Университета ФСИН России, капитан внутренней службы (Зональное ш., 28, Псков, 180014), SPIN-код: 9749-4078, AuthorID: 1117939, e-mail: marin.eduardovna@yandex.ru

ON THE PROBLEM OF PREVENTING REPEAT CONVICTED CRIMES TO FORCED WORK

M.E. Radchenko

University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pskov

The article discusses problematic issues that arise during the execution of criminal punishment in the form of forced labor. The author presents some proposals for improving the activities of correctional centers in the execution of the punishment under study. Statistical data on the increase in the number of correctional centers on the territory of the Russian Federation compared to 2017–2021 are also considered. The studied problematic aspects of the functioning of correctional centers showed that there are many gaps in their work. Therefore, during the study of this topic, the following improvements were proposed: expand the staff, taking into account the introduction of positions necessary for the full functioning of the correctional center (including such specialists as a security officer and a psychologist); when considering materials for mitigation of punishment in the form of forced labor, carefully analyze the personality of the convict, and, if possible, involve psychologists in the work who can build a psychological portrait of the convict.

Keywords: *penal enforcement system, correctional centers, forced labor, repeated crimes, convicted.*

About author:

RADCHENKO Marine – senior lecturer of the department of criminal law disciplines and organization of execution of punishments, without isolating convicts from society, Pskov branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia, captain of internal service (Zonalnoye sh., 28, Pskov, 180014), SPIN code: 9749-4078, AuthorID: 1117939, e-mail: marin.eduardovna@yandex.ru

Радченко М.Э. К проблеме предупреждения совершения повторных преступлений осужденными к принудительным работам // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 130–135.

Статья поступила в редакцию 04.09.2023 г.

Подписана в печать 27.11.2023 г.

СПОСОБЫ УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМ ДОМОМ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

С.В. Хохлов

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет "МЭИ"»,
г. Москва

Статья посвящена краткой характеристике способов управления многоквартирным домом, предусмотренных жилищным законодательством. Изложены преимущества и недостатки конкретных способов управления многоквартирным домом, таких как непосредственное управление собственниками помещений; управление товариществом собственников жилья либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом; управление управляющей организацией. Предложены организационные и правовые меры по решению имеющихся проблем в рассматриваемых вопросах.

Ключевые слова: многоквартирный дом, управление многоквартирным домом, непосредственное управление собственниками помещений, товарищество собственников жилья, управляющая организация, общее собрание собственников.

Норма, предусмотренная в ст. 40 Конституции Российской Федерации, предусматривает гарантию права каждого человека на жилище [1].

В Российской Федерации часть населения проживает в многоквартирных домах (далее – МКД). Количество таких граждан гораздо больше, нежели проживающих в индивидуальных жилых домах. Отношения в сфере управления многоквартирными домами, в том числе касательно их содержания, проведения текущего ремонта помещений и оборудования, имеют большое значение. Вопросы управления многоквартирными домами в рамках норм современного законодательства имеют прямое отношение к реализации конституционного права каждого на жилище.

Способ управления МКД чаще всего непосредственно влияет на качество его содержания, своевременность устранения возникающих проблем, неисправностей, повреждений, и в конечном итоге – на удовлетворенность проживающих в таком доме жильцов оказываемыми услугами, их качество жизни, состояние физического и психического здоровья (например, если речь идет о комфортной температуре воздуха в помещениях, уборке подъездов, поддержании функционирования общедомового сантехнического оборудования, благоустройстве прилегающей территории).

Граждане, проживающие в МКД, выбирают способ управления на общем собрании собственников помещений.

В ст. 161 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) изложены цели процесса управления МКД [2]. К ним относятся:

- обеспечение благоприятных и безопасных условий для проживания граждан;
- надлежащее содержание общего имущества, решение вопросов пользования им;
- оказание коммунальных услуг для жильцов;
- обеспечение готовности и работоспособности различных инженерных систем.

Вышеупомянутая статья определяет способы управления МКД:

- непосредственное управление собственниками помещений;
- управление товариществом собственников жилья (далее – ТСЖ) либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом;
- управление с помощью управляющей организации.

Вышеперечисленные способы, в зависимости от многих факторов и обстоятельств, имеют как преимущества, так и недостатки. Фактический выбор гражданами того или иного способа управления зависит от целого ряда аспектов. Это общее количество квартир в доме, год постройки, наличие/отсутствие инициативных жителей, наличие профессиональных и добросовестных управляющих организаций со штатом квалифицированных специалистов (слесарей, плотников, кровельщиков, электриков) и необходимой техники (тракторов, экскаваторов и иного специализированного транспорта).

Непосредственное управление – форма управления, при которой лица, выполняющие работы по содержанию и ремонту общего имущества в МКД, обеспечивающие холодное и горячее водоснабжение, электроснабжение и иные услуги, несут ответственность перед собственниками помещений в данном доме за выполнение своих обязательств в соответствии с заключенными гражданско-правовыми договорами. Данный способ предусмотрен ст. 164 ЖК РФ.

По мнению А.В. Пушкиной, непосредственное управление представляет собой самый дешевый способ, «поскольку в этом случае собственники напрямую, минуя посредников, заключают договор с ресурсоснабжающими организациями» [9, с. 100].

В целом, затраты при указанном способе меньше, чем при других способах, т. к. не нужно содержать постоянный штат сотрудников, нести расходы, связанные с функционированием юридического лица, как, например, при создании ТСЖ.

Нельзя не отметить и наличие у жильцов солидарного чувства общей ответственности. Какая-либо сторонняя организация не вмешивается в

принятие решений. Все собственники (физические и юридические лица) участвуют в управлении домом [5, с. 79].

Есть и отрицательные особенности непосредственного управления МКД собственниками. Сложность такого способа управления усматривается в необходимости каждого собственника заключать договоры с ресурсоснабжающими организациями на горячее и холодное водоснабжение, электроснабжение и прочие ресурсные услуги от своего имени. Речь идет также и о договорах с различными подрядчиками. Договоры заключаются каждым из собственников.

Ответственность собственников за получение той или иной услуги может рассматриваться и как недостаток. Ресурсоснабжающие организации поставляют ресурс не до самой квартиры, а до границы эксплуатационной ответственности, которая может проходить вблизи дома. Обязанность по дальнейшей поставке возложена на самих собственников. Приборы учета, которыми должна быть оснащена каждая квартира, устанавливаются либо самими собственниками, либо специализированными организациями. В первом случае существует риск отказа от принятия приборов со стороны ресурсоснабжающей организации, а во втором – маловероятна экономия [7, с. 142].

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что при непосредственном управлении плата за коммунальные услуги включает также и плату за воду и электроэнергию, потребляемые при содержании общего имущества [4].

Эффективность управления при таком способе зависит и от компетентности самих жильцов, способных обеспечивать надлежащее управление, решать различные организационные вопросы. Выполнение даже малозначительных проблем может требовать созыва собрания всех собственников. Нарушение платежной дисциплины отдельными собственниками может приводить к конфликтным ситуациям [10, с. 142]. Однако общественное порицание со стороны дисциплинированных собственников может оказать и действенное воздействие на неплательщиков в небольшом доме, в котором все соседи знают друг друга.

Д.А. Седаковым обращается внимание на сложность получения банковских кредитов на проведение мероприятий по содержанию дома при непосредственном управлении [10, с. 144].

Возможность и допустимость осуществления непосредственного управления была ограничена сначала шестнадцатью, а затем тридцатью квартирами. Согласно действующему законодательству в случае, если в доме более тридцати квартир, требуется выбор какого-либо иного способа управления, нежели непосредственное управление. При большем количестве квартир в МКД непосредственное управление станет более проблематичным и труднореализуемым на практике. В

небольшом же доме собственникам проще сформировать единую волю и пользоваться всем объемом коммунальных услуг [5, с. 79].

Н.Ф. Казакевич замечает, что осуществление непосредственного управления может свидетельствовать об отсутствии инициативных и компетентных жильцов, способных создать ТСЖ и взять на себя ответственность за управление домом, а также о недостаточной осведомленности собственников о преимуществах иных способов управления [6, с. 477].

В то же время при прямых расчетах с ресурсоснабжающими организациями не возникает риска присвоения денежных средств и использования их в своем обороте ТСЖ или управляющими организациями.

Относительно двух других способов (управление ТСЖ / управление жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом или с помощью управляющей организации) – отсутствует единство мнений среди специалистов о том, какой из них предпочтительнее и в большей степени оправдывает себя при реализации на практике.

ТСЖ представляет собой некоммерческую организацию, как это предусмотрено Гражданским кодексом Российской Федерации (ст. 50, ст. 291) [3]. Согласно ст. 135 ЖК РФ ТСЖ – вид товарищества собственников недвижимости. ТСЖ – это объединение собственников помещений в МКД для совместного управления общим имуществом в МКД. ТСЖ может также объединять собственников помещений в нескольких домах в установленных законом случаях (например, дома с общей придомовой территорией).

ТСЖ, являясь некоммерческой организацией, основной целью имеет обслуживание своего дома, а не извлечение прибыли. Посредством ТСЖ осуществляется управление комплексом недвижимого имущества в МКД, управление финансами, содержанием и ремонтом общего имущества. На расчетном счете в ТСЖ аккумулируются все финансовые ресурсы. Нельзя не отметить и достаточную доступность руководителей ТСЖ и возможность прямого диалога для собственников, в отличие от тех же управляющих компаний. Еще одним из положительных аспектов при управлении домом с помощью ТСЖ является возможность оперативного реагирования на возникающие аварийные ситуации, т. к. один ТСЖ чаще всего обслуживает всего один дом, концентрируя все свои возможности и ресурсы на данном доме, а председатель ТСЖ – жилец этого дома.

В законодательстве были ужесточены требования к созданию и регистрации ТСЖ. Ужесточение требований отчасти было продиктовано необходимостью воспрепятствовать рейдерским захватам ТСЖ и иным негативным проявлениям [6, с. 478].

Создание ТСЖ представляется оправданным в новых и не очень больших домах. Не во всех многоквартирных домах находятся собственники, готовые возглавить ТСЖ и нести ответственность перед соседями, договариваться по вопросам приоритетности выполняемых работ, выполнять многие функции.

В ЖК РФ среди перечисленных способов управления МКД ТСЖ, жилищные и иные специализированные кооперативы изложены в одном пункте (п. 2 ч. 2 ст. 161).

При определенных обстоятельствах ТСЖ возникают на базе некоторых видов потребительских кооперативов. К таким видам относятся жилищные кооперативы (далее – ЖК) или жилищно-строительные кооперативы (далее – ЖСК), члены которых полностью выплатили паевые взносы. Последняя часть взноса представляет собой юридический факт, когда жилищные правоотношения обязательственного характера трансформируются в отношения собственности. Паявые правоотношения после выплаты последнего паявого взноса перестают существовать, а право пользования жилищем базируется уже не на факте членства в кооперативе, а на вещном праве собственности [8, с. 284].

Важным отличием между упомянутыми кооперативами и ТСЖ является то, что ТСЖ не является субъектом права собственности на помещения в доме, а кооператив является собственником жилых помещений и помещений общего пользования (нежилых).

Управление домом с помощью ЖК или ЖСК осуществляется в целях приобретения, реконструкции или строительства многоквартирного дома на более выгодных условиях, чем при использовании банковского кредита.

Есть некоторая неопределенность в нормах законодательства. Раздел V ЖК РФ посвящен ЖК и ЖСК, он регламентирует правовой статус таких кооперативов и правовое положение его членов. Однако в ЖК РФ не уточняется, какие могут быть иные специализированные кооперативы. Часть 5 ст. 110 ЖК РФ содержит отсылку на то, что могут быть иные специализированные кооперативы, которые создаются для удовлетворения потребностей граждан в жилье. Деятельность подобных специализированных кооперативов регулируется отдельными федеральными законами.

В Федеральном законе от 30.12.2004 г. № 215-ФЗ «О жилищных накопительных кооперативах» отсутствует указание на то, что жилищные накопительные кооперативы являются специализированными кооперативами.

Представляется целесообразным в ЖК РФ отразить имеющиеся виды специализированных кооперативов, прямо назвав их в нормах, посвященных способам управления МКД, а также в нормах, посвященных ЖК и ЖСК, и/или в специальных федеральных законах

указывать на то, что те или иные потребительские кооперативы являются специализированными.

Формулировка «иные», используемая применительно к кооперативам в ЖК РФ, создает неопределенность, ведь видов специализированных потребительских кооперативов в жилищной сфере не так много, чтобы их нельзя было перечислить.

Рассмотрим основные особенности управления многоквартирным домом с помощью управляющей организации. Управляющие организации, которые чаще всего именуется «управляющие компании», относятся к числу коммерческих организаций, имеющих основной целью извлечение прибыли. Это вовсе не исключает добросовестного и качественного выполнения управляющей компанией своих обязанностей. Качественной работы управляющих компаний возможно ожидать в условиях хорошо развитой конкуренции на рынке услуг (это характерно в большей степени для крупных мегаполисов, нежели для небольших населенных пунктов).

Управляющие компании в отличие от ТСЖ характеризуются более широким масштабом деятельности. Как отмечает Н.Ф. Казакевич, такой масштаб создает предпосылки для профессионального и грамотного управления. Управляя большим количеством многоквартирных домов, управляющая организация имеет больше возможностей для маневра трудовых ресурсов, материальных средств, сосредоточивая их, когда это необходимо, на проблемных участках [6, с. 479]. Это касается использования спецтехники, оборудования и специалистов.

При выборе управляющей организации целесообразно обращать внимание на многие аспекты. Это наличие необходимой техники, компетентных специалистов в штате, помещений и иных ресурсов в распоряжении такой организации. Следует учитывать также то, как давно данная организация существует на рынке, как характеризуется, а также как часто она и ее руководители привлекались к юридической ответственности. Ознакомиться с соответствующей информацией можно в различных источниках, включая ресурс Государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства (далее – ГИС «ЖКХ»).

Согласно информации ГИС «ЖКХ» по состоянию на 15.09.2023 г. на примере Тверской области можно сделать выводы о степени распространенности и популярности тех или иных способов управления МКД.

Ниже приведена информация о МКД в Тверской области в разрезе способов управления (см. табл.).

Таблица

Всего МКД	Управляющая организация	ТСЖ, ЖК, ЖК, иной кооператив	Непосредственное управление	Способ не выбран	Информация о способе не размещена
15 016	7 233	757	6 563	100	363

Около половины домов на территории региона управляются с помощью управляющих организаций. Деятельность таких организаций осуществляется на основании лицензий, выдаваемых на 5 лет, а их руководители должны обладать определенной квалификацией; органам местного самоуправления вменено в полномочия содействие повышению квалификации таких лиц. Представляется, что все эти факторы также играют не последнюю роль в том, что управляющим организациям часто отдается предпочтение.

Ряд авторов (Д.А. Топоров, В.С. Карнович) высказывают предложения о законодательном закреплении периодического повышения квалификации для персонала (помимо руководителя) управляющих организаций.

Проблемой для выбора любого способа управления МКД является созыв общего собрания собственников. Достаточно сложно достигнуть необходимо кворума для собрания.

В процессе уведомления о предстоящем проведении общего собрания собственников не все собственники бывают ознакомлены с объявлением о дате и месте проведения такого собрания. В МКД могут быть собственники, которые проживают по другим адресам и не имеют возможности ежедневно просматривать информационные стенды. Органы местного самоуправления – собственники муниципальных квартир также порой лишены возможности ознакомиться с соответствующей информацией.

Дополнение норм законодательства положением об обязательном письменном уведомлении собственников, проживающих по другим адресам, включая муниципалитеты, могло бы дать эффект. Однако, на наш взгляд, при формировании реестра собственников целесообразно с согласия собственника включать в него адрес электронной почты, уведомление по которому также могло бы быть допустимым. Предлагаемые меры удешевят проведение общего собрания собственников, позволив сэкономить расходы на отправку уведомлений заказной корреспонденцией.

В итоге, можно прийти к выводу, что тот или иной способ управления многоквартирным домом следует выбирать, принимая во

внимание различные обстоятельства, оценивая их в совокупности в каждой конкретной ситуации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 14.11.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Валиев Р.А. Преимущества и недостатки различных способов управления многоквартирными домами // Форум молодых ученых. 2022. № 6 (70). С. 78–82.

6. Казакевич Н.Ф. Особенности и способы управления многоквартирным домом // Молодой ученый. 2016. № 25 (129). С. 476–479.

7. Котков М.А. Непосредственное управление как самая спорная форма управления многоквартирным домом // Актуальные проблемы юридической науки и практики: Гатчинские чтения – 2018: Сб. научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. 2018. С. 141–143.

8. Крашенинников П.В. Жилищное право. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2008. 379 с.

9. Пушкина А.В. Управление многоквартирными домами: история и современность // Труды Института государства и права РАН. 2017. № 6. С. 93–107.

10. Седаков Д.А. Сравнительный анализ способов управления многоквартирным домом // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2016. № 1 (43). С. 139–148.

Об авторе:

ХОХЛОВ Сергей Викторович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «МЭИ» (111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 14, стр. 1), SPIN-код: 8546-8498, e-mail: skhokhlov85@mail.ru

WAYS OF A BLOCK OF FLAT'S MANAGEMENT: SEVERAL LEGAL REGULATION ISSUES

S.V. Khokhlov

National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow

The article is devoted to a brief description of ways to manage a block of flats, provided by housing legislation. Advantages and disadvantages of specific ways of management of block of flats such as direct owners of the flats' management, management of owners of the flats' association or housing cooperative, or another specialized consumer cooperative; administration of management organization are being discussed. Organizational and legal remedies to solve existing problems in the considered.

Keywords: *block of flats, management of block of flats, direct owners of the flats' management, owners of the flats' association, administration of management organization, general meeting of owners of the flats.*

About author:

KHOKHLOV Sergey – PhD in Philosophy, Senior Lecturer of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology named after Galina Arefieva of the National Research University «Moscow Power Engineering Institute» (Krasnokazarmennaya 14, build 1, Moscow, 111250 Russia), SPIN-code: 8546-8498, e-mail: skhokhlov85@mail.ru

Хохлов С.В. Способы управления многоквартирным домом: некоторые аспекты правового регулирования // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 136–144.

Статья поступила в редакцию 20.09.2023 г.

Подписана в печать 27.11.2023 г.

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ КОНТРАБАНДЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Н.Г. Яковлева, Н.О. Огаркова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Анализируются отдельные аспекты правоприменительной деятельности, связанной с противодействием преступлениям в сфере искусства, а также вопросы выработки механизмов защиты культурного наследия. Объект исследования: отношения, возникающие в связи с выявлением и пресечением таможенными органами контрабанды культурных ценностей. Предметом исследования являются вопросы организации оперативно-розыскной деятельности, направленной на пресечение контрабанды предметов, имеющих историко-культурное значение, а также материалы судебной практики и статистические данные о преступлениях, предусмотренных ст. 226.1 УК РФ. Цель исследования – анализ практических аспектов оперативно-розыскной деятельности, связанной с пресечением незаконного ввоза и вывоза культурных ценностей, и разработка алгоритма использования соответствующих оперативно-розыскных мероприятий. При выполнении научной работы использовались общенаучные и специальные методы познания, в том числе методы формальной логики (описание, анализ), а также формально-юридический метод.

Ключевые слова: контрабанда, культурные ценности, преступления, оперативно-розыскные мероприятия, статистика, выявление и пресечение незаконного ввоза и вывоза предметов, имеющих историко-культурное значение.

Проблема контрабанды культурных ценностей не теряет своей актуальности. Более того, согласно статистике, наблюдается тенденция к росту числа подобных преступлений. Так в 2022 г. по данным Федеральной таможенной службы России (далее – ФТС России) количество выявленных преступлений, связанных с незаконным перемещением культурных и исторических ценностей, выросло на 22,2 % по сравнению с 2021 г. А за 1 полугодие 2023 г. уже возбуждено 3 уголовных дела по ст. 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Культурное наследие России насчитывает огромное количество предметов и документов, чья историческая, научная, художественная и культурная ценность признана во всем мире. Такие предметы пользуются огромной популярностью у частных коллекционеров, их рады видеть во многих музеях мира. Однако способы пополнения коллекций далеко не всегда легальны. Учитывая высокую стоимость такого рода объектов,

интерес представителей криминального мира к ним остается традиционно высоким.

В.В. Кулыгин провел исследование судебной практики по контрабанде культурных ценностей и сделал следующие основные выводы:

- количество попыток контрабандного вывоза культурных ценностей остается на достаточно высоком уровне;
- в большинстве своем через государственную границу незаконно перемещаются предметы, ранее похищенные из музеев или иных мест их хранения;
- часто вывозятся не отдельные предметы, а целые коллекции;
- транзитными странами для вывоза культурных ценностей из России, в основном, являются Финляндия, Беларусь, Закавказье;
- сокрытие ценностей производится, как правило, в 52 % случаев в багаже пассажиров, 20 % – в личных вещах, 15 % – в транспортных средствах, 5 % – в одежде, 3% – в грузах;
- наиболее часто предметами контрабанды бывают иконы, старинные монеты, ордена и медали, рукописи, старопечатные и редкие книги, часы, картины, предметы религиозного культа и т.д. [8, с. 31–33].

Проведенное исследование разноплановых источников показывает, что в 17 из 25 изученных случаев контрабанде подвергались иконы, предметы религиозного культа, в 5 случаях – ордена и медали, в 2 случаях – старинные фолианты, 1 случай вывоза погон адмирала.

Самым резонансным преступлением в этой сфере за последнее время оказалась кража из Третьяковской галереи в Москве картины художника Архипа Куинджи «Ай-Петри. Крым». Ее похитителя Дениса Чуприкова быстро нашли. По приговору суда он отправился на 3 года в колонию [5].

Другой яркий случай незаконного перемещения культурных ценностей произошел в 2020 г., сотрудники таможни в Пулковском задержали посылку, отправленную жителем Санкт-Петербурга в Европу. В ней находились семь предметов религиозного культа – православные иконы и кресты, имеющие культурную ценность. Изъятые предметы таможенники отправили на экспертизу. Специалисты установили, что большинство находок выполнены в технике меднолитой пластики и относятся к XIX в. Самыми старыми из предметов оказались нательный крест, предположительно, изготовленный в XII–XV вв., и дорожная икона с изображением Николая Чудотворца второй половины XVIII в. По факту контрабанды возбуждены два административных дела. Ранее, сотрудники Псковской таможни задержали женщину, пытавшуюся нелегально провезти через границу ювелирные изделия на сумму свыше 1,3 млн. рублей. Женщина ехала в пассажирском рейсовом автобусе Рига–Санкт-Петербург. Таможенники при досмотре обнаружили у неё более 40 браслетов, колец и других украшений [10]. Объясняется это тем,

что для культуры России, это наиболее значимые предметы, которые весьма высоко ценятся на зарубежных аукционах.

Можно выделить следующие объективные причины латентности контрабанды культурных ценностей: ограниченная возможность деятельности таможенных, иных органов, на которые возложена задача по борьбе с контрабандой культурных ценностей и сопутствующих ей преступлений. Это связано с международным характером данного преступления, частого совершения данного преступления в соучастии, что предполагает наличие коррупционных связей и затрудняет борьбу с данным видом контрабанды. Использование специальных хранилищ, тайников для незаконного перемещения через государственную границу культурных ценностей также предполагает сложность для их обнаружения таможенными органами. В связи с тем, что международная контрабанда культурных ценностей является проблемой не только России, но и других стран с богатым культурным наследием, необходимо объединить усилия стран для борьбы с контрабандой и наладить сотрудничество не только в договорно-правовой форме, но и в рамках международных организаций.

Вопрос разработки стратегии противодействия преступлениям в сфере искусства и выработки механизмов защиты культурного наследия определен в качестве одного из наиболее приоритетных вопросов на Конференции участников Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности. В связи с тем, что в настоящее время данная группа преступлений стала представлять собой возрастающую угрозу, Организацией Объединенных Наций отмечена важность также и совершенствования национальных мер противодействия, в том числе национального уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за такие преступления [6, с. 110–117].

Особенности выявления и расследования преступлений, предусмотренных ст. 226.1 УК РФ, связаны со спецификой предмета преступного посягательства. В литературе выделяют следующие признаки такого рода предметов:

1) уникальность, т. е. во внимание принимается единственный и неповторимый в своем роде предмет, исключительный по своим художественным и другим качествам, являющийся большой редкостью (изготовлен ручным способом, в индивидуальном порядке);

2) старина – особую ценность имеют предметы, изготовленные не менее 70 лет назад, т. е. в прошедшую эпоху;

3) общественная, государственная значимость;

4) потребительская стоимость;

5) культурная ценность [9, с. 18–19].

Закон РФ от 15.04.1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей», регламентирующий вопросы сохранения культурного наследия народов Российской Федерации и защиты культурных

ценностей от незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на них, определяет, что культурные ценности – это движимые предметы материального мира независимо от времени их создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение [1].

Анализируя информацию ФТС России о пресечении незаконного вывоза культурных ценностей, можно выявить следующую актуальную преступную схему, предполагающую отток капитала из страны: декларант в установленном законом порядке оформляет разрешительную документацию на вывоз (или временный вывоз) дорогостоящего предмета науки или искусства, представляющего культурную ценность, и совершает фактическое перемещение его в другую страну, где происходит реализация последнего. Далее в целях осуществления предусмотренного законом обратного ввоза культурных ценностей в Россию декларант вооружается копией (подделкой) ранее вывезенного предмета культурного наследия и ввозит его в страну. Согласно законодательства выполнены все требования [7, с. 47].

Рассмотренная схема достаточно популярна ввиду отсутствия необходимых знаний у сотрудников таможенных органов и отсутствия какой-либо системы учета и идентификации предметов культурного наследия [4, с. 27–31].

При выявлении и пресечении контрабанды культурных ценностей важно определить стоимость соответствующих предметов незаконного ввоза или вывоза. Как правило, оно осуществляется на основе анализа рыночных цен на антиквариат. На наш взгляд, такой анализ может быть не вполне объективен, т.к. похищенные предметы не всегда могут быть объектом рыночных отношений [13, с. 73–78]. Поэтому при их оценивании необходимо руководствоваться специальными нормативными актами, например, Информационным письмом Федерального центра судебной экспертизы при Минюсте РФ от 23.06.2006 г. «О производстве судебно-товароведческих экспертиз в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации при исследовании произведений живописи и предметов прикладного искусства», согласно которому «определение стоимости произведений живописи и предметов прикладного искусства по уголовным, гражданским, арбитражным делам и делам об административных правонарушениях проводится в рамках судебно-товароведческой экспертизы на основании положений Федерального закона от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и в соответствии с программой подготовки экспертов по экспертной специальности 19.1 «Исследование промышленных (непродовольственных) товаров, в том числе с целью проведения их оценки» [3].

Учитывая специфику совершения данного преступления и анализируя соответствующую судебную практику, можно прийти к выводу, что одним из наиболее эффективных способов пресечения контрабанды культурных ценностей является использование такого оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ), как проверочная закупка. В целом использование ОРМ позволяет достаточно быстро и эффективно пресекать преступления, связанные с контрабандой культурных ценностей. Учитывая, что лица, намеревающиеся сбыть предмет контрабанды, достаточно часто используют сеть Интернет для размещения объявлений о продаже культурных ценностей, органы дознания, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, анализируют подобные объявления и впоследствии успешно проводят ОРМ (например, проверочную закупку), что позволяет пресечь каналы контрабанды и задержать лиц, причастных к ее совершению.

Так, согласно приговору Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга № 1-525 от 06.12.2016 г. подсудимый А. Гикарас лично, действуя согласно преступного умысла, совершил контрабанду культурных ценностей, т.е. незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС культурных ценностей в крупном размере, для последующей реализации через магазин, принадлежащий индивидуальному предпринимателю ФИО2. Имея преступный умысел, направленный на незаконное перемещение культурных ценностей, для их последующей реализации на территории Российской Федерации, с целью осуществления предпринимательской деятельности, он, находясь за пределами Российской Федерации, приобрел культурные ценности, переместил их через таможенную границу, а затем лично поместил объявление о продаже этих культурных ценностей с указанием их стоимости. Позднее, находясь в помещении магазина, принял залог от гражданина ФИО3, добровольно участвующего в роли покупателя при проведении оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка», проводимого представителями правоохранительных органов, в качестве обеспечения исполнения обязательств ФИО3 по покупке товаров, являющихся вышеуказанными культурными ценностями, перемещенными на основании Пассажирской таможенной декларации (далее – ПТД) от ХХ.ХХ.ХХХХ для личного пользования. Согласно заключения эксперта экспертно-криминалистической службы вышеперечисленные предметы по ПТД являются культурными ценностями. Таким образом А. Гикарас умышленно, с целью извлечения экономической выгоды, предоставил таможенному органу недостоверные сведения, касающиеся целей использования ввезенных им культурных ценностей, путем недостоверного декларирования и незаконно переместил через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС культурные ценности в крупном размере (ч. 4 ст. 226.1 УК РФ) [15].

Незаконное перемещение культурных ценностей может осуществляться также с помощью почтовых отправок. В связи с этим высокую эффективность демонстрирует использование такого ОРМ, как контроль почтово-телеграфных отправок. Лица, совершающие преступления, связанные с контрабандой культурных ценностей, часто используют уже частично описанную нами выше схему: имея (или приобретя) некие предметы, которые относятся к культурным ценностям, они дают объявления в сети Интернет, а после того как покупатель находится осуществляют почтовое отправление указанных предметов. В случае успешного применения вышеназванного ОРМ удается, как правило, установить не только лицо, отправившее посылку, но и получателей, а также иных возможных соучастников.

Так, согласно приговора Железнодорожного районного суда г. Барнаула Алтайского края от 09.02.2022 г. по делу № 1-62/2022, не позднее 01.02.2021 г. у С.В. Качанова, находящегося в г. Барнауле Алтайского края, возник преступный умысел на незаконное приобретение, последующее незаконное перемещение через государственную границу РФ между государствами – членами ЕврАзЭС культурных ценностей в крупном размере. Он разработал план, согласно которому, используя свой аккаунт на торговой площадке (аукцион), планировал подыскивать лиц, готовых приобрести указанные культурные ценности, далее подыскивать и приобретать у неустановленных лиц указанные культурные ценности в крупном размере, и после их оплаты неустановленными лицами, незаконно перемещать с сокрытием от таможенного контроля указанные культурные ценности через государственную границу РФ.

01.02.2021 г. С.В. Качанов, реализуя свой преступный умысел, нашел иностранного покупателя (неустановленное лицо), установил с ним связь по телефону. В ходе общения с ним в период времени с 01.02.2021 г. по 05.03.2021 г. предложил приобрести у него за денежное вознаграждение культурные ценности – ордена и медали СССР и удостоверения к ним, а также сообщил о возможности их поставки на территорию Республики Казахстан, на что вышеуказанное лицо ответило согласием. В период времени с 09.02.2021 г. по 24.02.2021 г. С.В. Качанов приискал А.М.С. и Н.С.И, неосведомленных о его преступных намерениях, которые имели возможность передать ему имеющиеся у них культурные ценности – государственные награды СССР и удостоверения к ним, в целях их дальнейшего незаконного перемещения через государственную границу РФ в Республику Казахстан. Далее С.В. Качанов незаконно приобрел у Н.С.И. и А.М.С. 33 государственные награды СССР и 2 удостоверения к ним, в том числе, являющиеся культурными ценностями на общую сумму 147 916,21 рублей, что является крупным размером, в целях последующего их незаконного сбыта иностранному покупателю за денежное вознаграждение. После незаконного приобретения

вышеуказанных государственных наград и двух удостоверений к ним, С.В. Качанов стал хранить их в своем жилище. В период времени с 05.02.2021 г. по 05.03.2021 г. он в ходе общения в Интернет-мессенджере договорился с иностранным гражданином об оплате и незаконном перемещении культурных ценностей в крупном размере через государственную границу РФ в Республику Казахстан.

04.03.2021 г. Качанов после получения оплаты в размере 106 918 рублей за реализуемые культурные ценности, в целях реализации своего преступного умысла, находясь по месту своего жительства, подготовил к отправке международным почтовым отправлением в Республику Казахстан культурные ценности: ордена и медали, в количестве 25 штук, и 2 удостоверения к медалям, упаковав их в металлическую коробку, тем самым применил меры по перемещению культурных ценностей с сокрытием содержимого указанного почтового отправления от таможенного контроля. Продолжая реализовывать свой преступный умысел, указанную металлическую коробку он упаковал в картонную коробку, после чего указанную коробку упаковал в пакет, предназначенный для почтовых отправлений, указав на нем в качестве отправителя установочные данные третьего лица. 05.03.2021 г. Качанов доставил вышеуказанный пакет в отделение почтовой связи, где собственноручно указал в качестве отправителя установочные данные третьего лица, а в качестве получателя – данные иностранного гражданина, находящегося на территории Республики Казахстан, после чего передал указанный пакет сотруднику почты, тем самым выполнил все зависящие от него действия, направленные на незаконное перемещение через государственную границу Российской Федерации культурных ценностей в крупном размере, после чего осуществил отправку указанного почтового отправления.

10.03.2021 г. сотрудниками УФСБ РФ по Алтайскому краю в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия в помещении почтового отделения вышеуказанные культурные ценности были изъяты, в результате чего С.В. Качанов не смог довести свой преступный умысел до конца по независящим от него обстоятельствам [16].

Широкое распространение возможности реализации любых предметов через сеть Интернет, с одной стороны, создает благотворную почву для правонарушителей, но с другой, с учетом современных возможностей оперативных служб таможенных органов в сфере информационных технологий, позволяет, используя соответствующие ОРМ, более эффективно выявлять и пресекать преступления, связанные с контрабандой культурных ценностей.

Безусловно, одним из самых эффективных способов обнаружения предметов контрабанды культурных ценностей остается таможенный досмотр, проводимый сотрудниками таможенных органов при перемещении товаров через границу и осуществляемый в рамках

таможенного контроля, регулируемого Таможенным кодексом Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС).

Следует отметить, что на сегодняшний день деятельность, связанная с пресечением контрабанды (в т. ч. культурных ценностей), является для ФТС России одной из приоритетных. В целях реализации положений Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 23.05.2020 г. № 1388-р, разработан План мероприятий на период 2021–2024 гг. – содействие развитию международной торговли, росту товарооборота и несырьевого экспорта, обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, полноты и правомерности взимания таможенных платежей, достижение высокого качества таможенного администрирования, создание конкурентных преимуществ для законопослушных участников внешнеэкономической деятельности.

Реализация первого этапа Стратегии в части совершенствования правоохранительной деятельности таможенных органов будет направлена на развитие системы профилактики нарушений законодательства Российской Федерации, отнесенных к компетенции таможенных органов, внедрение современных цифровых платформ для своевременного выявления и установления всех обстоятельств подготавливаемых и совершенных правонарушений, а также обеспечение своевременности и неотвратимости наказания за совершенные нарушения, в том числе контрабанду. Предусмотрено дальнейшее развитие межведомственного электронного взаимодействия с правоохранительными, надзирающими и иными государственными органами Российской Федерации [11].

В отношении товаров и транспортных средств, ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС, статус находящихся под таможенным контролем приобретает с момента пересечения таможенной границы ЕАЭС. С этого момента у лиц возникают обязанности, установленные таможенным законодательством. Владение, пользование и распоряжение такими товарами допускается на условиях и с учетом ограничений, установленных таможенным законодательством. Большинство действий с данными товарами, как порождающих, так и не порождающих юридические последствия (транспортировка, погрузка, выгрузка, перегрузка, упаковка, взятие проб и образцов), возможны только с ведома либо разрешения таможенных органов [14, с. 8–9]. Все полномочия ФТС России, связанные с проведением таможенного контроля, закреплены в Законе о таможенном регулировании и Положении о Федеральной таможенной службе, утвержденном постановлением Правительства РФ от 26.07.2006 № 459 [2], и принадлежат исключительно данному органу власти.

Однако правонарушители, намереваясь незаконно переместить объекты преступного посягательства, представляющие культурную

ценность, пытаются их перевозить без предоставления ПТД установленного образца для совершения таможенных операций и таможенного контроля таможенному органу, заявляя тем самым об отсутствии у них при себе и в транспортных средствах запрещенных к перемещению через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС предметов, а так же предметов, подлежащих обязательному декларированию.

Так, ФИО1, реализуя свой преступный умысел, направленный на контрабанду культурных ценностей в крупном размере, из корыстных побуждений, достоверно зная, что перевозимые предметы будут подвергнуты таможенному досмотру при перемещении через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, на транспортном средстве, грузовом тягаче с прицепом, проследовал через таможенную границу Таможенного Союза в рамках ЕврАзЭС в регионе ответственности Псковской таможни, без предоставления ПТД установленного образца для совершения таможенных операций и таможенного контроля таможенному органу, заявив тем самым об отсутствии у него при себе и в вышеуказанном транспортном средстве запрещенных к перемещению предметов, а так же предметов, подлежащих обязательному декларированию. В ходе же проведения таможенного досмотра товаров, перемещаемых ФИО1, сотрудниками Псковской таможни под матрасом на верхнем спальном месте в кабине транспортного средства была обнаружена принадлежащая ФИО1 шашка кавказская черкесского типа, изготовленная в конце XIX – начале XX в., являющаяся культурной ценностью, имеющая особое историческое значение, стоимостью свыше 100 000 рублей, что образует крупный размер. Согласно п. 9 ч. 1 ст. 260 ТК ЕЭАС таможенному декларированию подлежат культурные ценности, в отношении которых подлежат запреты и ограничения в соответствии со ст. 7 настоящего Кодекса. В соответствии с ч. 3 ст. 260 ТК ЕЭАС таможенное декларирование товаров для личного пользования производится с использованием ПТД. В соответствии с п. 25 ч. 1 ст. 2 ТК ЕЭАС незаконным перемещением товаров через таможенную границу признается перемещение товаров через таможенную границу Союза с недекларированием. Таким образом, ФИО1, имея умысел на незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного Союза в рамках ЕврАзЭС, шашки кавказской черкесского типа, изготовленной в конце XIX – начале XX в., являющейся культурной ценностью, имеющей особое историческое значение, стоимостью свыше 100 000 рублей, что образует крупный размер, не задекларировав ее и скрыв от таможенного контроля, не имея соответствующих разрешительных документов на вывоз, совершил контрабанду культурных ценностей [17].

Необходимо отметить, что таможенные органы являются неотъемлемой частью правоохранительной системы Российской

Федерации. Контрабанда культурных ценностей была всегда одной из основных проблем в сфере таможенного дела. Данная проблема всегда будет актуальна. Возможно лишь изменение направления, специфики наиболее распространенных предметов контрабанды. Например, мода на российскую старину в западных странах повлекла многочисленные попытки контрабандного вывоза икон из России. Поднятие жизненного уровня части населения стран Восточной Азии привело к появлению новых маршрутов контрабандного вывоза культурных ценностей. Основными направлениями незаконного вывоза культурных ценностей с территории Российской Федерации являются страны Европейского союза, Китай, Украина, США, а также некоторые другие государства.

Оперативными подразделениями таможенных органов по фактам незаконного перемещения культурных ценностей возбуждено по ст. 226.1 УК РФ в 2019 г. – 17 уголовных дел, в 2021 г. – 9 дел, в 2022 г. – 11 дел.

Наиболее часто эти преступления выявляются в таможенных на западных и южных границах России (Центральный, Северо-Западный, Южный федеральные округа), а также в таможенных аэропортов московского авиаузла: Внуково, Домодедово, Шереметьево [12].

Ежегодно ФТС России удается пресечь в среднем около 12 попыток вывоза из страны предметов, представляющих историческую, художественную и культурную ценность. Использование при этом новых информационных технологий, возможностей сети Интернет, экспертных познаний существенно повышают эффективность такого рода деятельности. В целях оптимизации и роста раскрываемости такого рода деяний необходимо разрабатывать и постоянно совершенствовать методические рекомендации по организации и осуществлению деятельности, направленной на пресечение контрабанды культурных ценностей. Анализ судебной практики и статистика позволяют получить обобщенные данные, необходимые для решения практических вопросов при осуществлении дознания по указанной категории преступлений.

Список литературы

1. Закон РФ от 15.04.1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (в ред. от 08.12.2020 г.) // СПС «Гарант».
2. Постановление Правительства РФ от 26.07.2006 г. № 459 (ред. от 09.06.2020) «О Федеральной таможенной службе» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Информационное письмо Федерального центра судебной экспертизы при Минюсте РФ от 23.06.2006 г. «О производстве судебно-товароведческих экспертиз в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации при исследовании произведений живописи и предметов прикладного искусства» [Электронный ресурс]. URL: <https://rulaws.ru/acts/Informatsionnoe-pismo-Federalnogo-tsentra-sudebnoy-ekspertizy-pri-Minyuste-RF-ot-23.06.2006/> (дата обращения: 15.11.2023).

4. Аксенов И.А. Особенности выявления и пресечения контрабанды культурных ценностей таможенными органами // Таможенное дело. 2020. № 3. С. 27–31.

5. За год в России похитили более 77 тысяч культурных ценностей: [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/01/07/za-god-v-rossii-pohitili-bole-77-tysiach-kulturnyh-cennostej.html> (дата обращения: 15.11.2023).

6. Ковтун Ю.С. Дискуссионные вопросы составов преступлений в сфере искусства в уголовном законодательстве Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4. С. 110–117.

7. Корягин Е.Г. Некоторые аспекты охраны культурных ценностей на Дальнем Востоке // Актуальные проблемы сохранения культурных ценностей в Дальневосточном регионе. 2015. № 18. С. 47.

8. Кулыгин В.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей. Хабаровск, 2002. С. 31 – 33.

9. Мукашев Л.К. Проблемы уголовной ответственности за хищение предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 30 с.

10. Петербургские таможенники пресекли контрабанду старинных икон в Европу [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/other/44355109/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylinkhttps://news.rambler.ru/other/44355109-peterburgskie-tamozhenniki-preseklikontrabandu-starinnyh-ikon-v-evropu/ (дата обращения: 15.11.2023).

11. План мероприятий на период 2021 - 2024 годов по реализации Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года // СПС «КонсультантПлюс».

12. Правоохранительная деятельность: современное состояние и перспективы развития. Интервью начальника Главного управления по борьбе с контрабандой ФТС России Андрея Юдинцева журналу «Таможня» [Электронный ресурс]. URL: <http://customs.ru/press/aktual-no/document/214126> (дата обращения: 15.11.2023).

13. Яковлева Н.Г. К вопросу об особенностях назначения и производства экспертизы культурных ценностей в уголовном процессе // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 73–78.

14. Яковлева Н.Г. Уголовно-процессуальные и криминалистические особенности расследования преступлений, отнесенных к компетенции таможенных органов: учебно-методическое пособие. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2021. 80 с.

15. Приговор № 1-525/2016 от 06.12.2016 г. по делу № 1-525/2016 Василеостровского районного суда г. С-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/KzduLqLkBLdC/?regular-txt=®ular-case_doc=1-525®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=06.12.2016®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%28%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4+%D0%A1%D0%B0%D0%B

[D%D0%BA%D1%82-%D0%9F%D0%B5%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3%29®ular-judge=&=1700763197382](#) (дата обращения: 15.11.2023).

16. Приговор Железнодорожного районного суда г. Барнаула Алтайского края от 09.02.2022 г. по делу № 1-62/2022 // СПС «Гарант».

17. Приговор Пыталовского районного суда Псковской области от 28.04.2022 г. по делу № 1-45/2022 // СПС «Гарант».

Об авторах:

ЯКОВЛЕВА Наталья Григорьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 1403-9892; e-mail: yakovlevang@yandex.ru

ОГАРКОВА Наталья Олеговна – старший преподаватель кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33); SPIN-код: 3865-1541; e-mail: Ogarkova.NO@tversu.ru

PRACTICAL ASPECTS OF IDENTIFYING AND SUPPRESSING THE SMUGGLING OF CULTURAL VALUES

N.G. Yakovleva, N.O. Ogarkova

Tver State University, Tver

The article analyzes certain aspects of law enforcement activities related to combating crimes in the field of art, as well as issues of developing mechanisms for the protection of cultural heritage. Object of study: relations arising in connection with the identification and suppression of smuggling of cultural property by customs authorities. The subject of the study is the organization of operational - search activities aimed at suppressing the smuggling of items of historical and cultural significance, as well as materials from judicial practice and statistical data on crimes under Article 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The purpose of the study is to analyze the practical aspects of operational search activities related to the suppression of illegal imports and the export of cultural property, and the development of an algorithm for the use of relevant operational investigative measures. When carrying out scientific work, general scientific and special methods of cognition were used, including methods of formal logic (description, analysis), as well as the formal legal method.

Keywords: *smuggling, cultural property, crime, operational search activities, statistics, identification and suppression of illegal import and export of items of historical and cultural significance.*

About authors:

YAKOVLEVA Natalya Grigoryevna – PhD in Law, associate professor of department of Criminal Law and Procedure Tver State University (170100, Tver, ul.

Zhelyabova, 33), SPIN-code: 1403-9892; e-mail: yakovlevang@yandex.ru

OGARKOVA Natalya Olegovna – senior lecturer of the department of in environmental law and legal support of professional activity of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33); SPIN-code: 3865-1541; AuthorID: 1065615; e-mail: ogarkova_n@mail.ru

Яковлева Н.Г., Огаркова Н.О. Практические аспекты выявления и пресечения контрабанды культурных ценностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 145–157.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023 г.

Подписана в печать 27.11.2023 г.

Обзоры и анонсы научных мероприятий

УДК 378.12

DOI: 10.26456/vtpravo/2023.4.158

ОБЗОР МЕРОПРИЯТИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ДНЮ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИИ

О.Ю. Ильина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Представлен обзор мероприятий, инициированных в честь Дня преподавателя высшей школы. Отмечается взаимодействие профессорско-преподавательского состава и студенческих объединений. Акцентируется внимание и на участии факультета в проектах, реализуемых обществом «Знание».

Ключевые слова: традиции высшей школы, преподаватель, университет, обучающиеся.

В соответствии с приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 01.11.2021 г. установлен профессиональный праздник – День преподавателя высшей школы России, который ежегодно отмечается 19 ноября.

В ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» в соответствии с утвержденным планом был реализован комплекс мероприятий, завершающим среди которых была торжественная встреча 16 ноября 2023 г. Безусловно, официальная часть праздничного мероприятия предполагала награждение преподавателей вуза, в том числе преподавателей юридического факультета.

Важно отметить, что ученым советом университета было утверждено Положение о награждении профессорско-преподавательского состава вуза ко Дню преподавателя высшей школы.

По инициативе декана юридического факультета, д.ю.н., профессора Ольги Юрьевны Ильиной к поощрению были номинированы преподаватели факультета:

1. Номинация «За преданность профессии и продолжение традиций российской высшей школы» – заслуженный юрист РФ, д.ю.н., профессор Туманова Лидия Владимировна.

2. Номинация «За подготовку научных и педагогических кадров» – д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой теории права Крусс Владимир Иванович.

3. Номинация «За вклад в науку и высшее образование» – к.ю.н., доцент, заместитель декана по учебной деятельности Дронова Юлия Анатольевна.

4. Номинация «За внедрение инновационных методик преподавания, развитие открытой информационной среды высшего

образования» – к.ю.н., доцент, заведующая кафедрой экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности Васильчук Юлия Владимировна.

5. Номинация «За развитие практико-ориентированного высшего образования» – к.филос.н., доцент Афтахова Александра Васильевна.

Торжественное заседание ученого совета юридического факультета состоялось 24.11.2023 г., при этом программа мероприятий была весьма насыщенной. Прежде всего, продолжилась добрая традиция награждения преподавателей.

Декан факультета, д.ю.н, профессор О.Ю. Ильина анонсировала награждение:

– О.В. Жуковой, зав. кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности, Почетной грамотой Министерства науки и высшего образования Российской Федерации за значительные заслуги в сфере образования и добросовестный труд;

– А.А. Сладковой, руководителя ООП специальности «Таможенное дело», Почетной грамотой Главы города Твери за многолетний добросовестный труд, большой личный вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов и в связи с празднованием Дня преподавателя высшей школы;

– А.В. Афтаховой, заместителя декана по проектной и инновационной деятельности, Благодарностью Главы города Твери за многолетний добросовестный труд, большой личный вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов и в связи с празднованием Дня преподавателя высшей школы.

Впоследствии эти награды были вручены номинантам врио ректора С.Н. Смирновым.

За многолетний добросовестный труд, большой вклад в развитие и совершенствование образовательного процесса, подготовку высококвалифицированных специалистов Благодарность от Законодательного Собрания Тверской области была вручена к.ю.н., доценту кафедры гражданского права О.Г. Бартковой.

Заседание ученого совета продолжило выступление д.ю.н., зав. кафедрой конституционного, административного и таможенного права Н.А. Антоновой на тему «30-летие Конституции Российской Федерации: итоги и перспективы». Лекция проведена в рамках акции общества «Знание», посвященной юбилею Конституции Российской Федерации. В рамках лекции д.ю.н. Н.А. Антонова отметила в каких непростых условиях конституционного кризиса принималась в 1993 г. действующая Конституция. Было отмечено, что Конституция РФ имеет уникальное внутреннее устройство, благодаря которому она стала инструментом, способным не только примирить конфликтующие силы, но и дать обществу импульс для нового развития. Основной закон страны закрепил

те общественные ценности, те идеи и принципы, которые одинаково важны для всех.

«Поскольку преподаватель высшей школы не может состояться без студентов. – продолжила О.Ю. Ильина – следует отметить и заслуги наших обучающихся». В связи с этим далее выступила к.ю.н., доцент, зам. декана по внеучебной деятельности Н.Г. Яковлева, которая рассказала о достижениях студентов и пригласила к награждению победителей конкурса портфолио: Абрамова Клима, Беляева Руслана, Богатова Даниила, Бойкова Георгия, Борисову Елизавету, Галанцева Глеба, Короткову Анну, Михайлову Полину, Путилову Анастасию.

Вопросы совершенствования образовательной деятельности в вузе постоянно обсуждаются на различных площадках, при этом всегда предоставляется слово и студентам. В связи с этим праздничное заседание ученого совета юридического факультета продолжило выступление студенческой комиссии по качеству образования. Они представили проект «Как мы хотим учиться», в котором продемонстрировали интерактивные методики преподавания, используемые на факультете.

Затем в качестве поздравления от студентов факультета был дан небольшой концерт. Участники творческой группы подготовили конференс-сценку «В пионерском лагере», далее прозвучал сольный эстрадный вокал от Екатерины Шагиной и выступил ансамбль «Алиби». Как и ожидалось, номера художественной самодеятельности соответствовали тематике праздника, а добрые воспоминания о своем студенчестве вызвали трогательные чувства у коллег.

Юридический факультет чтит память основателей научной школы, а также опыт профессорско-преподавательского состава. Почти все преподаватели факультета являются его же выпускниками, в связи с чем в День преподавателя высшей школы не могли не прозвучать слова благодарности – воспоминания о своем студенчестве представителей первых выпусков факультета – д.ю.н., профессора, профессора кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности Л.В. Тумановой и к.ю.н., доцента, зав. кафедрой уголовного права и процесса В.В. Харитошкина:

– д.ю.н., профессор Р.Э. Гукасян: «Юридический факультет в Твери (Калинине) был открыт в 1971 г., но его настоящим началом по сути является 1972 г., когда к нам приехал молодой доктор юридических наук Рафаэль Егишевич Гукасян. Он сумел создать научную школу, связанную с защитой прав и охраняемых законом интересов, воспитал учеников, которые стали со временем сами наставниками и руководителями более молодого поколения, таким образом он создал своего рода «научное генеалогическое древо», которое растет, развивается и его корнями держится наш родной факультет. Но огромная заслуга Рафаэля Егишевича не только в развитии научных исследований,

не менее значимо, что он всей своей жизнью показывал каким должен быть человек! Никогда не допускал неуважительного отношения к кому-либо, у него был очень тонкий юмор, он до последних дней проявлял интерес ко всему и умел радоваться почти по-детски. Нам его ученикам и последователям есть «делать жизнь с кого». Он всегда в наших сердцах!»;

– к.ю.н., доцент В.Н. Козак: «Среди ученых, работавших на юридическом факультете в годы его становления и внесших заметный вклад в развитие науки уголовного права, безусловно, следует отметить Василия Никоновича Козака.

Василий Никонович пришел работать на факультет в 1973 г. К тому времени его имя уже было известно среди советских ученых-специалистов в области уголовного права и криминологии. В 1972 г. им была опубликована монография «Право граждан на необходимую оборону» под редакцией известного советского криминолога И.С. Ноя. По сути, это было первое глубокое научное исследование данной проблематики в СССР в послевоенный период.

На юридическом факультете Василий Никонович преподавал курс «Особенная часть уголовного права», а также ряд специальных курсов. Много сделал он и для повышения эффективности научных исследований как среди преподавателей, так и студентов, укрепления и развития научных связей со многими известными учеными-юристами в ведущих учебных заведениях Советского Союза (в Москве, Саратове, Воронеже, Ярославле и др.). Именно Василий Никонович познакомил меня с известным советским ученым, заслуженным деятелем науки, профессором кафедры уголовного права Всесоюзного юридического заочного института М.А. Гельфером, который согласился быть моим научным руководителем при подготовке кандидатской диссертации. Большую помощь оказывал Василий Никонович молодым преподавателям и в учебно-методической работе. В 1981 г. им была издана новая монография (она же первая в СССР!) «Вопросы теории и практики крайней необходимости». Она должна была стать основой его докторской диссертации. Однако защитить ее Василий Никонович так и не успел. В январе 1985 г., за месяц до назначенной даты защиты, его жизнь трагически оборвалась в результате ДТП. Было ему всего 45 лет»;

– к.ю.н., профессор М.И. Суворов: «Михаил Ильич Суворов был первым деканом юридического факультета Калининского университета в 1973 г. К тому времени за его плечами был уже большой опыт практической работы в правоохранительных органах – в качестве судьи районного суда, заместителя председателя областного суда, председателя областной коллегии адвокатов. Закончив заочную аспирантуру, Михаил Ильич защитил кандидатскую диссертацию. На первом курсе он вел у нас дисциплину «Организация суда и прокуратуры в СССР» (сейчас она называется «Правоохранительные органы РФ»). На старших курсах

преподавал «Уголовный процесс» и специальный курс «Особенности судопроизводства по делам несовершеннолетних». Михаил Ильич был моим научным руководителем при подготовке дипломной работы по теме «Косвенные доказательства в уголовном процессе». В соавторстве с ним я опубликовал свою первую научную статью в сборнике научных трудов, где среди авторов я был единственным студентом. Михаил Ильич стал и первым заведующим кафедрой уголовного права и процесса. Под его руководством мне довелось работать, будучи молодым преподавателем. Помню, как на торжественном мероприятии, посвященном Дню Победы мы впервые узнали из его выступления, что довелось испытать Михаилу Ильичу в первые, самые трагические месяцы Великой Отечественной Войны. Он встретил войну 22.07.1941 г. на Западной Украине в городе Тарнополь (Тернополь). В ходе тяжелых оборонительных боев был дважды серьезно ранен в руку и голову, потерял глаз. После госпиталя служил в запасном полку, готовил резервы для фронта. За боевые заслуги награжден орденами Отечественной войны I-ой и II-ой степени, медалями, в том числе «За оборону Киева».

Первый декан юридического факультета Михаил Ильич Суворов ушел из жизни 14.01.2006 г. в возрасте 84 лет»;

– к.ю.н., доцент П.П. Кабанов: «Павел Павлович был в числе тех преподавателей, которые внесли существенный вклад в развитие юридического факультета в первые, самые трудные годы его становления. В тот период серьезным испытанием для молодого факультета стали кадровые проблемы. Штатных преподавателей не хватало, поэтому к проведению учебных занятий на правах совместителей широко привлекались сотрудники местных правоохранительных органов. В их числе был и Павел Павлович, работавший в то время в областной прокуратуре в должности прокурора-криминалиста. Однако, на первом курсе он вел у нас занятия не по своей профильной специальности, а по курсу «Теории государства и права», поскольку старших курсов, где должны были изучаться специальные дисциплины, в то время еще просто не было. Я помню, какое большое впечатление произвело на меня глубокое знание теории права действующим сотрудником прокуратуры. Сам Павел Павлович на своих занятиях не раз подчеркивал, что знание теории государства и права является основой для всего юридического образования, в том числе и при изучении специальных дисциплин. На старших курсах в дальнейшем он вел занятия по «Криминалистике» и «Основам оперативно-розыскной деятельности». Такое совмещение практической работы с преподавательской и научной деятельностью только повысило его авторитет среди сотрудников прокуратуры, а для студентов его работа в качестве прокурора-криминалиста представляла реальную связь учебного процесса с практикой.

Павел Павлович ничего не рассказывал нам о своей биографии. И только из материалов университетской газеты, посвященной Дню Победы, мы узнали о том, что пришлось ему пережить в годы Великой Отечественной Войны. В сентябре 1942 г. в возрасте 13 лет Павел Павлович был зачислен как «сын полка» красноармейцем в 388-й отдельный батальон 239-й стрелковой дивизии и в январе 1943 г. принимал участие в прорыве блокады Ленинграда. В октябре 1943 г. был откомандирован в созданное в г. Калинин суворовское военное училище. В июне 1945 г. в составе сводного батальона училища Павел Павлович Кабанов принимал участие в Параде Великой Победы, всего побывал на 13 Парадах Победы. Фронтовик, награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и юбилейными медалями. После окончания войны Павел Павлович проходил службу на офицерских должностях в группе советских войск в Германии, а затем в органах прокуратуры.

22.06.2023 г. Павлу Павловичу Кабанову исполнилось 94 года. Заслуженного ветерана поздравил Губернатор Тверской области Игорь Руденя, сотрудники областной прокуратуры, преподаватели и студенты юридического факультета ТвГУ».

Примечательно, что в течение декабря 2023 г. на факультете также презентуется подготовленная студентами фотовыставка «Зарисовки из жизни преподавателей». На ней представлены интересные фотографии, отражающие эмоции аудиторных занятий, а также подтверждающие широкий спектр увлечений преподавателей юридического факультета.

Не сомневаемся, что юридический факультет и впредь будет чтить традиции отечественной высшей школы.

Об авторе:

ИЛЬИНА Ольга Юрьевна – Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8737-6386, ORCID: 0000-0003-1939-9712, e-mail: Iilina.OY@tversu.ru

REVIEW OF EVENTS DEDICATED DAY OF TEACHERS OF HIGHER SCHOOL OF RUSSIA

O.Y. Ilyina

Tver State University, Tver

The article provides an overview of the events initiated in honor of Higher School Teacher's Day. The interaction of the teaching staff and student associations is noted. Attention is also focused on the participation of the faculty in projects implemented by the Knowledge society.

Keywords: *traditions of higher education, teacher, university, students.*

About author:

ILYINA Olga – Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 8737-6386, e-mail: Iliina.OY@tversu.ru

Ильина О.Ю. Обзор мероприятий, посвященных Дню преподавателя высшей школы России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 158–164.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023 г.

Подписана в печать 27.11.2023 г.

**ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ
УЧАСТИЕМ) НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ
ОБЩЕСТВО И ТВЕРСКОЙ КРАЙ: ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ»¹**

С.Н. Смирнов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются вопросы презентации результатов научных исследований деятельности Императорского православного Палестинского общества, в том числе на территории Тверского края. Данная презентация была организована в формате Всероссийской научно-практической конференции.

***Ключевые слова:** Императорское православное Палестинское общество, Тверской край, история, конференция, общественные организации, университеты, международное сотрудничество.*

С 21 по 22 сентября 2023 г. в Тверском государственном университете прошла Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Императорское Православное Палестинское Общество и Тверской край: история и современность». Конференция была организована Тверским государственным университетом и Тверским отделением Императорского Православного Палестинского Общества². Проведение конференции предусматривалось планом научной работы, выполняемой по утвержденной тематике на основании соглашения с Министерством науки и высшего образования Российской Федерации.

Цель конференции – обмен информацией и координация научных исследований по направлениям деятельности Тверского отделения Императорского Православного Палестинского Общества (далее – ИППО); популяризация исторического и культурного наследия Императорского Православного Палестинского Общества, выработка мер по практическому использованию результатов научных исследований в просветительской и воспитательной деятельности.

В программный комитет конференции вошли видные государственные и общественные деятели, ученые.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 2023-0013 «Деятельность Императорского Православного Палестинского Общества в Тверском крае в XIX–XXI вв.».

² Сайт Тверского государственного университета. URL: <https://tversu.ru/news/28829> (дата обращения: 17.11.2023).

Было установлено два формата участия в конференции: очный и заочный.

В конференции приняли участие Л.Н. Скаковская, д-р филол. наук, профессор, сенатор Российской Федерации, заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по науке, образованию и культуре; О.Б. Озеров, посол по особым поручениям Министерства иностранных дел Российской Федерации; Амвросий, митрополит Тверской и Кашинский, глава Тверской митрополии, председатель Синодальной Богослужбной комиссии Русской православной церкви; С.Н. Смирнов, канд. юрид. наук, доцент, врио ректора Тверского государственного университета; С.Ю. Житенёв, канд. культурологии, руководитель научной секции Императорского Православного Палестинского Общества; Е.А. Резван, д-р ист. наук, профессор, руководитель научного направления МАЭ (Кунсткамера) РАН; Г.А. Ивакин, д-р ист. наук, доцент, заместитель директора ФГБНУ «Психологический институт РАО»; Н.Д. Эриашили, д-р экон. наук, профессор, главный редактор издательства ЮНИТИ-ДАНА; Д.М. Софьин, канд. ист. наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета, председатель Пермского отделения Императорского Православного Палестинского общества; И.Н. Аксёнова, канд. филол. наук, доцент, председатель Тверского отделения Императорского Православного Палестинского общества, А.В. Зиновьев, д-р биол. наук, профессор, проректор по научной и информационной деятельности, председатель Тверского дворянского собрания, В.Б. Рыбачук, канд. филос. наук, председатель Общественной палаты г. Твери и другие представители научных и образовательных учреждений, духовных школ, органов государственной власти и местного самоуправления, общественных организаций Российской Федерации, а также представители научного сообщества, общественности и предпринимателей из Королевства Камбоджа, Королевства Таиланд, Республики Шри-Ланка.

Пленарные и секционные доклады участников конференции были посвящены таким темам, как: история Императорского Православного Палестинского Общества; историко-культурная и просветительская деятельность Тверского отделения Императорского Православного Палестинского Общества; актуальные направления деятельности отделений Императорского Православного Палестинского Общества на рубеже XX – начала XXI вв.; международное сотрудничество Тверского отделения Императорского Православного Палестинского Общества; учредители и деятели Тверского отделения Императорского Православного Палестинского Общества; традиции русского православного паломничества.

Концептуальные положения в своем докладе выдвинул и обосновал С.Ю. Житенёв. Он также остановился на некоторых организационных

аспектах деятельности местных органов Императорского Православного Палестинского Общества.

Канд. пед. наук, и.о. зав. кафедрой теологии Тверского государственного университета В.А. Симора в своем докладе рассказал о деятельности православных общественных объединений в Тверской губернии на рубеже XIX – XX вв.

Вопросы организации Тверским отделением ИППО международного сотрудничества в настоящее время осветила в своем выступлении И.Н. Аксёнова.

В докладе А.В. Зиновьева был, в частности, сделан анализ взаимодействия ИППО и органов дворянского самоуправления императорской России, прежде всего на примере Тверской губернии.

Вопросы российско-тайландских отношений были освещены в докладе заместителя президента компании «М-групп» доктора Каева (Таиланд) «Визит короля Сиамы Рамы V в Россию в 1897 г.».

Служению инициатора организации Русской духовной миссии в Иерусалиме епископа Порфирия был посвящен доклад Г.А. Ивакина «Епископ Порфирий (Успенский) как предвестник миссии Императорского Православного Палестинского Общества».

Творческое наследие известного тверского ученого В.М. Воробьева было рассмотрено в докладе д-ра ист. наук, профессора И.Г. Воробьевой «Императорское Православное Палестинское Общество и Тверской край в работах В.М. Воробьева».

О правовых вопросах в деятельности Императорского Православного Палестинского Общества рассказал в своем выступлении С.Н. Смирнов. В частности, он затронул тему взаимодействия в Российской империи государственных органов и общественных организаций и тему выполнения общественными организациями функций социального лифта.

Проблематике взаимодействия Тверского отдела ИППО с учебными заведениями Тверской губернии на рубеже XIX–XX вв. был посвящен доклад преподавателя кафедры социально-культурного сервиса Тверского государственного университета А.В. Цыгановой.

В своих докладах участники конференции осветили также деятельность Великого князя Сергея Александровича (Д.М. Софьин), великой княгини Елизаветы Федоровны (д-р ист. наук, зав. каф. всеобщей истории ТвГУ А.В. Белова), династии священноцерковнослужителей Пановых (д-р экон. наук, профессор кафедры конституционного, административного и таможенного права ТвГУ А.Н. Сухарев), а также другие темы.

Целый ряд докладов касался источниковых и историографических аспектов исследования деятельности Императорского Православного палестинского Общества и его местных отделов, в т.ч. Тверского отдела (канд. ист. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса ТвГУ

Ю.В. Бодрова, специалист по УМР Музейно-образовательного комплекса ТвГУ Д.Д. Беляева, м.н.с. управления научных исследований ТвГУ Д.А. Ряснянский и др.).

В рамках конференции прошла презентация выставки работ народного художника Российской Федерации Людмилы Юга «Сохраняя духовный удел...», презентация выставки работ тверского художника Владимира Васильева «Свет тверских куполов», презентация епархиальной выставки «Свет во откровения языков» (собрание книг из библиотеки Михайловской церкви города Торжка и личного собрания протоиерея Николая Алексеева), а также были представлены проекты международного театрализованного дефиле «Восточный ветер», посвященный путешествию великого князя Николая Александровича (будущего императора Николая II) на Восток в 1890–1891 гг.» и проект фотовыставки «Путешествие цесаревича великого князя Николая Александровича (будущего императора Николая II) на Восток в 1890–1891 гг.».

Подводя итог, можно сказать, что организация и проведение научно-практической конференции прошли на высоком уровне. Выступления участников конференции отличались своей актуальностью, новизной, широтой проблематики, глубиной анализа источниковой базы и содержательностью выводов. Ряд аспектов, включая историю взаимодействия государственных органов и общественных организаций, историю выполнения общественными организациями функций социального лифта (в т.ч. в период Российской империи), имеют прикладной характер и могут использоваться в настоящее время в процессе совершенствования нормативного регулирования соответствующих сфер общественных отношений.

Об авторе:

СМИРНОВ Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права, директор Института непрерывного образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

**OVERVIEW OF THE ALL-RUSSIAN RESEARCH-TO-PRACTICE
CONFERENCE (WITH INTERNATIONAL PARTICIPANTS)
“IMPERIAL ORTHODOX PALESTINE SOCIETY AND THE TVER
REGION: THE PAST AND THE PRESENT”**

S.N. Smirnov

Tver State University, Tver

The article addresses the issues of presenting research findings about the activities of the Imperial Orthodox Palestine Society, especially those that took place in the Tver region. This presentation followed the format of the All-Russian Research-to-Practice Conference.

Keywords: *Imperial Orthodox Palestine Society, Tver region, history, conference, public organizations, universities, international cooperation.*

About author:

SMIRNOV Sergey – PhD in Law, associate professor of the department of Legal Theory, director of the Institute of Continuous Education of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-code: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

Смирнов С.Н. Обзор всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Императорское Православное Палестинское Общество и Тверской край: история и современность» // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 165–169.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023 г.

Подписана в печать 27.11.2023 г.

Трибуна молодого ученого

УДК 343.3/.7

DOI: 10.26456/vtpravo/2023.4.170

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТАТЬЕ 280.3 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О.А. Медведева

АНО ВО «Северо-Кавказский социальный институт», г. Ставрополь

Объектом исследования являются вопросы применения норм права, установивших ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. Цель исследования – обоснование своевременности и необходимости указанных норм. Задача исследования – выявление особенностей их применения. Основным методом исследования является сравнительный. Результатом исследования является вывод о необходимости установления ответственности должностных лиц за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан.

Ключевые слова: уголовная ответственность, административная ответственность, уголовный закон, дискредитация, Вооруженные Силы Российской Федерации, наказание, ложная информация.

В феврале 2014 г. при активном содействии стран Запада на Украине была совершена неконституционная смена власти, а фактически государственный переворот. В ряде регионов Украины с преобладающим русскоязычным населением (юго-восток страны) начались массовые протесты против конституционности действий новой власти Украины и требования конституционной реформы, в частности проведение федерализации субъектов территорий Украины. Так, в апреле 2014 г., по результатам проведенных референдумов, властями двух субъектов Украины было объявлено о независимости Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) и Луганской Народной Республики (далее – ЛНР).

Новая власть Украины, не согласившись с итогами плебисцитов, развернула полномасштабные боевые действия против ДНР и ЛНР. На протяжении восьми лет украинские вооруженные силы и иные силовые структуры проводили боевые действия против вооруженных формирований непризнанных республик и их мирных жителей. При этом упор делался на уничтожение либо выдавливание с территорий республик русскоязычного населения.

Мировым сообществом были приняты меры по мирному урегулированию конфликта. В частности, при участии России, Франции, Германии стороны конфликта в 2014 и 2015 гг. заключили договоренности о согласовании плана мирного урегулирования (так называемые минские соглашения). Основным пунктом соглашений стали требования о проведении Украиной реформы по децентрализации власти и принятие закона об особом статусе Донбасса.

Но руководство Украины, при безусловной поддержке стран Запада, на протяжении восьми лет игнорировало соглашения, продолжая при этом силовое давление на непризнанные республики. Фактически проводился геноцид русских и пророссийски мыслящих граждан в ДНР и ЛНР. Более того, страны блока НАТО, подталкивая Украину к подобному поведению, преследовали цель приближения блока к границам России. Данное обстоятельство напрямую угрожало безопасности России.

Исчерпав все возможности мирного разрешения конфликта и обладая информацией о планировании Украиной и блоком НАТО резкой эскалации конфликта с переходом в полномасштабные боевые действия на территориях ДНР и ЛНР, Российская Федерация приняла решение о признании суверенитета ДНР и ЛНР. С руководством данных республик в конце февраля 2022 г. заключены договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (далее – договоры). По их условиям стороны, в числе прочего обязывались оказывать друг другу военную помощь.

Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в соответствии с требованиями Устава Организации Объединенных Наций, с соблюдением всех предусмотренных процедур принято решение о проведении специальной военной операции (далее – СВО) с целью защиты указанных республик.

В своем телевизионном обращении от 24.02.2022 г. Президент России В.В. Путин объяснил причины и мотивы проведения СВО, указав «что ее цель – защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. Мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации» [6].

С первых же дней проведения СВО на территории нашей страны активизировались представители несистемной оппозиции, а также недоброжелатели разного толка. Их деятельность свелась к огульному «очернению» деятельности Вооруженных Сил России в ходе проведения СВО, распространению разного рода ложной информации об их деятельности.

В складывающейся ситуации государство было вынуждено принять экстренные меры по пресечению распространения указанной ложной

информации. Этими мерами стало введение административной и уголовной ответственности за вышеуказанные незаконные действия.

Одной из мер явилась необходимость разработки и введения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) ст. 280.3, которой определена уголовная ответственность за «публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в указанных целях» [2].

Федеральным законом от 25.03.2022 г. № 63-ФЗ принята новая редакция ст. 280.3 УК РФ, вступившая в силу с 05.04.2022 г. Статья дополнена положениями об уголовной ответственности за совершение действий, «направленных на дискредитацию исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях» (далее – дискредитация ВС РФ и госорганов) [2].

В соответствии с введенными Федеральным законом от 18.03.2023 г. № 58-ФЗ поправками в УК РФ нормы об ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию ВС РФ и госорганов, распространены на добровольческие формирования, организации или физических лиц, которые оказывают содействие в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы. Кроме того, наказание по ч. 1 ст. 280.3 УК РФ увеличено с трех до пяти лет. Также выросло наказание по ч. 2 ст. 280.3 УК РФ (повторная дискредитация, повлекшая опасные последствия) – с пяти до семи лет лишения свободы.

В свою очередь, ст. 20.3.3 Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) дополнена ответственностью за дискредитацию добровольческих формирований, организаций или физических лиц, которые выполняют задачи для ВС РФ. Штрафы по данной статье составляют до 50 тыс. рублей для граждан и до 500 тыс. рублей для юридических лиц [1].

Общественная опасность рассматриваемого преступления состоит в том, что оно может значительно пошатнуть социально-политическую ситуацию в нашем государстве, дезорганизовать общественный порядок, создать угрозу госбезопасности страны.

Объектом рассматриваемого преступления являются отношения, связанные с запретом публичных действий, направленных на дискредитацию ВС РФ и госорганов.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ, – совершение активных публичных действий, направленных на дискредитацию ВС РФ и госорганов.

Привлечение к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 280. 3 УК РФ возможно только в том случае, если лицо ранее было привлечено к административной ответственности за подобное деяние и с этого момента не истек один год.

До введения данной нормы, уголовный закон понятия «дискредитация» не содержал. После выработки единой судебной практики будет возможно его толкование. В настоящее время под дискредитацией понимаются «любые умышленные действия, направленные на подрыв авторитета, имиджа, доверия и умаление достоинства» [3].

С момента введения административной ответственности за дискредитацию ВС РФ и госорганов только за первый месяц в суды поступило 610 дел по соответствующей статье КоАП РФ, как следует из статистики ГАС «Правосудие» [5].

Анализируя случаи привлечения к ответственности по этой статье, автор полагает, что их можно условно разделить на несколько видов.

К первому виду относятся дела, относящиеся к демонстрации плакатов, транспарантов, текстов на одежде, асфальте и т. д., заявлений, мнений, высказанных во время проведения протестных акций.

Ко второму виду относятся дела о публичных высказываниях, не связанных с такими акциями.

Третий вид – это дела о реализации печатных агитационных материалов и т. д.

К четвертому виду можно отнести случаи привлечения к ответственности за выражение своей позиции, сделанной в информационной среде.

Невзирая на то, что объективная сторона данного преступления выражается в публичных действиях, направленных на дискредитацию ВС РФ и госорганов, представляется, что данное действие возможно при осуществлении только одного из вышеуказанных публичных действий, определяющих это понятие. Для наступления предусмотренной уголовным законом ответственности за действия, направленные на дискредитацию ВС РФ и госорганов, достаточно только одного такого публичного действия при соблюдении требований закона о том, что лицо ранее уже наказывалось в административном порядке за подобное деяние. Наступление уголовной ответственности возможно только при совершении действий публично.

В качестве признака преступления публичность трактуется как открытость, общедоступность распространяемых данных, информации для неконкретизированного числа лиц. Публичность может состоять в распространении заведомо ложных сведений либо непосредственно в присутствии публики, либо в такой форме или таким способом, что они становятся или могут стать известными многим людям (например, путем публичной демонстрации надписей, рисунков и др.). Численность же

лиц, которым демонстрировали плакаты или надписи, не играет важную роль. Для квалификации имеет значение открытость, гласность, в том числе с применением средств техники (Интернета), направленность распространяемых сведений для множества лиц [7, с. 161–163]. Преступление совершается с прямым умыслом. Виновное лицо понимает, что публично совершает действия, направленные на дискредитацию ВС РФ и госорганов, осознает общественно опасный характер этих действий и желает это сделать.

На практике для привлечения к ответственности по ст. 280.3 УК РФ органам следствия предстоит доказать умысел конкретного лица, направленный на дискредитацию ВС РФ и госорганов. Это означает необходимость следствия доказать, что лицо своими действиями совершило с прямым умыслом акции, дискредитирующие вооруженные силы нашего государства. То есть в данном случае в ходе сбора доказательств по делу следует документально подтвердить, что лицо обладало сведениями о несоответствии информации действительности, произвело умышленные действия, направленные на доведение ее до иных лиц.

Субъектом преступления является любое лицо (гражданин России, иностранный гражданин, лицо без гражданства), достигшее 16-летнего возраста.

Квалифицирующим признаком состава преступления установлено «его совершение, повлекшие по неосторожности смерть, причинение вреда здоровью, имуществу, массовые нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо создавшие помехи функционированию или прекращение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи» [2].

Установление усиленной ответственности за указанный способ совершения преступления прежде всего связано как общей доктриной последних изменений в современном законодательстве, ограничивающих распространение недостоверных сведений о ВС РФ, так и тяжкими последствиями данного преступления.

Первый приговор по ст. 280.3 УК РФ о дискредитации Российской армии вынесен в Кабардино-Балкарии в отношении Ж. Заурбека, который в апреле 2022 г. в г. Нальчик дал команду дочери сорвать наклейку с изображением «Z» с припаркованной возле магазина машины. Под дискредитацией в первый раз суд посчитал его пацифистский комментарий к информации об общечеловеческой помощи из Кабардино-Балкарии в Донбасс и назначил наказание в виде штрафа. За повторное в течение года совершение аналогичного деяния ему назначено наказание в виде 2 лет лишения свободы условно с отсрочкой

приговора на 2 года и штрафом в размере 30 000 руб. [4].

Считаю, что параллельно с введением рассматриваемой ответственности государству необходимо в первую очередь сосредоточиться не только на репрессивной практике, но и на цивилизаторской и образовательной работе с гражданами, особое внимание заострив на патриотическом и военно-патриотическом воспитании. К сожалению, в современной реальности ушло на дальний план такое направление как военно-патриотическое воспитание. Как известно, именно оно было наиболее развитым и эффективно функционирующим с середины 60-х гг. XX в. Эта система являлась образцом для многих зарубежных государств, в том числе западноевропейских, которые немало заимствовали в тот период из советского опыта при решении проблем военно-патриотического воспитания граждан.

В настоящее время государством проводится определенная работа в сфере военно-патриотического воспитания граждан, действуют ряд законов и подзаконных нормативных правовых актов. Тем не менее проводимая работа нуждается в активизации, она должна быть планомерна, охватывать как можно больше населения и должна быть направлена на формирование чувства патриотизма у наших граждан, готовности к военной службе и защите государства.

В сети Интернет после принятия закона об уголовной ответственности за данный вид правонарушения появилось множество предложений о дополнениях диспозиции статьи с указанием конкретных организаций и учреждений, подлежащих защите от дискредитации в рассматриваемой сфере (подразделения Войск национальной гвардии и Министерства внутренних дел Российской Федерации) [8, с. 186–190]. Указанные предложения несомненно заслуживают внимания и требуют проработки законодательным органом.

Вместе с тем автор считает необходимым и актуальным внести следующие изменения в ч. 2 ст. 280.3 УК РФ, предусматривающие квалифицированный состав уголовной ответственности за совершение данного деяния лицом с использованием своего служебного положения, а именно дополнить абзацем следующего содержания:

«а) совершенные лицом с использованием своего служебного положения;

– наказываются...»

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 24.06.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ

(ред. от 13.06.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Методическое письмо «Об особенностях комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией использования Вооруженных сил Российской Федерации», утверждено Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (протокол № 2 от 17.06.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. В России вынесен первый уголовный приговор о дискредитации армии [Электронный ресурс]. URL: https://legal.report/v-rossii-vynesen-pervyj-ugolovnyj-prigovor-o-diskreditaczii-armii/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop, свободный (дата обращения: 17.07.2023).

5. Ламова Е. В суды поступило более 600 административных дел по дискредитации армии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/04/2022/625535529a79472a2d17b7b8> (дата обращения: 16.07.2023).

Об авторе:

МЕДВЕДЕВА Ольга Алексеевна – аспирант по направлению подготовки 40.06.01 Юриспруденция (направленность (профиль) программы «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право») АНО ВО «Северо-Кавказский социальный институт» (355012, г. Ставрополь, ул. Голенева, 59А), e-mail: abitur@sksi.ru

ON THE ISSUE OF LIABILITY UNDER ARTICLE 280.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

O.A. Medvedeva

North Caucasian Social Institute, Stavropol

The object of the study is the application of legal norms that have established responsibility for public actions aimed at discrediting the Armed Forces of the Russian Federation in order to protect the interests of the Russian Federation and its citizens, maintain international peace and security. The purpose of the study is to substantiate the timeliness and necessity of these norms. The task of the study is to identify the features of their application. The main method of research is comparative. The result of the study is the conclusion that it is necessary to establish the responsibility of officials for public actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation in order to protect the interests of the Russian Federation and its citizens.

Keywords: *criminal responsibility, administrative responsibility, criminal law, discredit, Armed Forces of the Russian Federation, punishment, false information.*

About author:

MEDVEDEVA Olga – postgraduate student in the field of training 40.06.01 Jurisprudence (focus (profile) of the program «Criminal Law and Criminology; penal enforcement law») North Caucasian Social Institute (59A, Goleneva str., Stavropol, 355012), e-mail: abitur@sksi.ru

Медведева О.А. К вопросу об ответственности по статье 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 170–177.

Статья поступила в редакцию 14.07.2023 г.

Подписана в печать 27.11.2023 г.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

П.И. Фетисов

ОЧУ ВО «Московский университет имени А.С. Грибоедова», г. Москва

Для построения прогноза развития киберпреступности по отдельным видам посягательств рассматривается группа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Целью исследования является углубление научного знания о видах преступлений, совершаемых посредством сети Интернет, для разработки мер противодействия им. Задача исследования состоит в установлении совокупности преступлений, для совершения которых активно используется интернет-пространство. В работе применялись формально-юридический, системно-структурный, статистический методы научного познания. К результатам относится углубление теории криминологии по рассматриваемым преступлениям для их профилактики. Делается вывод о том, что традиционные способы совершения преступлений совершенствуются посредством кибертехнологий; виды преступлений с их использованием будут качественно обновляться.

Ключевые слова: Интернет, киберпреступность, цифровые технологии, информационные технологии, социальные сети, криминальные риски.

Стремительное развитие цифровых технологий обусловило приток миллионов людей на виртуальные площадки не только для общения, поиска информации, но и для реализации своих запросов на получение различных услуг (медицина, целительство, налоги, торговля, обучение и др.). По состоянию на 01.01.2022 г. в России насчитывалось 129,8 млн пользователей Интернета, т. е. 89 % населения от общей его численности (для сравнения, в 2016 г. их было 80 млн) [2]. Представить современное информационное общество без интернет-телевидения, новостных агрегаторов, социальных сетей, сайтов, мобильных мессенджеров и электронной почты невозможно. А потому каждый пользователь Сети может стать потенциальной жертвой киберпреступников [12, с. 25]. Так, по данным Генеральной прокуратуры РФ, за январь-июнь 2023 г. число преступлений, совершенных через мобильную связь и интернет, выросло на 39 % [8].

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации подчеркивается, что методы, способы и средства совершения преступлений с использованием информационных технологий становятся все более изощренными. Значительно возросли и масштабы

такой преступности. Статистический рост количества преступлений отмечается в кредитно-финансовой сфере; в разы увеличилось число посягательств против конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе нарушающих неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайны, при обработке персональных данных с использованием информационных технологий [3]. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации среди наиболее опасных киберпреступлений названы также легализация преступных доходов, финансирование терроризма, организация незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ и использование в противоправных целях цифровых валют (п. 11 ст. 47) [1]. А потому для обеспечения государственной и общественной безопасности с учетом высокого потенциала информационных угроз для России и ее граждан в качестве приоритетной обозначена цель предупреждения и пресечения правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Структуру киберпреступности образуют две группы преступлений: 1) в сфере компьютерной информации (гл. 28 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)); 2) совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Ко второй группе уголовно наказуемых деяний относятся следующие виды посягательств:

1. Преступления против собственности. Согласно отчетам о состоянии преступности, опубликованным Генеральной прокуратурой РФ, основным мотивом совершения преступлений с использованием сети Интернет является корысть. Ведомство отмечает, что в январе-июне 2023 г. зарегистрировано более 166,8 тыс. мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (или 79,1 % от общего числа мошенничеств). Темп их прироста относительно аналогичного периода 2022 г. увеличился на 40,5 %. Число краж с банковского счета с использованием интернет-технологий составило 56,2 тыс.

Пользователи социальных сетей, сайтов знакомств, будучи потенциальными жертвами, размещают в открытом доступе информацию о себе, включая данные о месте проживания, фотографии из поездок, а также ссылки, репосты, геолокацию, что позволяет злоумышленникам использовать опубликованные сведения для совершения преступлений. Фото или видео интимного характера, которые киберпреступник получает от жертвы в личной переписке, становятся средством вымогательства денежных средств. К примеру, резонансным является дело бывшего оперативника Центра «Э» МВД РФ В., прослужившего в полиции тринадцать лет. Он являлся владельцем паблика «Омбудсмен полиции», а его администратором был Р.К.,

действующий сотрудник УВД на Московском метрополитене. Уволенный из полиции в звании майора В. просил Р.К. оказать ему содействие в трудоустройстве в УВД. После того, как В. отказали в приеме на работу, он решил отомстить приятелю. В. попросил свою знакомую, чтобы она уговорила Р.К. отправить его интимные фото. В. разместил снимки в своем паблике «Омбудсмен полиции», а за их удаление стал требовать у Р.К. 300 тыс. руб. Люблинский районный суд г. Москвы признал В. виновным не только в вымогательстве в отношении Р.К., но и в распространении порнографии. В. разместил два интимных снимка Д. – сотрудницы подразделения по делам несовершеннолетних МВД России [9].

Дистанционно может совершаться и мошенничество. Виновный размещает объявление о продаже товаров или оказании услуг, требуя перевода полной оплаты или ее части, а затем либо отправляет по почте вещь, не соответствующую по качеству стоимости, либо блокирует покупателя и исчезает (в науке эта схема получила название виртуального товарообмена). Имеют место случаи, когда мошенник, напротив, использует объявления потерпевшего и для «перевода» денег на карту получает секретную информацию жертвы (пин-код от карты, CVV-код, личные данные) [15, с. 137].

Объектом внимания мошенников становятся и одинокие женщины, ушедшие в сетевое пространство для поиска спутника жизни. Схема романтического афериста в социальных сетях и на сайте знакомств одна – втереться в доверие к жертве и поиграть на ее чувствах. После непродолжительной переписки мошенник признается в чувствах и, используя разные предлоги, просит помочь в трудной ситуации с деньгами. Причем такие манипуляции могут совершаться и в отношении мужчин, когда по ту сторону экрана находится якобы красотка, желающая выйти замуж. К примеру, Новочебоксарский городской суд Чувашской Республики признал виновным С., который вступил в сговор с неустановленным лицом, владеющим иностранными языками. Он зарегистрировался на зарубежном сайте знакомств, осуществив рассылку писем на электронный ящик мужчинам, желающим познакомиться с женщиной из России для создания семьи. Один из них, гражданин Польши, ответил на письмо, после чего С. совместно с другим соучастником направлял потерпевшему письма «от девушки». В ходе переписки на любовные темы С. обратился к потерпевшему с просьбой прислать деньги для оформления визы и заграничного паспорта для поездки «девушки» в Польшу. Затем С. требовал перевода денег на авиабилет, оплату штрафа по кредитному договору, проведение срочной операции. Всего потерпевшими по делу были признаны четыре иностранных гражданина из Австрии, Польши и Чехии, а общий ущерб составил более 500 тыс. руб. [19].

2. Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Правоприменительная практика и специалисты отмечают рост фактов купли-продажи наркотиков через Интернет. Число таких преступлений увеличилось на 21 % в сравнении с предыдущим годом [10, с. 63]. Исследователи, изучившие структуру преступности в социальных сетях и на других интернет-площадках, указывают на большую долю в них деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. По данным В.С. Соловьева, в выборке приговоров по делам, где использовались информационно-коммуникационные технологии, их оказалось 24,5 % (незаконные приобретение и сбыт наркотиков) [14, с. 61]. Масштабы наркопреступности в сети Интернет сложно оценить в цифрах, поскольку на показатели ее выявления и раскрытия влияют следующие меры конспирации: использование крупными наркодилерами криптовалюты в качестве платы, а также теневого сегмента сети Интернет (Hydra, Даркнет, TOR), мессенджеров (в большинстве приговоров – Telegram) и закрытых групп в социальных сетях для переписки с покупателями; распределение ролей (закладчики, кураторы интернет-магазинов, администраторы, курьеры), при котором организаторы сети избегают уголовной ответственности. Колоссальный криминальный доход от продажи запрещенных препаратов легализуется при помощи уже отработанных преступных схем обналичивания прибыли. Так, Советский районный суд г. Орла признал виновными в сбыте наркотических средств Ф-ву, Ш. и В. Для конспирации преступной деятельности группа использовала приложение Telegram (чат-бот), работающее с помощью Интернета, в которой оператор онлайн-магазина принимал «заказ». Соучастники общались с покупателями под вымышленными именами. Сбыт наркотиков осуществлялся через закладки, приспособленные или приисканные укромные места, незаметные для неосведомленных лиц. Ш. и Ф-ва являлись «фасовщиками-закладчиками» наркотических средств. Они расфасовывали, хранили и доставляли их к тайнику для сбыта; В. разрабатывал планы и способы совершаемых преступлений, приискивал наркотики, покупателей, распределял денежные средства [17].

3. Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности. Цифровые и информационно-телекоммуникационные технологии трансформировали отношения между людьми в сфере сексуальных отношений. Проявлением цифросексуализма является секстинг, т. е. пересылка сообщений эротического содержания, интимных фотографий и видеозаписей [13, с. 50]. При оценке криминологических рисков специалисты прогнозируют значительное увеличение показателей «сексуализированных» преступлений. На просторах Глобальной сети процветает торговля девственностью, фиксируются многочисленные факты сексуального

развращения несовершеннолетних и др. [4, с. 162]. Цифросексуализм, как пишет В.С. Соловьев, повышает риск совершения посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних. «Виртуальные педофилы» подыскивают жертву в социальных сетях и закрытых группах, а затем отправляют ей видеоматериалы эротического или порнографического характера [11, с. 65]. Так, Курганским районным судом Краснодарского края постановлен обвинительный приговор по уголовному делу в отношении местного жителя, осуществлявшего рассылку детям сообщений и фотографий сексуального характера [18]. В других случаях преступники вступают в переписку с детьми, склоняют их к отправке своих интимных фото. Председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин видит проблему в том, что «в большинстве случаев дети, совершившие первый неверный шаг, отправив фото или видео, продолжают находиться во власти педофила, выполняя все более изощренные требования. Педофилы умело манипулируют детьми, играя на чувстве страха, вины, стыда, боязни быть разоблаченными перед одноклассниками или друзьями, а самые близкие люди не объясняют им, что поддаваться на интернет-шантаж ни в коем случае не следует» [6, с. 7].

4. Преступления против общественной нравственности. Трансформация интернет-пространства в платформу для криминальной деятельности способствовала виртуальному рекрутингу взрослых и несовершеннолетних в занятие проституцией и порнографией. В теневой части Глобальной сети размещается детское порно. Особую категорию жриц любви составляют «элитные» проститутки, наем которых для богатых и известных осуществляется при помощи онлайн-ресурсов. Как отмечает И.С. Алихаджиева, «продажа элитных сексуальных услуг ушла в закрытые сегменты сети Интернета – Dark Web и бесплатные приложения и мессенджеры (например, WhatsApp, Telegram). Рабочей площадкой эскортной проституции выступает, к примеру, запрещенная в России сеть, где по профилю и качественным фотосъемкам гламурной жизни определяется ценник работницы этой сферы» [5, с. 182].

Рынок коммерческих сексуальных услуг посредством Интернета стал более закрытым, а значит и виктимным для его участников. Поиск клиентов секс-работницы осуществляют в социальных сетях, мессенджерах и на сайтах знакомств. Подобный подход к организации своей работы позволяет им не платить сутенерам, преступным сообществам и правоохранителям, однако во много раз увеличивает риск стать жертвой вора, насильника или убийцы. Например, Санкт-Петербургский городской суд вынес приговор мужчине, убившему проститутку с особой жестокостью. На сайте объявлений индивидуалок, работающих без сутенеров, преступник выбрал жертву по высокой стоимости услуги и возможности связаться с ней по мессенджеру. Купив заранее нож и телефон, он пришел к ней домой, где избил и нанес не

менее сорока ударов ножом. Пресс-служба ГСУ СК РФ по Санкт-Петербургу сообщила, что мотивом убийства явился кредит в банке, долг по которому составил 270 тыс. руб. [7].

5. Преступления против неприкосновенности частной жизни, чести и достоинства личности. Исследователи отмечают высокие риски использования персональных данных, размещенных их владельцами в киберпространстве [16, с. 142]. Конфиденциальная информация продается в теневой части Интернета в виде систематизированных личных данных сотен тысяч людей, похищенных посредством взлома компьютерных систем крупнейших банков, перевозчиков, сервисов услуг, магазинов и др. Известны случаи, когда злоумышленники использовали «слитые» базы персональных данных для мошенничества или вымогательства, а при отказе потерпевшего платить, в Сеть размещалась информация, способная навредить репутации жертвы, распространялись порочащие сведения (диссинг). Другой формой онлайн-травли является аутинг, когда публикуется личная информация, к примеру адрес или телефон идентифицированной жертвы, на который приходят сообщения с оскорблением и угрозами насилием. Травля в цифровом пространстве может выражаться в унижении достоинства человека, злых шутках в комментариях, постах и др. По данным опроса социальной сети «ВКонтакте», 60 % пользователей сталкивались с агрессией на площадке.

Подводя итоги исследования, следует отметить, что структуру преступности, связанной с использованием информационных технологий, образуют не только рассмотренные посягательства. Ввиду множества видов преступлений, совершаемых виртуально, не представляется возможным в одной статье дать обстоятельную характеристику каждому. Дальнейшее расширение сферы применения высоких технологий и их модернизация позволяют прогнозировать появление новых способов использования сети Интернет в криминальных целях, а значит и качественно негативных изменений преступности в целом. Отсюда задачей криминологической науки является разработка мер по минимизации рисков, связанных с перемещением значительной части злоумышленников во Всемирную сеть для преступных целей.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
2. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 год» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

3. Указ Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

4. Алихаджиева И.С. О новых тенденциях современной секс-индустрии и ее криминологических рисках // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 160–173.

5. Алихаджиева И.С. Организация занятия элитной проституцией в сети Интернет // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8. № 4 (29). С. 179–185.

6. Бастрыкин А.И. Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 5–12.

7. В Петербурге мужчина убил проститутку, чтобы погасить кредит [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/07/20/lollm9u562680499082> (дата обращения: 22.10.2023).

8. В России число совершенных через мобильную связь и интернет преступлений выросло на 39% [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18417795?ysclid=loler8q xv312372608> (дата обращения: 22.10.2023).

9. «Омбудсмен полиции» получил пять лет колонии за вымогательство и распространение порнографии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bfm.ru/news/505798?ysclid=lofsveub69888099163> (дата обращения: 22.10.2023).

10. Пинкевич Т.В. Обеспечение криминологической безопасности в условиях цифровой трансформации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 2 (48). С. 63–68.

11. Родивилин И.П. Типологизация лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации, по способу преступного деяния // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 4 (67). С. 25–29.

12. Родивилин И.П., Коломинов В.В., Брыжак Д.Э. Интеллектуальный разврат несовершеннолетних в сети Интернет // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 1 (27). С. 64–76.

13. Соловьев В.С. Криминологические риски цифросексуализма // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 3. С. 47–56.

14. Соловьев В.С. Преступность в социальных сетях интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. № 1. С. 60–72.

15. Сынгаевский Д.В. Мошенничество в глобальной сети Интернет как объект виктимологического исследования // Современный юрист. 2013. № 4. С. 136–144.

16. Хохлова Е.В. Социальная обусловленность уголовной ответственности за преступления, связанные с персональными данными // Вестник Тверского государственного университета. Серия Право. 2022. № 3 (71). С. 141–148.

17. Приговор Советского районного суда г. Орла от 21.05.2020 г. по делу № 1-115/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/c4dPrSYf9Eg1> (дата обращения: 25.10.2023).

18. Приговор Курганинского районного суда Краснодарского края от 12.05.2022 по делу № 1-223/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XvHrPQUlnDWQ/> (дата обращения: 22.10.2023).

19. Приговор Новочебоксарского городского суд Чувашской Республики от 27.09.2017 по делу № 1-223/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ОНсRkrvsjZNj/> (дата обращения 29.10.2023).

Об авторе:

ФЕТИСОВ Павел Ильич – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, криминологии и уголовно-исполнительного права ОЧУ ВО «Московский университет имени А.С. Грибоедова (ИМПЭ им. А.С. Грибоедова)» (105066, г. Москва, ул. Новая Басманная, 35, стр. 1); e-mail: kamenskiy.maxim@mail.ru

CURRENT STATE OF CRIMES COMMITTED USING INFORMATION TECHNOLOGIES

P.I. Fetisov

Moscow University named after A.S. Griboedov, Moscow

To build a forecast of the development of cybercrime for certain types of encroachments, a group of crimes committed using information and telecommunication technologies is considered. The purpose of the study is to deepen scientific knowledge about the types of crimes committed through the Internet to develop countermeasures against them. The task of the study is to establish the totality of crimes for which the Internet space is actively used. The work used formal-legal, system-structural, statistical methods of scientific knowledge. The results include deepening the theory of criminology on the crimes in question for their prevention. It is concluded that traditional methods of committing crimes are being improved through cyber technologies; types of crimes with their use will be qualitatively updated.

Keywords: *Internet, cybercrime, digital technologies, information technologies, social networks, criminal risks.*

About author:

FETISOV Pavel – graduate student in the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Moscow University named after A.S. Griboedov (IMPE named after A.S. Griboedov), 105066, Moscow, Novaya Basmannaya St., 35, p. 1, e-mail: kamenskiy.maxim@mail.ru

Фетисов П.И. Современное состояние преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 178–185.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023 г.

Подписана в печать 27.11.2023 г.

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право
решением Президиума ВАК включён в Перечень российских
рецензируемых научных журналов в редакции 2022 года, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии:

170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222.

Тверской государственный университет: телефон/факс: (4822) 70-06-57.

Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);

технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;

law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право

№ 4 (76), 2023

Подписной индекс: **85714** (подписной интернет-каталог «Пресса России»)

Подписано в печать 12.12.2023. Выход в свет 14.12.2023.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,27.

Тираж 500 экз. Заказ № 291.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел.: 8 (4822) 35-60-63. *Цена свободная.*